

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Астафьева Ольга Николаевна,
доктор философских наук,
профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ, лауреат премии
Правительства РФ в области культуры
(Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации)

Васильева Ольга Юрьевна,
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки РФ, академик РАО, член
Международной ассоциации
истории религий, почетный член
Российской академии художеств
(Российская академия образования)

Гендина Наталья Ивановна,
доктор педагогических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации
(Московский государственный
институт культуры)

Гукаленко Ольга Владимировна,
доктор педагогических наук,
профессор, академик РАО,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования
(Институт содержания
и методов обучения)

Ануфриева Наталья Ивановна,
доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник
высшего профессионального
образования РФ
(Московский государственный
институт культуры)

Ахмедов Дильшод Дильмурадovich,
PhD технических наук,
старший научный сотрудник
(Научно-исследовательский
институт развития цифровых
технологий и искусственного
интеллекта, Республика Узбекистан)

Дорофеева Людмила Григорьевна,
доктор филологических наук,
профессор (Балтийский
федеральный университет
имени Иммануила Канта)

Зорилова Лариса Сергеевна,
доктор культурологии, кандидат
педагогических наук, профессор,
член Союза писателей России, член-
корреспондент Международной
академии наук педагогического
образования, почетный работник
высшего образования (Российская
академия музыки имени Гнесиных)

Литвак Римма Алексеевна,
доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник
высшего профессионального
образования Российской Федерации
(Челябинский государственный
институт культуры)

Иванова Светлана Вениаминовна,
доктор философских наук, кандидат
педагогических наук, профессор,
почетный работник общего образова-
ния РФ, академик РАО, заслуженный
деятель науки РФ (Институт страте-
гии развития образования РАО)

Колин Константин Константинович,
доктор технических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ (Федеральный
исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН)

Корсакова Ирина Анатольевна,
доктор культурологии, кандидат
философских наук, доцент
(Московский государственный
институт музыки имени А. Г. Шнитке)

Кошкин Руслан Петрович,
доктор технических наук, профессор,
член Союза авиапроизводителей
России, почетная грамота
Президента РФ (Государственный
научно-исследовательский
институт гражданской авиации)

Малыгина Ирина Викторовна,
доктор философских наук, профессор
(Московский государственный
лингвистический университет)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лопатина Наталья Викторовна,
доктор педагогических
наук, профессор,
почетный работник
сферы образования РФ
(Московский государственный
институт культуры)

Майковская Лариса Станиславовна,
доктор педагогических
наук, профессор,
почетный работник
высшего профессионального
образования РФ
(Московский государственный
институт культуры)

Малинецкий Георгий Геннадьевич,
доктор физико-
математических наук, профессор,
действительный член
Академии военных наук
(Институт прикладной математики
имени М. В. Келдыша РАН)

Мареева Елена Валентиновна,
доктор философских
наук, профессор
(Московский государственный
институт культуры)

Мухиддинов Сайдали Раджабович,
доктор исторических наук,
кандидат педагогических наук,
профессор, член Союза
художников Таджикистана
(Российско-Таджикский
(Славянский) университет,
Республика Таджикистан)

Мотульский Роман Степанович,
доктор педагогических наук,
профессор, заслуженный
деятель культуры Республики
Беларусь (Институт современных
знаний имени А. М. Широкова,
Республика Беларусь)

Синецкий Сергей Борисович,
доктор культурологии,
доцент, профессор
(Челябинский государственный
институт культуры)

Тешабаева Умида Алимджановна,
PhD, директор
(Национальная библиотека
Узбекистана имени Алишера
Навои, Республика Узбекистан)

Федякина Лидия Васильевна,
доктор педагогических наук,
кандидат экономических наук,
профессор, член-корреспондент
РАО (Министерство культуры РФ)

Шрайберг Яков Леонидович,
доктор технических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки РФ, заслуженный работник
культуры РФ (Государственная
публичная научно-техническая
библиотека России)

Садовская Валентина Степановна,
доктор педагогических
наук, профессор,
заслуженный работник
культуры РФ
(Московский государственный
институт культуры)

Серегин Николай Васильевич,
доктор педагогических
наук, профессор,
заслуженный работник
культуры РФ
(Алтайский государственный
институт культуры)

Синявина Наталья Владимировна,
доктор культурологии,
доцент
(Московский государственный
институт культуры)

Христидис Татьяна Витальевна,
доктор педагогических
наук, профессор
(Московский государственный
институт культуры)

Шарковская Наталия Владимировна,
доктор педагогических
наук, доцент
(Московский государственный
институт культуры)

Ярошенко Николай Николаевич,
доктор педагогических
наук, профессор
(Московский государственный
институт культуры)

№2 (61), 2026

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 года

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

Колин К. К.

Информационная парадигма познания
как концептуальная основа повышения качества образования 6

Воеводина Л. Н.

Эволюция англо-американской культурологии:
этапы становления и трансформация исследовательских парадигм . . . 22

Богданов М. С.

Государственный музей и частное коллекционирование:
единство противоположностей (на материале
отечественной истории советского периода) 31

Тютюнник В. С.

Танец как способ конструирования
идентичности в современной культуре 43

Чэнь Ганган

Кросс-культурный анализ литературного нарратива в Китае
и России в период социальных трансформаций (1980–1990-е годы) . . . 53

Искусствоведение

Фомина В. П.

Особенности вокальной интерпретации арий из опер К. Монтеверди
в контексте исторически информированного исполнительства 63

Фесенко А. В.

Тема времени в творчестве художника-фантаста Г. Г. Голобокова 74

Фугина О. А.

Древний и современный египетский танец: диалог веков 88

Филологические науки

Степанов С. А.

Русский провинциальный город в классической реалистической прозе XIX – XX веков 103

Шеина М. К.

Живой язык народа – отражение его материальной и духовной культуры 113

Социокультурные практики

Маслова Н. С., Кудрина Е. Л.

Соответствие региональных стандартов проектного управления в сфере культуры национальным и международным стандартам (на примере Республики Северная Осетия-Алания) 120

Итерман Л. Н., Садовская В. С.

Мониторинг ошибок речевой деятельности на занятиях по английскому языку: опыт исследования 134

Кернерман М. В., Лобода А. А.

От предпрофессиональной подготовки к профильному вузу: механизмы преемственности в системе подготовки кадров для креативных индустрий 145

Ускова И. В.

Здоровьесберегающий аспект организации домашней учебной работы школьников 161

Мазурицкая М. А.

Сравнительный анализ восприятия учебной дисциплины «Информационная культура личности» студентами факультета государственной культурной политики и факультета музыкального искусства МГИК 172

Библиотекосведение, библиографосведение и книговедение

Тарасов П. К.

Ключевые признаки библиотеки будущего: попытка прогнозирования 186

Марчукова В. А.

Становление библиотечной системы в Московском коммерческом институте 195

№2 (61), 2026

Published 4 times a year

Published since 2008

CULTURE & EDUCATION

SCIENTIFIC INFORMATION
JOURNAL FOR UNIVERSITIES
OF CULTURE AND ARTS

CONTENTS

Theory and history of culture

Kolin K. K.

The Information Paradigm of Cognition
as a Conceptual Basis for Improving the Quality of Education 6

Voevodina L. N.

Evolution of Anglo-American Cultural Studies:
Stages of Formation and Transformation of Research Paradigms 22

Bogdanov M. S.

State Museum and Private Collecting: the Unity
of Opposites (Based on the National History of the Soviet Period) 31

Tyutyunnik V. S.

Dance as a Way of Constructing Identity in Contemporary Culture 43

Chen Ganggan

Cross-Cultural Analysis of Literary Narrative in China and Russia
During the Period of Social Transformations (1980s–1990s) 53

Art history

Fomina V. P.

Vocal Interpretation of Operatic Arias
by C. Monteverdi: Historically Performed Perspective 63

Fesenko A. V.

The Concept of Time in the Works
of the Science Fiction Artist G. G. Golobokov 74

Fugina O. A.

Ancient and Modern Egyptian Dance: Dialogue of Centuries 88

Philological sciences

Stepanov S. A.

Russian Provincial City in Classic Realistic
Prose of the 19th and 20th Centuries103

Sheina M. K.

The Living Language of a People
is a Reflection of its Material and Spiritual Culture.113

Socio-cultural practices

Maslova N. S., Kudrina E. L.

Conformity of Regional Project Management Standards
in the Sphere of Culture with National and International Standards
(Using the Republic of North Ossetia-Alania as an Example)120

Iterman L.N., Sadovskaya V. S.

Monitoring Mistakes of Speech Activity
in English Language Classes: Research Experience134

Kernerman M. V., Loboda A. A.

From Pre-Professional Training to a Specialized University:
Continuity Mechanisms in the Creative Industries Training System145

Uskova I. V.

The Health-Saving Aspect of Organizing
School Homework for Schoolchildren161

Mazuritskaya M. A.

Comparative Analysis of the Perception of the Academic
Discipline «Personal Information Culture» by Students
of the Faculty of State Cultural Policy and the Faculty
of Musical Art of Moscow State Institute of Culture172

Library science, bibliography and book studies

Tarasov P. K.

Key Attributes of the Library of the Future: a Forecasting Attempt186

Marchukova V. A.

The Development of the Library System
at the Moscow Commercial Institute195

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 008

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-6-21>

Константин Константинович КОЛИН,

доктор технических наук, профессор,
Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление»,
Российская академия наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: kolinkk@mail.ru

Аннотация. Проведен системный анализ проблемы повышения качества высшего образования в России в условиях нарастания глобальных вызовов и угроз XXI века. Показано, что приоритетной задачей является формирование научного мировоззрения нового поколения лидеров интеллектуальной элиты общества, которым предстоит найти пути выхода из системного кризиса современной цивилизации. Для решения этой проблемы необходимо использовать фундаментальные результаты российской науки в области изучения философии информации и формирования информационной парадигмы научного познания. Рассмотрены основные новые направления информационных исследований в области естественных и гуманитарных наук, которые в последние годы формируются в России. Их результаты позволят получить более целостное знание о закономерностях глобальной эволюции природы, человека и общества, которые необходимы лидерам интеллектуальной элиты для принятия решений в области стратегии дальнейшего безопасного развития страны. Рассмотрена структура и содержание новой комплексной системы информационного образования, концепция которой разработана в Российской академии наук.

Ключевые слова: глобальные вызовы и угрозы, интеллектуальная элита, информационное образование, качество образования, методология науки, парадигма познания.

Для цитирования: Колин К. К. Информационная парадигма познания как концептуальная основа повышения качества образования // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 6–21. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-6-21>

THE INFORMATION PARADIGM OF COGNITION AS A CONCEPTUAL BASIS FOR IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION

Konstantin K. Kolin,
DSc in Technical Sciences, Professor,
Federal Research Center
«Computer Sciences and Control»,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: kolinkk@mail.ru

Abstract. A systematic analysis of the problem of improving the quality of higher education in Russia in the context of growing global challenges and threats of the 21st century has been carried out. It is shown that the priority task is to form the scientific worldview of a new generation of leaders of the intellectual elite of society, who will have to find ways out of the systemic crisis of modern civilization. To solve this problem, it is necessary to use the fundamental results of Russian science in the field of studying the philosophy of information and the formation of the informational paradigm of scientific knowledge. The main new directions of information research in the field of natural sciences and humanities, which have been formed in Russia in recent years, are considered. Their results will provide a more holistic knowledge of the patterns of global evolution of nature, man and society, which are necessary for the leaders of the intellectual elite to make decisions in the field of the strategy for the further safe development of the country. The structure and content of a new integrated system of information education education, the concept of which was developed in the Russian Academy of Sciences, is considered.

Keywords: global challenges and threats, intellectual elite, information education, education quality, science methodology, cognition paradigm.

For citation: Kolin K. K. The Information Paradigm of Cognition as a Conceptual Basis for Improving the Quality of Education. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 6–21. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-6-21>

Актуальность проблемы

Повышение качества образования является одной из ключевых проблем развития цивилизации в XXI веке. От успешного решения этой проблемы зависит не только уровень и качество жизни быстро растущего населения нашей планеты, но также и его возможности противодействия тем глобальным вызовам и угрозам, которые в последние годы быстро нарастают. Успехи современной научно-технологической революции создают принципиально новые возможности для интеллектуального развития общества и решения на этой основе его многих социально-экономических и гуманитарных проблем. Однако для этого люди должны обладать необходимыми знаниями и умениями в области использования информации и новых информационных технологий. А для интеллектуальной элиты общества необходимы также и современные знания о фундаментальных законах глобальной эволюции сложной системы «Природа-человек-общество», в основе которых находятся законы проявления феномена информации в различных компонентах этой системы.

Одним из перспективных направлений решения этой проблемы является формирование *информационной парадигмы научного познания*, которая идет на смену доминирующей сегодня в науке вещественно-энергетической парадигме. Достижения российской научной школы в области изучения философии информации создают для этого реальные возможности, которые необходимо сегодня более эффективно использовать в российской системе высшего образования.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать пути решения этой проблемы на основе использования концепции комплексной системы информационного образования, которая разработана в Российской академии наук и предполагает применение информационного подхода в ряде традиционных областей научного знания при изучении проблематики естественной и гуманитарной направленности.

Информационные аспекты качества образования в XXI веке

Благодаря исследованиям российских ученых, в последние годы формируется новое представление о качестве образования [3; 4; 15; 29]. При этом на первый план выдвигаются информационные аспекты этого качества [17; 18]. Основными причинами, которые обуславливают эту тенденцию, являются новые требования к качеству образования в современных условиях становления нового технологического уклада общества на фоне нарастания комплекса глобальных проблем развития современной цивилизации. Наиболее важными из этих требований являются следующие.

1. Качественное образование должно обеспечивать *успешную социализацию личности* в условиях перехода общества к новому технологическому укладу. Его характерными особенностями в развитых странах является все более широкое использование информационных ресурсов и информационно-коммуникационных технологий, которые становятся катализаторами развития других видов социально значимых технологий, их интеграции и использования в интересах решения важнейших задач жизнеобеспечения общества [3].
2. Качественное образование должно также обеспечивать *способности специалистов к самообучению*, освоению новых специальностей и повышению своей квалификации. С этой целью во многих странах создаются и все более широко используются системы открытого образования и дистанционного обучения, а также – различные виды когнитивных информационных технологий. Для их освоения и использования нужна адекватная информационная культура, которая должна формироваться в системе образования [4;11].

3. Нарастание системного кризиса современной цивилизации сопровождается все более многочисленными природными, геополитическими и социальными катаклизмами, вооруженными конфликтами в различных регионах мира, а также информационным противоборством стран, транснациональных компаний и политических группировок в киберпространстве. Для выживания в этих условиях и принятия решений по обеспечению безопасности лидерам интеллектуальной элиты необходимы научные знания о фундаментальных закономерностях эволюции природы, человека и общества, в основе которых лежат всеобщие законы информации. Сегодня, как никогда ранее, человечеству необходима адекватная новым угрозам *культура информационной безопасности* личности, общества и государства [6; 8].

Что же касается интеллектуальной элиты, то ее лидерам необходимо также *новое мировоззрение*, основанное на последних достижениях фундаментальной науки в области изучения феномена информации и ее роли в различных аспектах жизнедеятельности общества [7;16; 28].

Информационная парадигма познания и мировоззрение интеллектуальной элиты общества

Исследования показывают, что в настоящее время в мировом научном сообществе осуществляется формирование новой *информационной парадигмы научного познания*. Ее основой становится более глубокое понимание сущности феномена информации и ее определяющей роли в процессах эволюции сложной системы “Природа – Человек – Общество”.

Эта парадигма идет на смену той вещественно-энергетической парадигме, которая в настоящее время доминирует в фундаментальной науке и системе высшего образования многих стран мира. Она сформировалась, главным образом, европейскими учеными еще во времена Декарта и Ньютона и оказалась весьма плодотворной для научно-технологического и энергетического развития общества, вплоть до начала современной информационно-технологической революции. Однако исследование законов Природы на квантовом уровне, принципов организации и функционирования живых организмов, а также изучение процессов глобальной эволюции окружающего нас мира и места в нем человека показали, что для получения более целостного и адекватного научного знания необходима *новая парадигма и новая методология научного познания*, в основу которой должны быть положены фундаментальные законы проявления феномена информации [16].

Прогнозные исследования показывают, что информационная парадигма познания, формируемая российскими учеными, должна уже в ближай-

шие годы получить достаточно широкое признание в мировом научно-образовательном сообществе и стать основой для нового научного мировоззрения интеллектуальной элиты [5]. Такое мировоззрение создает широкие возможности для проведения информационных исследований в различных областях науки с использованием методологии информационного подхода, информационного моделирования на основе использования больших данных, а также – методов искусственного интеллекта [4]. Такие исследования в нашей стране уже проводятся, а их результаты необходимо более широко использовать в системе высшего образования и подготовки научных кадров для нашей страны [7].

Российская научная школа философии информации

Российская научная школа исследований в области философии информации существует в нашей стране уже 60 лет и получила достаточно широкое признание в мировом научном сообществе. Основателем этой школы является российский ученый-энциклопедист Аркадий Дмитриевич Урсул (1934–2020). Его первая монография по этой проблематике “Природа информации. Философский очерк” была опубликована в России в 1968 году [31] и сразу же привлекла к себе внимание российских и зарубежных ученых. Эта монография была переведена на немецкий язык и издана в Германии. Затем еще два раза (в 2010 и 2020 годах) она переиздавалась в нашей стране и до сих пор остается актуальной и востребованной.

В последующих монографиях по этой проблематике [5] А. Д. Урсул показал фундаментальную значимость философии информации как научной основы для формирования целостного знания о закономерностях глобальной эволюции природы и общества. Эти знания сегодня крайне необходимы для определения путей преодоления системного кризиса современной цивилизации и ее перехода на траекторию безопасного развития. Именно этой проблематике А. Д. Урсул и посвятил последние годы своей научной деятельности.

Автору настоящей работы довелось более тридцати лет сотрудничать с Аркадием Дмитриевичем по тематике философских и социальных проблем информатики и становления информационной культурологии как нового научного направления в изучении феномена культуры на основе информационного подхода [27]. В настоящее время эти исследования продолжают с целью дальнейшего развития российской научной школы философии информации и внедрения ее результатов в теорию и практику развития науки и образования.

Основными центрами компетенции в этой области в настоящее время являются:

- Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” Российской академии наук;
- Международное общество по изучению информации, созданное в Европе в 1994 году и имеющее свою штаб-квартиру в Вене;
- Международный исследовательский центр философии информации, который в 2011 году был создан в структуре одного из крупных университетов Сианя в Китае;
- Институт трансдисциплинарных исследований в Париже.

В последние годы интерес к изучению проблематики философии информации проявляют также и ученые Института философии Национальной академии наук Белоруссии, с которыми российские ученые осуществляют взаимодействие в области изучения философских и социально-технологических проблем формирования новой информационной реальности современного мира [16]. Краткий обзор истории развития российской научной школы философии информации приведен в работе [19].

Основные направления информационных исследований в естественных науках

Принципиально важным результатом исследований российских ученых в области философии информации является научное обоснование существования *всеобщих фундаментальных законов*, которые являются справедливыми для феномена информации во всех (без исключения) компонентах реальности живой и неживой природы [22]. Эти результаты стали основой для формирования целого ряда новых направлений информационных исследований в области естественных наук. В их числе наиболее значимыми являются следующие.

Информационная физика. Это – общее название информационных исследований в области изучения закономерностей физических процессах на различных уровнях их реализации. Здесь, прежде всего, нужно отметить фундаментальные результаты академика РАН Б. Б. Кадомцева в области изучения процессов эволюции квантовых систем. Он показал, что эта эволюция осуществляется в результате преодоления ряда критических состояний квантовой системы. При этом направление ее дальнейшего развития определяет *внешнее информационное воздействие* от системы более высокого уровня, которое может быть энергетически слабым по сравнению с собственной энергетикой квантовой системы.

Этот результат имеет важное мировоззренческое значение, так как он показывает, что для выхода из кризиса сложной системы очень важно своевременно принять правильное управленческое решение, которое становится определяющим для ее дальнейшего развития. Этот вывод является справедливым для систем любой природы, в том числе и для социальных систем, а также – для общества в целом.

В монографии Г. В. Встовского [1] проблемы информационной физики анализируются с позиций проявления *законов симметрии* в физических системах. При этом количественные оценки информации рассматриваются как меры нарушения симметрии в этих системах.

Информационная концепция феномена физических полей предложена российским специалистом в области теоретической физики Н. Е. Невеским. Эта концепция может стать основой нового направления информационных исследований в области электромагнитных, гравитационных и других видов физических взаимодействий с целью формирования их общей теории и методологии изучения.

Результаты исследований С. В. Зенина в области изучения *информационных свойств воды* показали, что вода обладает памятью и способна воспринимать и хранить информацию достаточно длительное время. Она является своеобразной матрицей информационных процессов, которые происходят в окружающем мире, а также внутри самих информационных растворов. Эти результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение, в том числе – для понимания принципов гомеопатии в медицине.

Информационная биология. Это направление исследований имеет целью изучение биологических систем с позиций информационного подхода. Наиболее общими в концептуальном плане здесь являются работы известного российского специалиста в области синергетики и теоретической физики академика РАН Д. С. Чернавского, с которым автору настоящей статьи довелось лично встречаться и обсуждать проблематику развития *биологической информатики* – одного из разделов информатики как комплексного направления информационных исследований. Им рассмотрены проблемы возникновения жизни, биологической эволюции, развития сложного организма и, наконец, процессы генерации и обработки информации в нервных сетях. По утверждению автора, центральным здесь является вопрос о возникновении цели в динамических системах, поскольку именно *способность к целепологанию и отличает живые системы от неживых*.

Информационная физиология. Это направление исследований имеет в нашей стране давние традиции, так как его основы были заложены известным российским ученым П. К. Анохиным еще в 30-х годах XX века, когда им было сделано выдающееся открытие. Он установил, что в живых организмах существуют *функциональные системы*, которые, взаимодействуя между собой, обеспечивают их приспособление к условиям среды своего обитания. При этом очень важно, что все функциональные системы живых организмов являются информационно открытыми системами, а информационное взаимодействие между ними имеет достаточно сложный характер, так как при этом используется кибернетический принцип обратной связи, который был назван П. К. Анохиным *афферентной связью*.

Таким образом фундаментальный для кибернетических систем принцип обратной связи был открыт П. К. Анохиным задолго до появления кибернетики – науки, основателем которой считается американский математик Норберт Винер.

Центральное место в разработанной П. К. Анохиным теории функциональных систем живых организмов занимает *информационная концепция их жизнедеятельности*. Благодаря его работам, а также исследованиям его учеников и последователей, в России сформирована научная школа в области информационной физиологии. Центром компетенции здесь является Институт нормальной физиологии РАН. Директором и научным руководителем этого Института длительное время был ученик П. К. Анохина академик К. В. Судаков [30].

Хотелось бы отметить еще один принципиально важный результат исследований этой научной школы. Он состоит в том, что экспериментально установлено и теоретически обосновано существование в живых организмах *энерго-полевых информационных взаимодействий*, которые осуществляются как внутри него, так и между организмом и внешней средой. При этом доказана чувствительность человека и животных к воздействию слабых полей СВЧ-диапазона, цветомузыки, работы на компьютере, а также – к целенаправленным гипнотическим воздействиям.

Эти результаты представляются нам чрезвычайно важными не только для понимания принципов функционирования живых организмов, но также и для обеспечения их информационной безопасности в условиях все более интенсивных информационно-энергетических полей современного технологического общества [26].

Информационная генетика и генетическая лингвистика. Особое место в изучении законов живой природы информационными методами занимают работы П. П. Горяева по изучению информационных свойств живых организмов. Проведенные им экспериментальные исследования показали, что генетическая информация живых организмов имеет волновую структуру своего представления и может существовать в виде физических полей в диапазоне частот от радиоволнового до фотонного уровня [2]. Это означает, что получить эту информацию можно не прибегая к биопсии, а путем измерения физического поля генома того или иного организма.

Но ведь эта особенность функционирования генома может быть использования и для целенаправленного внешнего воздействия на него. Причем это воздействие может осуществляться как с благими намерениями, например, для лечения генетически обусловленных заболеваний, так и с деструктивными целями. Речь идет о возможности создания генетического оружия для воздействия на людей, животных, растительный мир, а также на бактерии и вирусы.

Нам представляется, что именно эта возможность использования волновых свойств генома живых организмов и представляет собой самую грозную и еще не осознанную и на необходимом уровне не изученную глобальную опасность для будущего современной цивилизации. Ведь история развития человеческого общества убедительно свидетельствует, что многие свои выдающиеся открытия человек использовал для уничтожения других людей. Поэтому надеяться на то, что на этот раз дело будет обстоять иначе, было бы слишком наивным.

Еще один важный результат исследований П. П. Гаряева в области информационной генетики состоит в том, что им выявлены лингвистические свойства генетической информации живых организмов. Им установлено, что кодовые структуры ДНК и РНК можно рассматривать как *своеобразные тексты*, которые по своей структуре близки к структуре речи человека.

Информационная экология. Это направление информационных исследований является трансдисциплинарным. Оно находится на стыке ряда естественных наук (экологии, биологии, физиологии, генетики и информатики), а также гуманитарных наук (психологии и социологии). В работах [10; 18; 25] показано, что развитие этого направления является исключительно важным и актуальным в условиях становления информационной цивилизации, формирования новой среды обитания человека и все большей урбанизации общества. Результатами исследований здесь должно стать более глубокое понимание тех угроз и опасностей, которые возникают для живых организмов в этих новых условиях их жизнедеятельности. На этой основе должна быть сформирована новая экологическая *культура энерго-информационной безопасности* современного общества. Такая культура должна формироваться в системе образования и воспитания нового поколения жителей нашей планеты, и только она сможет существенным образом изменить их отношение к дальнейшей трансформации среды своего обитания, включая внешний облик основных компонентов этой среды – городов, зданий и сооружений, а также внутренних интерьеров домашних и деловых помещений.

Одним из направлений научных исследований и прикладных разработок здесь является *видеоэкология*, основоположником которой стал российский ученый В. А. Филин. Он показал, что та видеоинформация, которую жители современных городов ежедневно получают в течение своей жизни, оказывает негативное воздействие на их психику, вызывает усталость и раздражительность. Причиной этого являются угловатые и однообразные пространственные формы окружающих человека объектов техносферы, которые не соответствуют гармоничной природе организма человека. К сожалению, эти результаты современными архитекторами и дизайнерами в настоящее время практически не учитываются.

Новые информационные дисциплины в гуманитарных науках

Это направление исследований стало формироваться еще в начале 90-х годов минувшего века, когда стало понятным, что в развитии цивилизации наступает новая эпоха – век информации. При этом интеллектуальная элита общества начала все больше осознавать, что процесс информатизации общества – это не просто очередной этап научно-технологической революции, а процесс смены фундаментальных основ цивилизации, который приведет к радикальным переменам в среде обитания людей и изменит многие принципы их жизнедеятельности.

Систематическое изучение этой проблематики началось в России в самом конце XX века, когда была издана монография Мануэля Кастельса, посвященная анализу влияния процессов информатизации на экономику, культуру и общество. В это же время была опубликована также и монография автора настоящей работы, в которой проблематика становления информационного общества и положения в нем человека рассматривались в рамках *социальной информатики* – одного из основных разделов этой комплексной фундаментальной науки [20]. Эта монография была издана достаточно большим тиражом, а ее текст размещен в сети Интернет в открытом доступе. Поэтому она до сих пор достаточно популярна и востребована, как в нашей стране, так и за рубежом, в особенности, в Китае, где в 2006 году в составе Университета науки и технологий провинции Ухань создан Центр социальной информационной науки, который установил с Институтом проблем информатики РАН постоянное сотрудничество.

Информационная культурология. Это направление исследований начало формироваться в России в 2011 году, когда по этой проблематике была опубликована постановочная статья [12], а в Германии издана первая монография российских ученых. В этих работах впервые была комплексно поставлена проблема системного изучения феномена культуры с позиций информационного подхода.

В 2015 году в России была издана еще одна монография, посвященная проблематике информационной культурологии [27]. В ней показано, что весь процесс развития культуры следует рассматривать как *внегенетический информационный процесс* развития общества, который характеризует переход человеческой популяции на социальную ступень своей эволюции. В этой книге подробно рассмотрены структура и содержание предметной области информационной культурологии, а также ее современное состояние, актуальные проблемы и перспективы развития.

Информационная антропология. Это направление информационных исследований появилось в России в 2011 году [10]. Оно преследует амбициозную цель – создать новое направление комплексного познания природы

человека на основе методологии информационного подхода к изучению различных аспектов его жизнедеятельности. О необходимости формирования такого направления в свое время писал всемирно известный философ Иммануил Кант, который назвал его *человековедением*. Сегодня время для формирования этого направления наступило, так как знания об информационных аспектах природы человека становятся крайне необходимыми для решения многих практических задач современного общества, одной из которых является информационная безопасность [18]. Исследования показали, что природа человека является двойственной, так как он одновременно является компонентом двух миров – биосферы и человеческого общества. Эта двойственность неустранима, и поэтому она обязательно должна учитываться как в процессе изучения человека, так и в процессах развития новой техносферы, в которой должны учитываться информационные свойства и качества людей. Это особенно важно для развития молодого поколения, деятельность которого тесно связана с использованием новой информационной техники и технологий, что влияет на его поведение в обществе, психологическое здоровье и даже на нейронную структуру головного мозга. Одним из результатов этого влияния становится психологическое расслоение между поколениями людей в глобальном информационном обществе [10].

Информационная эстетика. Эстетика традиционно рассматривается как одно из направлений философии, в рамках которого изучаются проблемы чувственного познания, философские суждения о прекрасном и проявления этого качества в окружающем нас мире, а также в деятельности людей, прежде всего, в искусстве и творчестве. Однако результаты исследований в области информационной антропологии создают основу для формирования *информационной эстетики* как науки, в которой могут быть использованы количественные методы информатики, что для философии не характерно [26]. Обоснование возможности и целесообразности использования таких методов приведено в работе [24]. В ней показано, что информационная эстетика, как научная дисциплина, необходима для познания информационных оснований искусства и творчества, понимания информационных причин деструктивного поведения людей, а также – для решения проблем обеспечения информационной безопасности общества.

Исследования показали, что эстетическое чувство человека обусловлено фундаментальными законами гармонии Природы. Эти законы являются всеобщими и распространяют свое действие на все объекты и процессы живой природы. Они проявляют себя как в пространственных формах живых организмов и среды их обитания, так и в ритмах физиологических процессов их жизнедеятельности [23]. Поэтому гармония и дисгармония – это две главные проблемы информационной эстетики, изучение которых с позиций информационного подхода должно дать новые, более целостные знания

о закономерностях и проблемах развития эстетической сферы человеческого общества. Эти знания сегодня крайне необходимы для формирования безопасной стратегии дальнейшего развития цивилизации. Она должна быть направлена на формирование такой среды обитания людей и способов их жизнедеятельности, которые были бы адекватными фундаментальным законам гармонии в природе.

Информационная социология. Это новое направление информационных исследований в настоящее время еще находится в начальной стадии своего становления. Оно предполагает комплексное изучение тех новых тенденций, проблем и закономерностей развития современного общества, которые обусловлены процессами его глобальной информатизации [14]. Такие исследования проводились и ранее, однако они осуществлялись не в рамках социологии, а в составе других научных дисциплин – философии, экономики и информатики. Так, например, уже более тридцати лет в нашей стране существует дисциплина – *Социальная информатика* [20]. Это раздел информатики, в котором изучаются информационные процессы в обществе, а также способы и средства их практической реализации. Но ведь объектом исследований этой дисциплины являются именно информационные процессы, которые происходят в обществе, а не само общество. Поэтому результаты этих исследований не могут быть достаточно полными с точки зрения социологической науки. Изучением общества занимается другая наука – *социология*, которая имеет свою терминологию и методологию исследований, а также свой предмет исследований – закономерности реализации в обществе социальных функций. Именно поэтому для получения более целостного знания о том, какие социальные перемены осуществляются в условиях становления глобального общества, необходима новая научная дисциплина, которую предлагается назвать *Информационной социологией*.

В работе [14] достаточно детально представлена предметная область информационной социологии. При этом показано, что предпринятые в 2015 году попытки английских ученых ввести понятие *цифровой социологии*, которая должна изучать социальную проблематику использования цифровых средств массовой информации, являются неконструктивными, так как это слишком узкий взгляд на проблематику информационной социологии.

Отметим, что с 2018 года в России издается специализированный журнал *“Цифровая социология”*, основные цели которого представлены на его официальном сайте. Анализ их содержания показал, что проблематика этого журнала не охватывает всей той новой области информационных социологических исследований, которые сегодня необходимы. Кроме того, сам термин *“Цифровая социология”* представляется не вполне адекватным целям и задачам информационной социологии. Ведь речь должна идти не о методологии социологических исследований при помощи цифровых информационных и сетевых технологий, а об изучении новых социальных

процессов и проблем современного общества, обусловленных его глобальной информатизацией и виртуализацией.

Уже в ближайшие годы, наряду с цифровыми методами кодирования информации, будут все более широко использоваться оптические, голографические и квантовые методы ее представления, которые создают принципиально новые, более широкие возможности для информационных социологических исследований и их использования в социальной практике.

Комплексная система информационного образования

Рассмотренные выше результаты российских ученых в области формирования информационной парадигмы научного познания и развития методологии информационных исследований являются научной основой для получения более целостного знания о законах развития природы, человека и общества, потребность в которых в последние годы быстро нарастает. Для удовлетворения этой потребности представляется необходимым существенным образом изменить структуру и содержание существующей системы информационного образования. Она должна стать комплексной и более адекватной новой информационной реальности окружающего нас мира, а также – тем новым вызовам и угрозам, которые влечет за собой процесс становления информационной цивилизации.

Концепция формирования такой системы образования разработана в Институте проблем информатики РАН, а ее основные положения обсуждались на нескольких международных конференциях и опубликованы в научных журналах [9; 21; 23]. Наиболее полный текст этой концепции представлен в журнале “Информационное общество” [17]. Ключевая идея этой концепции состоит в том, чтобы существенным образом повысить качество информационного образования специалистов любых профессий, а также исследователей и руководителей всех уровней. Иначе говоря, речь идет о новом качестве образования интеллектуальной элиты общества, которое ей необходимо для успешной деятельности в условиях новой информационной реальности.

Особенно острой в этих условиях становится проблема обеспечения *информационной безопасности* государства, человека и общества, в которой приоритетными становятся гуманитарные аспекты. Исследования показали, что эта проблема стала комплексной и включает такие компоненты, как *интеллектуальная, когнитивная, лингвистическая, информационно-психологическая и духовно-нравственная безопасность* [8; 7]. Для современной России, против которой странами Запада ведется информационная война, эта проблема является особенно важной. Настолько важной, что в Стратегии национальной безопасности РФ она рассматривается как одна

из наиболее серьезных угроз. Эта ситуация обуславливает необходимость системного решения этой проблемы на основе использования уже имеющихся результатов исследований и их более широкого использования в системе образования на всех его уровнях – от общеобразовательной школы до системы повышения квалификации руководящих кадров и дипломированных специалистов.

Заключение

Современная цивилизация переживает системный кризис. Для его преодоления необходима мобилизация интеллектуального потенциала всего мирового сообщества и его согласованные действия по противодействию дальнейшему развитию глобальных угроз геополитического, экологического и гуманитарного характера. Очень многое в решении этих проблем зависит от качества образования, которое получают лидеры интеллектуальной элиты нового поколения. От уровня их знаний и от их мировоззрения будут зависеть адекватность и эффективность принимаемых ими решений в области стратегии дальнейшего развития цивилизации. В этих условиях формирование информационной парадигмы научного познания фундаментальных законов развития природы, человека и общества становится ключевой задачей науки и образования [28; 23]. На этой основе должны быть созданы природоподобные технологии, которые не разрушают жизненно важные экосистемы нашей планеты. Именно такие технологии необходимы для предупреждения глобального экологического кризиса современной цивилизации. И очень важно, что эта проблематика в последние годы обсуждается на крупных научных конференциях в России. Так, в мае 2025 года автором настоящей статьи был сделан пленарный доклад на 13-й Международной конференции “Физико-техническая информатика (СРТ2025)”. Его тезисы частично использованы в настоящей работе, так как в материалах конференции приведена лишь аннотация этого доклада [13].

Использование достижений российской науки в области философии информации и применения этих достижений в различных областях естественных и гуманитарных наук должны стать концептуальной основой для повышения качества образования при подготовке нового поколения лидеров интеллектуальной элиты нашей страны. С этой целью необходимо обеспечить более тесное и постоянное взаимодействие академической науки с учеными и педагогами системы образования. В качестве одного из мероприятий здесь могло бы стать создание *цифровой платформы*, предназначенной для оперативного взаимодействия ведущих специалистов научно-образовательного сообщества нашей страны в решении этой важнейшей и актуальной задачи.

Список литературы

1. *Встовский Г. В.* Элементы информационной физики. Москва: Московский государственный индустриальный университет, 2002. 260 с.
2. *Гаряев П. П.* Волновой генетический код. Москва: Издатцентр, 1997. 107 с.
3. *Гендина Н. И.* Концепция формирования информационной культуры личности // Библиосфера, 2005. С. 55–62.
4. *Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Единак А. Ю.* Искусственный интеллект и гуманитарное знание: нейросети в образовательной практике вузов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств № 4, 2025. С. 167–182.
5. *Гуревич И. М., Урсул А. Д.* Информация – всеобщее свойство материи: Характеристики, оценки, ограничения. Москва: URSS, 2012. 312 с.
6. *Колин К. К.* Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2012, № 3. С. 156–16
7. *Колин К. К.* Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 1. С. 27–45.
8. *Колин К. К.* Интеллектуальная безопасность – новая глобальная проблема XXI века // Стратегические приоритеты. 2019. № 3–4. С. 99–111.
9. *Колин К. К.* Информатика в системе опережающего образования // Вестник Российского общества информатики и вычислительной техники. 1996. № 3. С. 19–39.
10. *Колин К. К.* Информационная антропология: поколение NEXТ и новая угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 4. С. 32–36.
11. *Колин К. К.* Информационная культура и качество жизни в информационном обществе // Открытое образование. 2010. № 6. С. 84–89.
12. *Колин К. К.* Информационная культурология: структура и содержание новой научной дисциплины // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 7–13.
13. *Колин К. К.* Информационная парадигма познания природы как научная основа создания природоподобных технологий / 13-я Международная конференция «Физико-техническая информатика»: сборник материалов. Нижний Новгород-Москва, 2025. С. 16.
14. *Колин К. К.* Информационная социология: предмет и задачи нового направления социологических исследований // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 5. С. 54–72.
15. *Колин К. К.* Культура и образование в новой стратегии развития России // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств, 2025. № 1 (56). С. 6–23.

16. *Колин К. К.* Наука для будущего: Цифровая реальность, философия информации и новое мировоззрение // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. Москва: ИПМ им. М. В. Келдыша. 2019. С. 51–63.
17. *Колин К. К.* Образование для информационного общества: проблемы и приоритеты // Информационное общество. 2022. № 5. С. 29–48.
18. *Колин К. К.* Проблемы информационной цивилизации: виртуализация общества // Библиотекосведение. 2002. № 3. С. 47–58.
19. *Колин К. К.* Российская научная школа философии информации: современное состояние и перспективы развития // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2011. Т. 17. № 4. С. 1012–1027.
20. *Колин К. К.* Социальная информатика. Москва: Академический Проект, 2003. 456 с.
21. *Колин К. К.* Становление информатики как фундаментальной науки и комплексной научной проблемы // Системы и средства информатики. 2006. Т. 16, № 3. С. 7–58.
22. *Колин К. К.* Структура реальности и феномен информации // Открытое образование. 2008. № 5. С. 56–61.
23. *Колин К. К.* Философия информации и структура реальности: концепция «Четырех миров» // Знание. Понимание. Умение. Специальный выпуск. 2013. № 1. С. 18–24.
24. *Колин К. К.* Человек и гармония: информационная концепция искусства и творчества // Пространство и Время. 2011. № 2. С. 136–147.
25. *Колин К. К.* Экологическая безопасность как комплексная проблема: информационные и биоэнергетические аспекты экологической культуры общества. // Вестник Международной академии наук (Русская секция). Спецвыпуск № 1. С. 18–24.
26. *Колин К. К.* Эстетика как информационная наука. // Стратегические приоритеты. 2016. № 4. С. 72–92.
27. *Колин К. К., Урсул А. Д.* Информация и культура. Введение в информационную культурологию. Москва: Стратегические приоритеты, 2015. 300 с.
28. *Колин К. К.* Философия информации и проблема формирования современного научного мировоззрения // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2013. № 1. С. 73–76.
29. *Кудрина Е. Л., Савенкова Л. Г.* Значимость инновационных процессов в образовании для развития культуры и искусства // Известия Российской академии образования. 2025. № 1. С. 26–37.
30. *Судаков К. В.* Информационный феномен жизнедеятельности. Москва: РМА ПО. 1999. 380 с.
31. *Урсул А. Д.* Природа информации. Философский очерк. Москва: Политиздат. 1968. 288 с.

ЭВОЛЮЦИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ

УДК 008:7.01

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-22-30>

Лариса Николаевна ВОЕВОДИНА,

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: lvoevodina5@mail.ru

Аннотация. Современная англо-американская культурология (cultural studies) представляет собой динамичное, междисциплинарное поле исследований, которое за последние десятилетия претерпело значительную теоретическую и методологическую трансформацию. На основе анализа актуальных источников в статье рассмотрены основные этапы и ключевые проблемы исследования в англо-американской культурологии, в частности, а также ее характеристики: интердисциплинарность и методологический синтез, критическая направленность и политическая ангажированность, концептуализация культуры как поля борьбы, саморефлексия и включение новых теоретических «поворотов» – от лингвистического до постгуманистического, транснационального и глобального, исследование идентичности, изучение интеграции новых медиа и цифровых технологий.

Ключевые слова: культурология, cultural studies, институционализация культурологии в Великобритании, Центр современных культурных исследований в Бирмингеме, Стюарт Холл, Тони Джефферсон.

Для цитирования: Воеводина Л. Н. Эволюция англо-американской культурологии: этапы становления и трансформация исследовательских парадигм // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 22–30. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-22-30>

EVOLUTION OF ANGLO-AMERICAN CULTURAL STUDIES: STAGES OF FORMATION AND TRANSFORMATION OF RESEARCH PARADIGMS

Larisa N. Voevodina,

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: lvoevodina5@mail.ru

Abstract. Contemporary Anglo-American cultural studies is a dynamic, interdisciplinary field of inquiry that has undergone significant theoretical and methodological transformation in recent decades. Based on an analysis of relevant sources, this article examines the main stages and key research issues in Anglo-American cultural studies, in particular, its characteristics: interdisciplinarity and methodological synthesis, critical focus and political engagement, conceptualization of culture as a field of struggle, self-reflection and the inclusion of new theoretical “turns” – from linguistic to posthumanist, transnational and global – the study of identity, and the study of the integration of new media and digital technologies.

Keywords: cultural studies, institutionalization of cultural studies in the UK, Centre for Contemporary Cultural Studies in Birmingham, Stuart Hall, Tony Jefferson.

For citation: Voevodina L. N. Evolution of Anglo-American Cultural Studies: Stages of Formation and Transformation of Research Paradigms. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 22–30. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-22-30>

Англо-американская культурология прошла сложный путь эволюции от маргинального междисциплинарного проекта до признанной академической дисциплины. Формирование *cultural studies* происходило на фоне масштабных социальных, исторических и культурных процессов после Второй мировой войны, в частности, подъема «новых левых» в Великобритании, бурного развития массовой культуры и «американизации» британской популярной культуры, трансформации системы образования и роста массовых коммуникаций, а также – усиливающейся мультикультурности британского общества [15].

В развитии англо-американской культурологии можно выделить пять основных этапов. Первый этап, охватывающий период с 1950-х по 1964 год, характеризуется как предыстория и формирование истоков дисциплины *cultural studies*. Вторым этапом (1964–1979) связан с институционализацией *cultural studies* и деятельностью Бирмингемского центра. Третий этап (1979–1990-е годы) представляет собой период расширения исследований культуры и повышенного внимания к выработке теорий и концептуализации. Четвертый этап (1990-е – 2000-е годы) ознаменован глобальной диффузией культурологии в самые различные страны и регионы: США, Австралию, Канаду, Южную Африку и так далее. Наконец, пятый, современный этап (2010-е годы – настоящее время) характеризуется цифровым поворотом, постгуманизмом и развитием глобальных и транснациональных исследований [12].

Рассмотрим более подробно этапы эволюции и основные исследовательские направления англо-американской культурологии. Среди основных фигур первого этапа культурологии следует назвать таких исследователей, как Рэймонд Уильямс, Ричард Хоггарт и Э. П. Томпсон. На этапе истоков (1950-е – 1964) ключевыми методами выступали литературная критика и эссеистика. Основными объектами исследования являлись литература, образование и рабочий класс, а также критика элитарной культуры.

В частности, Рэймонд Уильямс в книге «Культура и общество» (1958) и других работах пересмотрел понятие культуры, определяя его как «весь образ жизни», а не только «лучшее, что было создано», и подверг критике элитарную традицию интерпретации культуры [18].

Ричард Хоггарт в труде «Использование грамотности» (1957) исследовал влияние массовой культуры на рабочий класс, впоследствии он стал первым директором Центра современных культурных исследований в Бирмингеме [14].

Э. П. Томпсон в работе «Становление английского рабочего класса» (1963) показал, что класс формируется не только экономическими условиями, но и культурными практиками [17].

Отметим, что междисциплинарность и методологический синтез являются ключевыми особенностями культурологии. Она отличается принципиальной открытостью к междисциплинарным взаимодействиям, интегрирует подходы, теории и методы из множества дисциплин, не сводясь ни к одной из них. Большой вклад в культурологию был внесен такой дисциплиной, как социология, у которой культурология позаимствовала изучение социальных структур, классовый анализ, методы эмпирического исследования. Из культурной антропологии были заимствованы этнографические методы, исследование различных субкультур, понимание культуры как образа жизни. Теория литературы обогатила исследования культуры нарратологией, текстуальным анализом, философия – критической теорией, постструктурализмом, феноменологией. История внесла вклад в культурологические исследования, предоставив архивные исследования, историческую эпистемологию. Политэкономическая наука была источником анализа властных отношений, идеологии, культурного производства. Когнитивная лингвистика и семиотика привнесли в культурологические исследования анализ знаковых систем, дискурс-анализ, когнитивные подходы.

Второй этап развития культурологии был связан с ее институционализацией. В 1964 году при Университете Бирмингема был основан Центр современных культурных исследований (Centre for Contemporary Cultural Studies, CCCS). Его первым директором стал Ричард Хоггарт, а уже в 1968 году руководство перешло к Стюарту Холлу. CCCS стал эпицентром развития культурологии на два десятилетия. Именно здесь сформировались основные подходы и методы, определившие лицо дисциплины.

В период деятельности Бирмингемского центра доминирующей проблематикой стали субкультуры [1], исследование роли в обществе классов, гендера и расы. Ключевую роль сыграли этнографические исследования, текстуальный анализ и семиотика. В Бирмингемском центре сложились несколько основных исследовательских направлений. В частности, это анализ идеологий, который позволяет понять то, как культурные репрезентации производят и закрепляют властные отношения в обществе. Большую роль сыграло изучение рабочей культуры и различных молодежных субкультур,

включающее анализ стилей, ритуалов и практик сопротивления. Перспективными направлениями были исследования роли медиа-аудиторий, показывающие, что зрители активно конструируют смыслы, а не пассивно их потребляют; актуальны были и феминистские культурные исследования, критикующие патриархат в культуре, а также исследования рас и расизма, культурных аспектов расовой дискриминации.

Среди ведущих исследователей второго этапа необходимо выделить Стюарта Холла, который разработал модель кодирования и декодирования в медиа, теорию гегемонии, соединив марксизм с постструктурализмом. Большой вклад в развитие англо-американской культурологии был внесен выпуском в 1975 году программного сборника «Рабочих материалов по культурным исследованиям» Центром современных культурных исследований (CCCS) при Бирмингемском университете под редакцией Стюарта Холла и Тони Джефферсона, который назывался «Сопротивление через ритуалы: молодежные субкультуры в послевоенной Великобритании» [11]. В него вошли научные статьи таких исследователей, как Джон Кларк, Дик Хебдидж, Пол Корриган, Пол Уиллис и другие, посвященные анализу истоков возникновения и роли современных молодежных субкультур в Великобритании после Второй мировой войны. Например, Тони Джефферсон, соредактор сборника молодежных субкультур изучал различные субкультуры (скинхедов, панков, модов, тедди-боев) как форму символического сопротивления [11].

В сборнике был поставлен ряд важнейших вопросов о том, как молодежные группы с помощью культуры пытаются выразить протестные настроения против доминирующей культуры и социального неравенства. Исследователи анализируют различные субкультурные движения, их идейную составляющую, разнообразные ритуалы и символику; демонстрируется, что они являются ответом молодежных сообществ на большие социальные и политические изменения в стране. Этот сборник был дополнен новыми материалами уже в 2006 году, что свидетельствует о том, насколько актуальным было заданное направление исследований.

Британский социолог Пол Уиллис в работе «Обучение труду: как дети из рабочего класса получают работу в рабочем классе» (1977) провел этнографическое исследование того, как дети рабочих «воспроизводят» свой классовый статус через сопротивление школьной культуре, которая служит сохранению неравенства в современном обществе [18]. Данная книга носит междисциплинарный характер, в ней используются социологические методы исследования, культурология и этнография. В центре исследования находится британская школа для мальчиков в Мидленде и группа из двенадцати подростков выпускных классов из семей рабочих.

В рамках своего исследования Пол Уиллис применил комплексный этнографический метод, включавший полевое наблюдение за группой подростков («парнями») в течение двух лет. Методология также предполагала

проведение глубинных интервью с родителями респондентов, старшими мастерами школы, основными учителями младших классов и кадровыми офицерами, взаимодействующими с участниками. По завершении школьного этапа исследователь осуществлял сопровождение «парней» на их рабочих местах в течение шести месяцев. Обработка собранного массива данных заняла дополнительный период в два года.

Центральным понятием работы выступает концепция «контр-школьной культуры». Анализ показал, что подростки сформировали субкультуру активного сопротивления институциональным нормам: они игнорировали школьные правила, демонстрировали девиантное поведение по отношению к педагогическому составу, а также выражали презрение к конформистски настроенным сверстникам («зубрилам»). В их картине мира система образования маркировалась как нерелевантная, а сам процесс обучения – как обман. Ценностным ядром данной группы выступал идеализированный образ физического труда («настоящей мужской работы»), ассоциирующийся с силой, независимостью и честностью.

Ключевым теоретическим выводом является описание парадокса «самопроклятия». Автор доказывает, что бунт против академических ценностей и интеллектуального труда не освобождает индивидов от классовой детерминации, а, напротив, готовит их к добровольному выбору низкоквалифицированной и низкооплачиваемой работы на производстве или в строительстве, который воспринимается ими с чувством превосходства.

Для объяснения этого феномена вводятся понятия «проницательности» и «ограниченности». Субъекты демонстрируют частичную проницательность, осознавая классовое неравенство и лицемерный характер системы образования. Однако культурные коды их среды (патриархальность, расизм, культ рабочего класса) накладывают фундаментальные ограничения, препятствуя формированию подлинного классового сознания, способного трансформировать их социальную траекторию.

Исследование выполнено в русле неомарксистской парадигмы. Модель Уиллиса утверждает активную роль учеников во взаимодействии со школьной идеологией. Несмотря на сопротивление, их практики приводят к воспроизводству существующей классовой структуры.

Таким образом, данная работа внесла существенный вклад в теорию социального воспроизводства, сместив фокус с механистического навязывания норм на сложную динамику культурного взаимодействия. Следует отметить, что монография вызвала широкую дискуссию в академическом сообществе. Критика была направлена на недостаточную проработку гендерных аспектов (проблема сексизма) и вопросы валидности применяемой методологии, ставящие под сомнение возможность генерализации выводов. Тем не менее полученные результаты сохраняют актуальность для анализа современных молодежных субкультур, отвергающих официальные ценности

успеха и образования, что закономерно ведет к репродукции их исходной классовой позиции [18].

Большой вклад в понимание молодежной культуры внес теоретик субкультур, социолог и исследователь медиакультуры Дик Хебдидж в книге «Субкультура: значение стиля» (1979), который проанализировал панк-субкультуру через семиотику, показав стиль как форму сопротивления [13].

Третий этап развития культурологии характеризуется расширением исследовательского поля и его концептуализацией (1979–1990-е годы); доминирующей проблематикой стали гегемония, дискурс, идентичность и расовая политика, а основными методами – дискурс-анализ, семиотика и структурный анализ. В центре внимания исследователей находились медиа, идентичность и государственная политика.

В 1980-е годы *cultural studies* активно интегрирует теоретические наработки из других дисциплин. К ним относятся структурализм и постструктурализм (Ролан Барт, Жак Деррида, Мишель Фуко), марксизм (Луи Альтюссер и Антонио Грамши, у которых было заимствовано понятие «относительной автономии» культуры и теория гегемонии), феминизм, психоанализ (Жак Лакан), а также постколониальная теория (Эдвард Саид, Гайатри Спивак и другие) [15].

В 1983 году Стюарт Холл прочитал в Университете Иллинойса цикл лекций, который впервые познакомил американскую аудиторию с *cultural studies*. Эти лекции были изданы посмертно в 2016 году под названием «Культурные исследования 1983: Теоретическая история» [9]. Лоуренс Гроссберг адаптировал *cultural studies* для североамериканского контекста и развил свою концепцию в работах «Мы должны выбраться из этого места» (1992) и «Культурные исследования в будущем времени» (2010) [7; 8].

Пол Гилрой в книге «В «Юнион Джеке» нет черных» (1987) исследует гибридные идентичности черной Британии и критикует национальную идентичность и расизм [5]. Автор демонстрирует сложность расовой политики в Великобритании, подчеркивая, что расистские установки не вписываются в простое деление на левых и правых. Гилрой оспаривает существующие социологические подходы к расизму, а также этноцентрический уклон в британских культурных исследованиях. Он анализирует, как черная экспрессивная культура бросает вызов доминирующим расистским установкам, и утверждает, что культурные традиции не статичны – они развиваются, растут и изменяются под влиянием других традиций. Ученый рассматривает расу как самостоятельный фактор исторических изменений – наряду с классом и гендером. В книге также затронуты темы урбанистических социальных движений, диаспоры, критики капитализма и взаимосвязи между расизмом и национализмом.

В этот период проводятся также различные эмпирические исследования телевизионной аудитории и гендерных аспектов медиапотребления.

Четвертый этап развития культурологии (1990-е – 2000-е годы) характеризуется глобальной диффузией, распространением на другие страны и регионы. В период глобальной диффузии доминирующей проблематикой исследований стали культурная политика, популярная культура, глобализация, культурные индустрии, глобальные медиа и фандомы.

К 1990-м годам *cultural studies* вышли за пределы Великобритании и начали активно институционализироваться в других странах. В США произошла адаптация под американский контекст с фокусом на популярную культуру, расу, гендер и идентичность. В Австралии сформировалась сильная традиция *cultural studies*, представленная Меган Моррис и Джоном Фиске, с акцентом на культурную политику и повседневность. В Канаде акцент делался на мультикультурализм и культурные индустрии. В Южной Африке развивалась постколониальная проблематика и критика апартеида [4].

На современном пятом этапе (2010-е годы – настоящее время) доминирующей проблематикой являются цифровизация, аффект, постгуманизм, экология и платформы. Ключевыми методами выступают вычислительные методы, цифровая этнография. Основными объектами исследования являются цифровые платформы, алгоритмы, игры и экологические кризисы.

Современная культурология отмечена серией концептуальных «поворотов», значительно расширяющих ее проблемное поле. Аффективный поворот связан с исследованием эмоций, аффектов, телесности и до-дискурсивных измерений культуры. Постгуманистический поворот предполагает критику антропоцентризма и включение в исследования не-человеческих акторов – технологий, животных, окружающей среды. Цифровой поворот включает анализ цифровых культур, платформ, алгоритмов, данных и искусственного интеллекта. Глобальный или транснациональный поворот направлен на преодоление методологического национализма и анализ глобальных культурных потоков и гибридных идентичностей [16; 8].

Отличительной чертой *cultural studies* является их критическая направленность и политическая ангажированность. В отличие от традиционного искусствоведения или эмпирической социологии, культурология ставит своей задачей не просто описание, но критику существующего неравенства и идеологического контроля. Влияние марксизма сказывается в поддержке *cultural studies* маргинализированных и угнетенных групп, в проведении анализа того, как культурные репрезентации производят и воспроизводят социальные иерархии.

Современная англоязычная культурология рассматривает культуру не как гармоничную целостность или набор «выдающихся достижений», а как поле постоянной борьбы за значения, идентичности и ресурсы. Культурные артефакты интерпретируются как исторически обусловленные и политически заряженные.

Развитие получило такое направление, как постколониальные исследования, в центре внимания которых находятся культурные последствия колониализма, а также – исследования диаспор, транснациональных сообществ, роль культурной памяти, идентичностей. Глобальная и постколониальная культурология направлены на критику европоцентризма и разработку деколониальных подходов [6].

Современная культурология уделяет центральное внимание проблематике идентичности. Это включает исследование того, как культурные процессы конструируют, натурализуют и оспаривают различные формы идентичности. Это включает анализ расовых репрезентаций, постколониальную критику, изучение диаспор и гибридных идентичностей. Изучение идентичности связано с гендерными исследованиями, феминистской теорией, а также – с анализом культурных аспектов классового неравенства, проведением субкультурных исследований, в том числе молодежных и возрастных субкультур.

Одним из перспективных направлений исследований в англо-американской культурологии является изучение глобальной культурной экономики, отслеживание культурных потоков, медиаимпериализма, глобальных культурных индустрий. Согласно актуальным публикациям, современные *cultural studies* сосредоточены на изучении цифровой культуры – исследовании онлайн-сообществ, социальных медиа, игр, фандомов как культурных феноменов.

Составной частью культурологии являются экоккультурные исследования, включающие изучение климатического и экологического кризиса, отношения человека и природы, а также постгуманизм и новый материализм – критика антропоцентризма и роль не-человеческих акторов, исследование аффектов и эмоций, роль чувственного опыта в культурных процессах [16; 2].

Таким образом, анализ эволюции проблематики *cultural studies* позволяет выделить изменения в доминирующих темах, методах и объектах исследования на разных этапах развития дисциплины. Англо-американская культурология прошла путь от маргинального интеллектуального движения в послевоенной Британии до глобального междисциплинарного поля, объединяющего исследователей по всему миру. Ее развитие отражает ключевые социальные и политические трансформации второй половины XX – начала XXI века: от классовой борьбы и субкультур 1960–70-х годов до вопросов расы, гендера и идентичности в 1980–90-х годах, и, наконец, к вызовам цифровой революции, экологического кризиса и постгуманизма в XXI веке.

На каждом этапе *cultural studies* сохраняли свою отличительную черту – критическую направленность и стремление не просто описывать культуру, но и способствовать социальным изменениям.

Список литературы

1. *Воеводина Л. Н.* Субкультуры как формы коллективной идентичности и социального сопротивления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025 (124). № 2. С. 60–68.
2. *Воеводина Л. Н.* Экономика впечатлений и постмодернистская культура потребления в контексте постсовременности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026 (130). № 2. С. 88–96.
3. *Aydemir M., Roei N., Kuryel A.* (eds.). *The Future of Cultural Analysis: A Critical Inquiry.* Amsterdam: Amsterdam University Press, 2025. 312 p.
4. *Fiske J.* *Understanding Popular Culture.* Boston: Unwin Hyman, 1989. 206 p.
5. *Gilroy P.* *There Ain't No Black in the Union Jack: The Cultural Politics of Race and Nation.* London: Hutchinson, 1987. 271 p.
6. *Gilroy P.* *Postcolonial Melancholia.* New York: Columbia University Press, 2005. 231 p.
7. *Grossberg L.* *Cultural Studies in the Future Tense.* Durham: Duke University Press, 2010. 356 p.
8. *Grossberg L.* *Cultural Studies in Search of a Method, or Looking for Conjunctural Analysis.* *New Formations: A Journal of Culture/Theory/Politics*, 2019, Vol. 96, pp. 38–68.
9. *Hall S.* *Cultural Studies 1983: A Theoretical History.* Durham: Duke University Press, 2016. 232 p.
10. *Hall S.* *Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order.* London: Macmillan, 1978. 425 p.
11. *Hall S., Jefferson T.* (eds.). *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain.* *Working Papers in Cultural Studies*, nos. 7–8. London: Hutchinson, 1975. 287 p.
12. *Hartley J.* *A Short History of Cultural Studies.* London: SAGE Publications, 2003. 189 p.
13. *Hebdige D.* *Subculture: The Meaning of Style.* London: Routledge, 1991. 195 p.
14. *Hoggart R.* *The Uses of Literacy.* New Brunswick, N.J., U.S.A.: Transaction Publishers, 1997. 320 p.
15. *Lee R. E.* *Life and Times of Cultural Studies: The Politics and Transformation of the Structures of Knowledge.* Durham: Duke University Press, 2003. 278 p.
16. *Lowe E.* *Emotion and Affect: A Process-Oriented Perspective.* In: *The Cambridge Handbook of Psychological Anthropology* / ed. by R. A. Wilson. Cambridge: Cambridge University Press, 2025, pp. 319–338.
17. *Thompson E. P.* *The Making of the English Working Class* [Partly extended and rev. ed.]. Harmondsworth: Penguin Books, 1980. 958 p.
18. *Willis P. E.* *Learning to Labor: How Working-Class Kids Get Working-Class Jobs.* New York: Columbia University Press, 1981. 226 p.
19. *Williams R.* *Culture and Society, 1780–1950.* New York: Columbia University Press, 1958. 363 p.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ И ЧАСТНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ: ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)

УДК 930.85

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-31-42>

Максим Сергеевич БОГДАНОВ,

аспирант,

Пятигорский государственный университет,

Пятигорск, Российская Федерация,

e-mail: maks.bogdanov.1990@inbox.ru

Аннотация. Актуальность темы взаимоотношений частного коллекционирования и государственных музеев определяется недостаточным вниманием гуманитарной науки к отечественной истории частного коллекционирования. В качестве ведущего был выбран междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать результаты рассмотрения советского частного коллекционирования из разных научных дисциплин – истории, искусствоведения, социологии, психологии, политологии и других. В статье выделены основные типы противоречий между частными собраниями и государственными музеями; дано описание сложившихся в советский период или унаследованных от прежних времен форм взаимоотношений между частными коллекционерами и государственными музеями; названы основные направления деятельности специальных государственных и общественных институтов, организовывавших взаимоотношения частных коллекций и государственных музеев; проиллюстрированы на историческом материале судьбы отечественных частных коллекций и их владельцев. В качестве исторических источников использованы декреты и постановления государственных органов власти, архивы, личные письма и мемуары, периодические издания и специализированные сайты.

Ключевые слова: государственный музей, частное коллекционирование, диалектическое противоречие, коллекционер, культурное наследие, отечественная история, советский период, национализация, меценатство.

Для цитирования: Богданов М. С. Государственный музей и частное коллекционирование: единство противоположностей (на материале отечественной истории советского периода) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 31–42. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-31-42>

STATE MUSEUM AND PRIVATE COLLECTING: THE UNITY OF OPPOSITES (BASED ON THE NATIONAL HISTORY OF THE SOVIET PERIOD)

Maxim S. Bogdanov,
Postgraduate Student,
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russian Federation,
e-mail: maks.bogdanov.1990@inbox.ru

Abstract. The relevance of the topic of the relationship between private collecting and state museums is determined by the insufficient attention of the humanities to the domestic history of private collecting. An interdisciplinary approach was chosen as the leading one, which made it possible to integrate the results of the consideration of Soviet private collecting from different scientific disciplines: history, art history, sociology, psychology, political science, etc. The article highlights the main types of contradictions between private collections and state museums; provides a description of the forms of relationships between private collectors and state museums that developed during the Soviet period or inherited from previous times; names the main areas of activity of special state and public institutions that organized the relationship between private collections and state museums; illustrates the fates of domestic private collections and their owners using historical material. Decrees and regulations of state authorities, archives, personal letters and memoirs, periodicals and specialized websites were used as historical sources.

Keywords: state museum, private collection, dialectical contradiction, collector, cultural heritage, national history, Soviet period, nationalization, philanthropy.

For citation: Bogdanov M. S. State Museum and Private Collecting: the Unity of Opposites (Based on the National History of the Soviet Period). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 31–42. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-31-42>

Интерес к изучению исторического прошлого – не только со стороны ученых, но и со стороны людей, профессионально не включенных в историческую науку, – усиливается в периоды масштабных трансформаций общественной жизни. Особенно это касается темы человека в истории и связанных с ней вопросов свободы человека, творчества, самоопределения, его роли в формировании культурных ценностей. Тема отечественного частного коллекционирования задает проблемное поле, в котором находит свое сопряжение личная судьба человека и история страны. Частное коллекционирование как особое культурное явление, как механизм сохранения культурного наследия, как способ самореализации человека, как форма гражданского общества – все это более чем очевидная причина изучения данного феномена. Также «добавляет» актуальности возросший интерес современного российского общества к культуре советского периода отечественной истории, «мода на советское».

Вопросы функционирования частного коллекционирования, его непростых взаимоотношений с государственными институциями и музеями, драматические судьбы уникальных частных коллекций приобретают особую социальную значимость для определения направлений культурной политики.

Значимой причиной изучения феномена частного коллекционирования является также то, что оно «воспринимается как развлечение, игра или удачное вложение средств, что лишает коллекции статуса культурного явления и сильно затрудняет возможность сделать частные коллекции частью общероссийского собрания памятников культуры, ввести их в культурный и научный оборот» [24, с. 120], поэтому следует подчеркнуть значимость частных коллекций для культурного потенциала страны.

Отношения между частными собраниями и государственными музеями можно охарактеризовать как отношения диалектического противоречия: с одной стороны, они едины и предполагают друг друга, с другой, – их отношения по природе своей конфликтны. Тем более конфликтны были отношения между ними в условиях советского строя с его подозрительным отношением к любым проявлениям частной коммерческой деятельности и идеологическими «излишествами» в деятельности музеев.

Тема частного коллекционирования является недостаточно отрефлексированной в отечественной науке, особенно это касается советского частного коллекционирования. Слабый интерес к данной теме обусловлен «малозначительностью» ее для советской гуманитарной науки. Начиная с 90-х годов XX века, тема частного коллекционирования постепенно выходит из научного забвения и перестает быть маргинальной для науки: открываются архивы, появляются авторитетные исследования в этой области, среди которых работы М. Бьянчи [2], А. Г. Ваганова [3], О. В. Игнатьевой [5; 6], М. В. Катащогоиной [7], Л. Г. Ключановой [8; 9; 10; 11], Е. А. Макаровой [12], А. Н. Малинкина [13], И. В. Саверкиной [16], Н. Ю. Семеновой [18], Л. Л. Шпаковской [23] и других, в которых в той или иной степени исследовалась тема отношений между частными коллекционерами и государственными музеями.

Обширный материал по данной теме содержат специализированные периодические издания, законодательные акты, мемуарная литература.

При разработке и обосновании основных положений данной работы применялся системный метод, что позволило рассмотреть феномен советского частного коллекционирования как целостное культурное явление, имеющее как собственную логику развития, так и сопряженное в своем развитии с политической, экономической и культурной историей страны. Использование в работе феноменологического метода оправдано необходимостью обращения к миру повседневности советского человека и его интерпретации в сознании.

Положенный в основу методологии междисциплинарный подход к исследованию феномена частного коллекционирования позволил интегрировать результаты рассмотрения советского частного коллекционирования из разных научных дисциплин – истории, искусствознания, социологии, психологии, политологии, экономики.

В данной работе использовались следующие понятия: «коллекционирование», под которым «понимается целенаправленное, системное собирательство в соответствии с идеей, формой и принципами, придающими создаваемой коллекции целостность и единство» [1, с. 121]; «частное коллекционирование», под которым понимается осуществляемая на личные сбережения и в соответствии с собственным эстетическим вкусом коллекционерская деятельность. Для определения понятия «музей» использовался Устав Международного совета музеев (ИКОМ): «Музей – это действующая на постоянной основе некоммерческая организация, которая служит обществу, заботится об общественном развитии, является открытой для публики и с целью познания, обучения и развлечения собирает, хранит, изучает, демонстрирует и популяризирует материальное и нематериальное наследие человечества и среды его обитания» [19].

Отношения между государственными музеями и частными коллекционерами никогда не были простыми; у этого есть как универсальные причины, присущие всем государствам, так и специфические, характерные для нашей страны.

Для того, чтобы картина сложных взаимоотношений между частным коллекционированием и государственными музеями была более обоснованной, определим три ключевые задачи, соответствующие выбранному фокусу нашего исследования:

- 1) выделим основные типы противоречий между частными собраниями и государственными музеями;
- 2) дадим описание сложившихся в советский период или унаследованных от прежних времен форм взаимоотношений между частными коллекционерами и государственными музеями и собраниями;
- 3) проиллюстрируем на историческом материале «музейные» судьбы частных коллекций.

Каждая из этих задач требует специального обширного исследования; рамки нашей статьи позволяют только тезисно их обозначить.

Музеефикация частных собраний является естественным и универсальным процессом. Самые известные музеи мира (Лувр, Прадо, Эрмитаж, Кунсткамера, Британский Музей, Третьяковская галерея, Музей Гуггенхайма, Музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица и другие) создавались на основе частных собраний. Мы солидарны с А. Н. Малинкиным в том, что «частное коллекционерство является первоисточником и социокультурным фундаментом музейных коллекций, да и музейного дела как такового» [13, с. 42]. Частные коллекции через дарение или покупку выступают и сегодня основным источником пополнения и комплектования фондов музеев.

Движение частного коллекционирования и государственных музеев на встречу друг другу всегда было обоюдовыгодным, поскольку «не только

коллекционер создавал музей, но и музей, как самостоятельный, деятельный организм, формировал собирателя в духовном плане» [4].

Что касается противоречий и конфликтов между частными собраниями и государственными музеями, то здесь не все так очевидно. Противоречия или даже конфликты, возникающие между данными социальными явлениями, порождаются следующими причинами.

- 1) Конфликт в понимании принципов комплектования и систематизации коллекционных предметов. Если музейная коллекция складывается и развивается в соответствии с концепцией музея как публичного пространства, реализующая общественный интерес, то частный коллекционер в своей деятельности руководствуется личными предпочтениями и вкусом.
- 2) Различия в оценке качественного состава и тематики коллекционного материала. Музей, осуществляя оценку коллекционных предметов, проводит их атрибутирование, используя различные методы экспертизы (искусствоведческая, технико-технологическая, источниковая) и привлекает специалистов, аттестованных государственными органами. Частные коллекционеры не имеют перечисленных ресурсов и руководствуются, составляя свои коллекции, «насмотренностью» и интуицией. Ограниченность существующих возможностей у частных коллекционеров, тем не менее, не мешает им собирать выдающиеся коллекции и выступать в качестве авторитетных экспертов.
- 3) Различия в подходах к организации экспонирования коллекционных предметов обусловлены разной природой и функциями государственного музея и частного собрания; если задача музея заключается в том, чтобы просвещать и образовывать народные массы, организуя тематические выставки, проводя экскурсионную работу и прочее, то частный коллекционер, тяготеющий к приватности, соглашается продемонстрировать свою коллекцию только узкому кругу приближенных.
- 4) Противоречия в понимании концепции инвестиционного развития коллекции. Концепция музея представляет собой совокупность принципов, идей и стратегий, которую он реализует в своей деятельности, в том числе и в приобретении новых вещей. Серьезные коллекционеры также имеют концепцию развития коллекции, но их свобода в выборе коллекционных предметов гораздо шире, как в финансовом, так и в смысловом аспектах.
- 5) Неодинаковость задач и функций, стоящих перед музеями и частными коллекционерами. В данном аспекте противоречия проявляются наиболее явным образом: к основным функциям музеев традиционно относят сохранение культурного наследия, просвещение и воспитание народных масс, способ проведения досуга, научно-исследовательскую

функцию; очевидно, что не все перечисленные функции выполняет частное коллекционирование.

- 6) Различные источники финансирования. Если частные коллекции создаются исключительно за счет личных средств коллекционера, то государственные музеи имеют, как правило, несколько разных источников: государственная казна, частные дары, спонсорство, обмены. Это совсем не означает, что государственные музеи «купаются в деньгах»; по сути дела, без внешнего участия могут существовать только крупные музеи мирового уровня. Здесь следует отметить, что советские музеи были лишены возможности приобретать произведения искусства на мировых аукционах, отсутствовали связи музеев с антикварными галереями и зарубежными частными коллекционерами, а потому почти единственный способ пополнения коллекционного фонда – приобретение отдельных вещей или целых собраний у коллекционеров внутри страны.

Отечественная история взаимоотношений между музеями и частными коллекционерами насчитывает более трехсот лет – от открытия в Петербурге Петром I в 1719 году первого публичного музея Кунсткамеры до сегодняшнего времени. Противоречия и конфликты между ними имели разную степень интенсивности в зависимости от периода истории. Данные отношения можно описать, используя метафору движения маятника: от сотрудничества и тесного взаимодействия до подозрительности и «охлаждения» интереса.

В работе затронут только небольшой исторический период взаимоотношений государственных музеев и частных собраний, относящихся к советской эпохе.

Следует отметить, что специальных законов о взаимоотношениях государственных музеев и частных собраний не было принято, тем не менее документов, касающихся культурного развития государства рабочих и крестьян, было принято много и все они, так или иначе, затрагивали этот вопрос. Среди наиболее важных документов следующие: Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов бывшего российского императорского дома» от 13 июля 1918 года; Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января/2 февраля 1918 года; Декрет СНК «О реквизициях и конфискациях» от 16 апреля 1920 года; Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 года; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве» от 20 августа 1928 года; Декрет СНК РСФСР «О национализации внешней торговли» от 22 апреля 1918 года; Декрет СНК РСФСР «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 года; Постановление СНК РСФСР «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 года.

Данными декретами и постановлениями определялся широкий спектр задач, принимаемых молодым социалистическим государством в плане культурного строительства: сохранение культурного наследия, формирование государственного фонда художественных произведений, создание положительного имиджа молодого советского государства, повышение культурного и образовательного уровня граждан и так далее.

Для проведения в жизнь этих направлений были созданы новые государственные структуры: Музейный отдел Наркомпроса, Комиссариат народного просвещения, Комиссариат по внешней торговле, Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, а также – общественные организации: Общество изучения русской усадьбы, Общество «Старый Петербург», Центральное бюро краеведения и другие. Были привлечены специалисты-искусствоведы «старой гвардии», понимавшие художественную и историческую ценность предметов (ювелиры, оценщики, нумизматы, эксперты, часовщики, антиквары), которые внесли некоторую системность и профессионализм в данные процессы и тем самым сохранили для страны многие произведения искусства. Во главе создаваемых комиссий по охране памятников часто стояли люди идеологически чуждые новой власти, но беспокоящиеся о сохранности культурного достояния в условиях революционной неразберихи. Историк искусства В. А. Верещагин в письме так объяснял свою готовность поддержать деятельность Советского правительства: «<...> наше появление во дворце (*имеется в виду Зимний дворец – М. Б.*) и возможное продолжение занятий ничего общего с сочувствием перевороту не имеет и объясняется лишь тем, что, по нашему глубокому убеждению, вопросы искусства парят над политической рознью. К заявлению своему я прибавил, что мы остаемся на своем посту до тех пор, пока одушевлены будем сознанием приносимой нами пользы» [15, с. 56].

Советская история знает следующие формы взаимоотношений, сложившиеся между музеями и частными коллекциями: экспроприация и национализация, передача в дар и завещание, продажа, временное хранение, создание нового типа музея – музея личных коллекций. Некоторые из этих форм имеют универсальный характер, некоторые специфичны для нашей страны.

Национализация имущества членов императорского дома, дворянских усадеб, частных собраний имела несколько целей, среди которых ведущей была идеологическая пропаганда: «Совершенно отбрасывая сомнительную роль и значение владельцев в истории, <...> музей взял основными темами те политические моменты, которые ярко оттеняют противоречия между владельцами усадьбы и окружающим ее населением» [14, с. 145]. Речь идет о необходимости вскрыть классовую эксплуататорскую сущность владельцев усадеб.

В ноябре 2018 года был издан специальный Декрет Совнаркома о национализации Художественной галереи Щукина, как обладающей особой куль-

турной значимостью. Музейной коллегии поручалось «срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении бывшей Щукинской галереей и ее деятельности в соответствии с современными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [18, с. 132]. В этом же году был принят Декрет «О национализации Третьяковской галереи», в котором говорилось, что в интересах рабочего класса ее сокровища должны стать общенародным достоянием.

Специалисты в области коллекционирования считают, что дары коллекционеров являются основой фондов для многих музеев мира, в том числе и для российских музеев. Передача в дар городу или государству своих собраний коллекционерами мотивируется разными обстоятельствами: преклонный возраст коллекционера и отсутствие интереса к собирательству у потомков; беспокойство о сохранности предметов; иногда это коммерческий расчет, связанный с получением, например, налоговых послаблений; жажда славы и известности. Но чаще всего в этом можно найти патристический и альтруистический мотив – желание предоставить общественности возможность приобщения к произведениям искусства и культуры, радование о славе Отчизны. В этой связи «<...> нельзя не отметить необычайную активность русской интеллигенции, которая в поворотный момент истории видела свою историческую миссию в том, чтобы в огне революции спасти богатейшее наследие русского народа» [14, с. 82].

В советской России судьба частных коллекций, переданных в дар музеям, была, как правило, печальной: коллекции расплылись и обезличивались, теряя связь со своими бывшими владельцами и их замыслами. Приведем слова известного коллекционера Михаила Сергеевича Щекина, который мечтал «устроить коллекцию надлежащим, разумным образом»: «Я желал бы принести в дар музею (*речь идет о ГМИИ – М. Б.*) мою коллекцию, как целое, под моим именем и с просьбой сохранить для нее в указанном Вами зале некоторое запасное место, так как мои многолетние связи с Италией я удержал в полной мере и надеюсь, если Бог даст мне жизни, постепенно пополнять собрание уже намеченными мною экземплярами, поскольку позволят силы и средства» [20, с. 197].

В 1917 году, опасаясь за сохранность своей коллекции, Яков Савич передает в дар несколько первоклассных художественных полотен в счет платы за хранение его собрания в годы революции. В 1918 году они были национализированы, а позднее перераспределены между Русским музеем и провинциальными музейными учреждениями [17].

В 1948 году Марк Шагал решил преподнести в дар Государственной Третьяковской галерее 27 картин. Предложение художника было отвергнуто, поскольку иметь работы импрессионистов, постимпрессионистов, кубистов после запрета экспонировать современную живопись стало опасно.

В начале нашего века ситуация начала меняться: например, в 2002 году в ГМИИ и в 2005 году в Эрмитаже были устроены специальные выставки предметов из коллекции Лидии Николаевны Делекторской, личного секретаря, модели и друга А. Матисса (картины, книги, личные вещи и прочее), которые последовательно ею передавались в фонды этих музеев на протяжении тридцати лет. Такими выставками были отмечены заслуги Делекторской в деле бесценного пополнения музейных собраний.

До 50-х годов проведение выставок предметов из частных собраний осуществлялось редко и с большими рисками, что вполне объяснимо, поскольку любая частная деятельность вызывала негативное отношение со стороны государства, а потому ее «опубликование» было опасным делом для коллекционеров. Тем не менее неофициальное сотрудничество музеев с частными коллекционерами никогда не прекращалось.

Василий Алексеевич Пушкарев, будучи страстным собирателем древнерусской живописи, работая в качестве директора Русского музея, был в переписке со многими коллекционерами или их душеприказчиками, помогал с организациями выставок, а также инициировал приобретение «неофициального искусства» с использованием бюджета, выделенного на комплектование работ официальных художников [22].

1950-е годы характеризуются «потеплением» отношений частных коллекционеров и музеев. Именно в Хрущевскую эпоху государственные музеи организуют первые выставки предметов из частных коллекций.

В 1958 году в СССР состоялась первая выставка частных коллекций семьи Рерихов. Это было масштабное мероприятие, продлившееся вплоть до Перестройки и охватившее практически всю страну. Организация подобной выставки стала возможной в том числе и благодаря внешнеполитическому курсу СССР, направленному на «размораживание» отношений с зарубежными странами. Об организации выставки, о представленном собрании картин, об участии индийской стороны, о сопротивлении со стороны чиновников от культуры, считавших художественную деятельность Рерихов мало интересной и незначительной, можно познакомиться в материалах регулярно проводившихся международных научно-практических конференциях «Рериховское наследие» [21].

В 1974 году в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева состоялась выставка икон из частных собраний. В экспозицию вошли иконы, принадлежавшие Г. Костаки, П. Корину, В. Солоухину, Н. Гиппиусу, Н. и С. Воробьевым, В. Момоту, Н. Задорожному и другим частным коллекционерам.

Культурная революция, активно проводимая советской властью, привела к полному исчезновению частных музеев; некоторые из них были национализированы, предметы из частных собраний перераспределялись между музеями, многие пропали безвозвратно. Тем не менее частное кол-

лекционерство не исчезло, но осуществило свою благородную миссию в государственном музейном строительстве. А. Эфрос в 1921 году писал: «Революция уничтожила петербуржца как коллекционера, но сохранила его как музейного человека. Она переместила его коллекцию из дома в государственный музей. Он пришел туда вслед за нею, как своего рода приложение к ней» [16, с. 57].

Инициатива создания Музея личных коллекций в СССР принадлежит Илье Самойловичу Зильберштейну, доктору искусствоведения, главному редактору издания «Литературное наследие» и коллекционеру. Будучи человеком честолюбивым, он хотел передать свое собрание русской и западной графики и живописи, насчитывающее более 2000 произведений, государственному музею, но с выполнением определенных условий: его собрание должно быть неделимым, находиться в одном месте, постоянно экспонироваться и сохранять имя дарителя. В середине 1980-х годов ни один музей не мог выполнить эти условия. Однако, благодаря невероятной энергии И. С. Зильберштейна и И. А. Антоновой, директора ГМИИ им. А. С. Пушкина, решение о создании нового музея было принято. В январе 1994 года Музей личных коллекций открыл свои двери для посетителей, но И. С. Зильберштейн не дожил до этого дня.

Следует констатировать, что наша страна и наша культура потеряла множество первоклассных произведений искусства в том числе и по причине несовершенства законодательства, которое плохо регулирует оборот предметов искусства, находящихся в частных руках.

Как справедливо высказался архитектор, меценат и коллекционер Е. Тюрин, «судьба русского коллекционерства на добрую половину складывается из грустных поминок» [14, с. 145].

Во всем мире культурные институции живут за счет меценатов. Ни у одного государства в мире нет достаточно средств «содержать культуру», которая остается дотационной и требует государственной поддержки. Однако во многих странах для частных коллекционеров есть преференции в виде освобождения от налогов, помощи в реставрации, организации выставок и прочее.

На основании вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам.

Феномен советского частного коллекционирования как целостного культурного явления имеет как собственную логику развития, так и сопряжено в своем развитии с политической, экономической и культурной историей страны, требует междисциплинарного изучения.

Отношения между частными собраниями и государственными музеями можно охарактеризовать как отношения диалектического противоречия: с одной стороны, они едины и предполагают друг друга, с другой, – их отношения по своей природе конфликтны. В нашей стране существующие противоречия усугублялись идеологическими установками и подозрительным отношением власти к любым формам частной инициативы.

Для отечественной истории характерны следующие формы взаимоотношений, сложившиеся между музеями и частными коллекциями: экспроприация и национализация, передача в дар и завещание, продажа, временное хранение, создание нового типа музея – музея личных коллекций.

Необходимо специальное законодательство, регулирующее отношения музеев и частных коллекционеров и охраняющее их права, поскольку музеи могут развиваться и пополнять свои фонды при поддержке института меценатства. И если культура отношений музея и меценатов на Западе давно налажена, в России подобные «настройки» находятся еще в стадии становления.

Список литературы

1. *Богданова М. А., Богданов М. С.* Коллекционирование и собирательство: к определению понятий // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 1 (61). С. 116–122.
2. *Бьянчи М.* Коллекционирование как парадигма потребления // Экономика современной культуры и творчества. Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. 448 с.
3. *Ваганов А. Г.* Коллекционирование как форма проявления исследовательского инстинкта ученого // Социология науки и технологий. 2015. Том 6. № 3. С. 91–104.
4. *Ефремов Н. А.* Проблемы музеефикации частных коллекций на закате Российской империи // Исследования молодых ученых: материалы LVIII Международной научной конференции. Казань. 2023. С. 40–49.
5. *Игнатьева О. В.* Советское коллекционирование в контексте культурной революции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4. 2019. С. 80–89.
6. *Игнатьева О. В.* История изучения частного коллекционирования в России: теоретический обзор // Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 8. С. 1530–1537.
7. *Катащогина М. В.* Революция 1917 года и мир частного коллекционирования: гибель и возрождение отечественного меценатства XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 6. № 6. Часть 2. 2014. С. 269–277.
8. *Клюканова Л. Г.* Междисциплинарный статус современного частного коллекционирования как феномена культуры // Мир науки, культуры, образования. № 6 (49). С. 530–533.
9. *Клюканова Л. Г.* Частное коллекционирование как явление современной культуры // Обсерватория культуры. 2015 (2). С. 73–77.
10. *Клюканова Л. Г.* Частное коллекционирование в современной художественной культуре России: автореф. дис. ... канд. культурологии. Санкт-Петербург. 2017. 21 с.

11. *Клюканова Л. Г.* Частное коллекционирование как предмет культурологического исследования // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. С. 246–254.
12. *Макарова Е. А.* Коллекционирование как социокультурный институт: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск. 2022. 24 с.
13. *Малинкин А. Н.* Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Москва: ГУ–ВШЭ. 2011. 192 с.
14. Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов. Москва. 1991. 323 с. URL: <https://heritage-institute.ru/?books=muzej-i-vlast-gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-muzejnogo-dela-xviii-xx-vv-sbornik-nauchnykh-trudov-m-1991-323-s>
15. Музей между Гражданской и Великой Отечественной войной: судьба людей, коллекций, зданий: сборник докладов всероссийской конференции. 10–12 октября 2018 г. // Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Государственный Эрмитаж. Екатеринбург, 2018. 176 с.
16. *Саверкина И. В.* Коллекционирование в системе идеологической работы в 20–30-е гг. XX века. // Клио, 2005. № 4 (31). С. 127–132.
17. *Сальникова О.* Шедевры-бесплатно? Кто дарил Русскому музею целые коллекции картин // Еженедельник “Аргументы и факты – Петербург”. 29/07/2020. URL: https://spb.aif.ru/culture/kartina_v_podarok_kto_daril_russkomu_muzeju_celye_kollekcii_shedevrov
18. *Семенова Н. Ю.* Московские коллекционеры: С. И. Щукин, И. А. Морозов, И. С. Остроухов: Три судьбы, три истории увлечений. 4-е изд. Москва: Молодая гвардия, 2022. 439 с.
19. Устав Международного совета музеев (ИКОМ). URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2023/07/Statutes_2023_EN.pdf
20. Частное коллекционирование в России // Материалы научной конференции «Випперовские чтения-1994». Выпуск XXVII. Москва: ГМИИ им. Пушкина, 1995. 256 с.
21. *Чернявский В. Е.* Выставки Рерихов в СССР как феномен культурной жизни советского общества // XVII-ая международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Санкт-Петербург, 2018. С. 536–587.
22. *Чувилькина Ю. В.* Вклад коллекционеров Савицкого И. В., Костаки Г. Д., Пушкарева В. А. в сохранение художественного наследия 20–30-х годов XX века // Культурное наследие России. 2021. (№ 3). С. 86–92.
23. *Шпаковская Л. Л.* Социальные основы формирования ценности антикварных вещей. (На примере антикварного рынка Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. социологических наук. Москва. 2001. 17 с.
24. *Якеменко Б. Г.* Личные книжные коллекции в системе отечественной культуры (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. История России. 2014. № 2. С. 120–125.

ТАНЕЦ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 304.2

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-43-52>

Владислава Сергеевна ТЮТЮННИК,

аспирант кафедры культурологии,
преподаватель кафедры хореографического искусства,
Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского,
Луганск, Луганская Народная Республика,
Российская Федерация,
e-mail: vladislavochka1995@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию танца как способа конструирования идентичности в условиях современной социокультурной реальности. Рассматривается идентичность как многоаспектный феномен, формирующийся на пересечении индивидуального и коллективного, телесного и символического, традиционного и цифрового. Внимание уделяется анализу танца как «живого архива» культурной памяти, невербальной коммуникации и телесной практики, интегрирующей эмоциональное и физическое начала личности. В работе показано, как через участие в танцевальной деятельности происходит этническая, гендерная, социальная и культурная самоидентификация. Освещается роль танца в преодолении кризиса идентичности, в том числе в контексте виртуализации культуры и формирования феномена виртуальной телесности. Делается вывод, что танец выступает не только средством воспроизводства культурных норм, но и пространством их трансформации, способствуя обретению целостного образа «Я» в диалоге с Другим и обществом.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, танец, культура, социум, личность, «Я», «Другой», хореография.

Для цитирования: Тютюнник В. С. Танец как способ конструирования идентичности в современной культуре // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 43–52. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-43-52>

DANCE AS A WAY OF CONSTRUCTING IDENTITY IN CONTEMPORARY CULTURE

Vladislava S. Tyutyunnik,

Postgraduate at the Department of Cultural Studies,
Lecturer at the Department of Choreographic Art,
Luhansk State Academy of Culture and Arts
named after Mikhail Matusovsky,
Luhansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation,
e-mail: vladislavochka1995@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of dance as a way of constructing identity in the context of modern sociocultural dynamics. Identity is considered as a multifaceted phenomenon that is formed at the intersection of the individual and the collective, the physical and the symbolic, and the traditional and the digital. The article focuses on the analysis of dance as a “living archive” of cultural memory, non-verbal communication, and bodily practice that integrates the emotional and physical aspects of the individual. The article explores how ethnic, gender, social, and cultural self-identification can be achieved through participation in dance activities. The article highlights the role of dance in overcoming the crisis of identity, including in the context of the virtualization of culture and the formation of the phenomenon of digital corporeality. It is concluded that dance is not only a means of reproducing cultural norms, but also a space for their transformation, contributing to the acquisition of a holistic self-image in dialogue with others and society.

Keywords: identity, self-identity, dance, culture, society, personality, one’s self-concept, the Other concept, choreography.

For citation: Tyutyunnik V. S. Dance as a Way of Constructing Identity in Contemporary Culture. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 43–52. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-43-52>

Вопрос идентичности, связанный с проблемой осознания самого себя в современной действительности, является актуальным предметом исследования социально-гуманитарных наук. Трудность осмысления и создания своего целостного «Я», встроенного в картину мира, заключается в глобальных трансформациях социального устройства. Усиление автономизации человека в обществе, возрастание ценностного релятивизма, технологизация информационной среды влияют на культуру жизни человека и приводят к усложнению процесса самоидентификации. Изменения в политическом, экономическом, культурном и других сферах жизни общества, вызванные глобализацией, размывают границы морально-ценностных жизненных представлений, что приводит к затруднению процесса конструирования идентичности. Кроме прочего, социокультурная установка на признание и успех препятствуют формированию здоровой идентичности человека.

Понятие идентичности рассматривается как многоаспектное явление в междисциплинарном поле исследований. В философской традиции данное понятие претерпело эволюцию от онтологической категории тождества (Парменид, Аристотель) до экзистенциальной проблематики личностного самоопределения (Р. Декарт, И. Кант). В социологии идентичность понимается как характеристика социализации личности, в результате которой человек приобретает роли и статусы в социальном пространстве и взаимодействует с Другими (Дж. Мид, Ч. Кули). Психология рассматривает процесс идентификации как формирование целостного «Я» в устойчивых социальных отношениях вне зависимости от социокультурных трансформаций (З. Фрейд, Э. Эриксон). В политическом срезе идентичность указывает на принадлежность к определенной политической системе взглядов, в соответствии с которой человек проявляет устойчивые образы и формы политического поведения.

Культурная идентичность представляет собой «модальность, необходимую составляющую идентичности вообще, индивидуальной и коллективной в частности» [4, с. 66]. Антропологический ракурс трактует идентичность как отражение культуры в образе действий человека. Как говорит М. В. Тлостанова, «человека вообще не существует» [9, с. 192], он определяется культурой, историей, расой, полом, профессией, религией и так далее. Это приводит к появлению идентичности в её множественном проявлении. Каждая из модификаций идентичности выстраивает целостную идентичность личности, в которую закладываются принимаемые ею нормы поведения, ценности, идеалы, что позволяет ответить на вопросы «Кто я?», «На своём ли я месте?».

Сущность понятия «идентичность» раскрывается в контексте рассмотрения смежных категорий: «самость», «инаковость», «различие», «аутентичность», «этовость», «Другой», «чтойность», «ктойность». Осознание собственного «Я» становится возможным в диалогическом аспекте межличностных отношений, в которых каждый человек соотносит, сравнивает и различает себя с Другим. «Человек становится собой лишь в результате диалога Я – Ты, где Другой воспринимается как субъект, во всей своей неповторимости и уникальности» [8, с. 120].

Обобщая различные концепции и трактовки понятия, мы определяем идентичность как *целостный образ личности, вплетенный в социокультурные взаимоотношения и определяемый набором ценностных ориентиров, идеалов, норм поведения, которые отличают одну личность от другой*. Личностная идентичность складывается из множества других идентичностей (политической, религиозной, профессиональной, половой и так далее) и формируется в большей степени бессознательно в течение всей жизни человека: «весь жизненный путь человека – это путь постоянного выбора и поддержания идентичности» [7].

Становление личности, в том числе её идентичности, фиксируется культурой как созданным человеком социальным миром. Таким образом, и социальное, и культурное воплощаются в человеке как два начала. Социальное делает человека человеком, культурное делает человека личностью. В свою очередь, овладевая культурой, человек создает культуру, «реализуя в ней свою родовую сущность – способность творить, созидать новое» [1, с. 440].

Танец как творение культуры, как форма активной созидательной деятельности может способствовать развитию личности и становлению ее идентичности. Являясь частью социального устройства культуры, танец выполняет разные функции, реагируя на происходящие изменения и отражая их в своём воплощении. Феномен танца рассматривается как вместилище культурной памяти, ценностей и идеалов, посредством которых личность может выстраивать своё мировоззрение. Он предоставляет возможность телесного самовыражения, невербальной коммуникации и эмоциональной интеграции, что позволяет личности конструировать целостный образ «Я».

На современном этапе развития общества, а именно с развитием дистанционного обучения и популярности социальных сетей, танец становится повседневным, постижимым явлением. Как в профессиональном, так и в любительском проявлении различные виды, жанры и стилистика танца определяют его многоуровневое, многофункциональное содержание как социокультурного явления.

Как один из элементов социального устройства, танец характеризуется социально-дифференцированным свойством и может выступать определенным маркером самоидентификации. Так, самоидентификация посредством танца может осуществляться всеми участниками процесса – исполнителями, постановщиками, зрителями. Она может затрагивать выявление как личностной, так и социальной плоскостей идентичности. В зависимости от того, какую роль (функцию) выполняет танец в той или иной ситуации, человек может формировать представление о себе в этническом, национальном, политическом, гендерном, профессиональном, культурном аспектах. Кроме прочего, телесный облик танцовщика одного направления отличается от другого, что даёт нам возможность дифференцировать, каким видом танца он занимается.

С древнейших времен танец – как элемент ритуала – выстраивал социальную жизнь племени, объединяя людей в общей деятельности. Любой танец является способом со-причастности и может содействовать становлению коллективной идентичности. Он служит средством передачи эмоций и формирования синхронного коллективного переживания – своеобразного группового «разума» или «сознания». Посредством синхронизированного ритмодвижения создаётся единое социоментальное пространство, где человек трансцендирует свои границы, становясь интегративной частью общего кинетического и эмоционального механизма [11]. Танцевальная практика на культурном, бытовом, педагогическом, терапевтическом уровнях выступает социальной практикой, в ходе которой человек приобретает социальные навыки, устанавливает взаимоотношения, признавая себя членом группы и разделяя общие интересы, ценности и традиции с ее участниками. Всё это складывается в совокупность представлений о коллективном «Мы» и встраивается в структуру личностной идентичности.

Будучи одной из древнейших форм невербальной коммуникации и культурного выражения, танец представляет собой телесный архив коллективной памяти. В отличие от статичных архивов – письменных текстов или музейных артефактов – танец функционирует как «живой» архив, воплощенный и процессуальный, существующий только в акте своего исполнения. Его специфика заключается в телесной, кинестетической и ритмической фиксации исторического опыта, социальных норм, мифологических представлений и эмоциональных паттернов конкретного сообщества.

Архивная природа танца проявляется, прежде всего, в его способности кодировать и транслировать коллективный опыт на докогнитивном, мышечном уровне. Движенческие паттерны, жесты, позы и пластические идиомы, повторяющиеся из поколения в поколение, становятся телесными практиками, или «техниками тела», по выражению Марселя Мосса [5]. Эти техники не являются биологически детерминированными; они усваиваются в процессе социализации и инкультурации, выступая маркером групповой принадлежности. Таким образом, тело танцующего человека превращается в носителя «социальной памяти», где каждое движение может быть прочитано как текст, содержащий следы ритуалов, трудовых процессов, гендерных ролей и исторических травм.

Танец – как носитель коллективной памяти – выступает средством актуализации прошлого в настоящем. В ритуальных и церемониальных танцах часто воплощаются мифологические события или исторические нарративы, вмещающие память о предыдущих поколениях и общей истории. Например, военные танцы маори (хака) или полинезийские танцы, повествующие о миграциях по Тихому океану, являются представлениями, оживляющими прошлое и делающими его значимым для современности. В ситуациях культурного угнетения или диаспоры танец может стать формой сохранения идентичности, когда другие ресурсы передачи памяти (язык, письменность) оказываются под запретом. Афро-американские танцевальные традиции, сохранившие в своей полицентрии и ритмической сложности память об африканском наследии, несмотря на опыт рабства, яркое тому подтверждение.

«Живой архив» телесной памяти подвержен постоянной реинтерпретации и памятной реконструкции. Каждое новое поколение танцовщиков, воспроизводя канонические формы, вносит в них незначительные изменения, адаптируя их к новому социальному контексту. Таким образом, танец – это не просто хранилище, а динамичный процесс «вспоминания», в котором прошлое диалогически взаимодействует с настоящим. Фольклорные ансамбли, сценические обработки народного танца, современные постановки – всё это формы работы с этим архивом, его критического осмысления и актуализации для поддержания актуальной культурной идентичности.

Формирование этнической и национальной идентичности также осуществляется с помощью танца, который выступает одним из ключевых маркеров культурной принадлежности. «Мы обращаемся к танцу, как феномену художественной культуры формирующему этническое сознание» [2]. Полноценная самоидентификация личности предполагает осознание своей связи с определенным этносом, нацией или народом. Культурная уникальность каждого сообщества, выраженная в системе обычаев, традиций, поведенческих норм, моральных ценностей и особенностей трудовой деятельности, находит свое воплощение в пластическом языке народного

танца. Танец функционирует как способ познания культуры, позволяя конструировать целостный образ собственного этноса и проводить демаркационные линии по отношению к другим. Хореографическое высказывание, будь то испанское фламенко, русский хоровод или индийский катхак, служит визитной карточкой культуры, визуальным и кинетическим символом, позволяющим сообществу осознать свою уникальность и провести границу с «другими». Через организацию пространства (круг, линия, пара), через предписанные дистанции между танцорами, через гендерно специфичные движения он воспроизводит и закрепляет принятые в обществе иерархии и модели взаимодействия. Человек, идентифицирующий себя с конкретной этнической общностью и обладающий достаточными культурными компетенциями для различения «своих» и «чужих» символических систем, способен минимизировать риски внутриличностных конфликтов, что в значительной степени способствует успешному процессу самопознания.

Танец способен содействовать процессу гендерной и половой идентификации личности. В настоящее время вопрос гендерной принадлежности особо актуален, поскольку политика многообразия полов, оказывая влияние через социальные сети, размывает границы традиционной культуры. Кроме того, традиционные образы женского и мужского изменились с реализацией принципа гендерного равенства. Процесс полового самосознания достигает своего критического момента в подростковом возрасте, что заложено телесной природой человека. Однако в большей степени на процесс идентификации и ориентации влияют социокультурные факторы – образцы, стереотипы поведения, заложенные обществом. Воплощением женственности и мужественности могут стать тела и эстетика движений танцовщиков, которые сформировались, в первую очередь, в классическом танце. Лёгкость, невесомость, хрустальность, некая бестелесность женского тела, кантиленность, плавность, текучесть движений стали образцом женственности и женского танца. Способность же поднять танцовщицу, проявить силу, стать опорой и поддержкой для нее закрепились в мужском танце и стали признаком мужественности. Окончательное разделение на мужское и женское в классическом танце произошло с появлением пуант – женского танца на пальцах. Здесь вырабатывается другая техника, которая достигается бесконечным повторением и усовершенствованием одних и тех же движений. Кроме того, мужские и женские классы строятся на основе анатомических особенностей полов. Таким образом, тела исполнителей классического танца формируются в соответствии с принятыми традиционными нормами, которые выражаются в принадлежности к их полам.

Гендерная выразительность в танце не ограничивается рамками классической традиции и может быть прослежена в различных хореографических системах, включая бальный, характерный и историко-бытовой танец.

Более того, различные направления в современной танцевальной культуре могут благоприятно влиять на процесс половой самоидентификации. Примером является стремительно популяризировавшееся направление хай хиллс, где доминирует эстетика подчеркнутой женственности, основанная на уверенности, сексуальности и владении телом, а также крамп, в котором агрессия, энергичность и мощь формируют образы, ассоциирующиеся с маскулинностью.

Тем не менее, современный танец и перформативные практики всё чаще ставят под вопрос жёсткую привязку движенческих паттернов к бинарной гендерной системе. Постмодернистская хореография сознательно деконструирует традицию, позволяя исполнителям и зрителям переосмысливать связь между телом, движением и гендерной идентичностью. В этом контексте танец становится не только инструментом воспроизводства традиционных норм, но и пространством для их критики и трансформации. Таким образом, он участвует в двух взаимосвязанных процессах: поддержании гендерного канона и его постоянном переопределении.

Важной составляющей процесса самоидентификации в условиях современной культуры является телесность, как базовый критерий присутствия человека в мире. Возможность своего воплощения человек, в первую очередь, объясняет наличием тела и его отождествлением с самим собой. «Тело человека – это особый феномен, который лежит в основании нашего опыта и выстраивает наше отношение к миру, к самому себе и Другим» [6]. В процессе самоопределения себя в социуме, для установления коммуникации и создания необходимого статуса, человек создаёт свой образ, начиная с тела. А тело в единстве с сознанием обеспечивает существование человека как социокультурного субъекта и отдельной индивидуальности.

Непринятие личностью собственного тела возникает по разным причинам. Это могут быть физиологические факторы, такие как половое созревание, стремительное физическое развитие. А также социальные запросы – меняющиеся каноны, стандарты телесных форм, которые легко подчиняют и контролируют личность. И этот момент является главным в образовании кризиса телесной самоидентификации, поскольку неспособность контролировать ситуацию, отвечать новым потребностям общества приводит к нестабильному эмоциональному состоянию, которое в большей степени влияет на формирование своего целостного «Я», нежели само телесное изменение.

Тело является главным инструментом в воплощении танца. И как ранее было сказано, танец способен сформировать эстетический телесный облик. Однако это скорее дополнение к доминирующей роли танца, которая, по нашему мнению, заключается в его способности интегрировать эмоциональное и физическое состояние личности. Это теоретическое положение отражает представление о телесности как единстве созна-

ния и тела, лежащего в основе современного танца, «который возникает на рубеже XIX–XX столетий в рамках постклассической культуры» [10]. В этом аспекте танцевальная практика применяется как терапевтическая, способная естественным путём высвободить эмоциональное напряжение через тело, облегчая психоэмоциональное состояние. Человеческое тело по своей природе создано для движения, и танец удовлетворяет данную потребность, активизируя сознание и тело.

Кроме вышеперечисленного, стоит отметить коммуникативную роль танца в обществе. Исполнители-партнеры вступают во взаимосвязь с друг другом, устанавливая телесно-эмоциональный контакт. В отличие от жизни в танце реакция партнёра становится мгновенной: он откликается на движение, взгляд, прикосновение. Происходит осознание себя и партнёра через установленный невербальный диалог. Возникает открытость, готовность к общению, проявляется эмпатия, что в реальной жизни способствует раскрепощению и формированию доверительных взаимоотношений. Как мы выяснили, процесс самопознания происходит в диалоге с Другим, где личность сопоставляет себя, сравнивает, оценивает. Танец – это диалог с партнером, в котором развиваются коммуникативные навыки и регулируются взаимоотношения в реальной социальной жизни.

В условиях цифровизации и экспансии виртуальной реальности танец приобретает новые формы бытования, трансформируя традиционные механизмы конструирования идентичности. Социальные сети и видеоплатформы формируют иную среду для танцевальной практики, где телесное присутствие опосредовано экраном, а коммуникация разворачивается в пространстве «цифрового тела». Данная ситуация порождает феномен виртуальной телесности – «репрезентация человеком себя в виртуальной среде, интернет-пространстве или социальных сетях» [3, с. 43] – образа тела, существующего в знаково-символической реальности и доступного для бесконечного тиражирования, редактирования и стилизации. Танцевальный контент становится не просто формой досуга, но значимым ресурсом самопрезентации и маркером принадлежности к определенным цифровым сообществам.

Однако следует сказать, что виртуализация танцевальной практики несёт в себе и определённые риски для процесса идентификации. Замена живого телесного опыта его экранным симулякротом может приводить к отчуждению личности от собственного тела, формированию разрыва между физическим и виртуальным «Я». Кроме того, танец рискует утратить свой глубинный антропологический смысл, превращаясь в инструмент «цифрового труда» и воспроизводства конформистских моделей поведения.

Тем не менее, современная танцевальная культура демонстрирует и обратную тенденцию: рост интереса к практикам со-присутствия и тактильности, не опосредованным цифровыми интерфейсами. Запрос на те-

лесную аутентичность, спонтанность и непосредственный контакт с Другим становится ответом на пресыщение виртуальными коммуникациями. Импровизационные формы танца, мастер-классы офлайн и танцевально-двигательная терапия возвращают личности утраченное единство сознания и тела, позволяя заново обрести опору в физическом опыте. Таким образом, в современной культуре танец функционирует одновременно в двух контекстах: как цифровой симулякр, обслуживающий процессы виртуальной идентификации, и как ресурс, возвращающий человеку целостность и подлинность бытия.

Можно сделать вывод, что феномен идентичности является процессом самоопределения человека в культуре. Способность осмыслить себя в социокультурном контексте, сформировать мировоззренческие ориентиры, интегрироваться в определенную культурную группу при одновременном признании множественности других культурных моделей составляет основу здорового личностного развития.

Включенность в творческие практики, в частности, в танцевальную деятельность, активизирует ориентацию личности на социальное взаимодействие и выстраивание связей, что интенсифицирует и обогащает процесс самоидентификации. Танец как форма художественного творчества, существующая в единстве физического и экзистенциального начал, создаёт пространство для воплощения универсального в индивидуальном, социального в личностном, культурного в телесном. Он обеспечивает встречу человека с его внутренним «Я», интегрирует его в культурную память сообщества, а культурные коды – в его телесность. Танец способен трансформировать не только внешний облик человека через изменение двигательных паттернов, но и, что наиболее значимо, его внутренний мир. Через синтез движения и эмоции он участвует в конструировании целостной идентичности, встроенной в многомерную картину мира.

Через механизмы телесной практики, невербальной коммуникации и символической репрезентации танец способствует не только усвоению готовых культурных моделей, но и активному созиданию новых форм самоописания. Так он становится особенно востребованным в современном социокультурном пространстве, где идентичность размывается и постоянно воссоздается в диалоге с собой и обществом.

В условиях цифровой реальности танец предстаёт в двух ипостасях. С одной стороны, он является способом самопрезентации и обуславливает принадлежность к определенным цифровым сообществам. С другой – порождает риски отчуждения от физического тела и восприятия себя, подмены живого телесного присутствия его симулякром. Однако именно в этой корреляции между реальным и виртуальным, телесным и цифровым возрастает запрос на живое общение с Другим через танец, с помощью которого можно достичь единства сознания и тела.

Список литературы

1. Ахутин А. В., Визгин В. П. Теоретическая культурология. Москва: Академический проект, 2005. 624 с.
2. Базанова О. А. роль народного танца в формировании и сохранении этнокультурной идентичности // Философско-культурологические исследования. 2018. № 3: URL: <https://fki.lgaki.info/2018/05/02/>
3. Галанина Е. В. Гендер и виртуальная телесность в видеоиграх // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2025. № 58. С. 41–52.
4. Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2024. Выпуск 2. С. 62–68.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступ. статья, комментарии А. Б. Гофмана. Москва: КДУ, 2011. 416 с.
6. Некрасова Н. А., Горяинов А. А. Феномен человеческой телесности // Аналитика культурологии. 2008. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-chelovecheskoj-telesnosti>
7. Роговец О. В. Феномен идентичности и кризис идентичности // Философско-культурологические исследования. 2018. № 3: URL: <http://fki.lgaki.info/2018/05/02/>
8. Родин К. Проблема ложной идентичности // Философская антропология: электронный журнал. 2015. С. 119–145. URL: <https://pa.iphras.ru/article/view/1145/>
9. Тлостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории: научный альманах. Москва: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. Т. 4. С. 191–218.
10. Тютюнник В. С. Кинестетическое чувство в воплощении современного танца // Философско-культурологические исследования. 2022. № 11: URL: <https://fki.lgaki.info/2022/07/25/>
11. Chernoff African rhythm and African sensibility: aesthetics and social action in African musical idioms. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 306 p.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАРРАТИВА В КИТАЕ И РОССИИ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (1980–1990-е ГОДЫ)

УДК 372.881.1.

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-53-62>

Чэнь ГАНГАН,

аспирант кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: gangchen088@163.com

Аннотация. В конце XX века распад Советского Союза и постепенные реформы в Китае продемонстрировали два принципиально разных пути общественного развития. В России это был путь революционных преобразований, а в КНР путь эволюционного движения. В настоящем исследовании проводится сравнительный анализ литературных произведений Китая и России периода социальных трансформаций с опорой на такие аспекты, как повседневная жизнь, положение интеллигенции и пространственная символика. Российская литература в условиях институционального распада и ценностной дезориентации 80–90-х годов выражает состояние экзистенциальной растерянности и одиночества человека. В то же время китайская литература, опираясь на относительную стабильность социальной системы, через переосмысление повседневности и межличностных отношений выявляет практическую мудрость жизни. Автор статьи отмечает, что различия в литературных нарративах Китая и России отражают расхождение между православной традицией и конфуцианством. В российской литературе 80–90-х годов писатели уделяют внимание духовному кризису личности на фоне социального перелома, китайские писатели, напротив, основываясь на прагматизме, демонстрируют в своих произведениях высокую степень индивидуальной адаптивности к социокультурным обстоятельствам.

Ключевые слова: кросс-культурный анализ литературы Китая и России; литература переходного периода; литературный нарратив; разрыв и преемственность; культурные механизмы, экзистенциальное одиночество, ценностная дезориентация, индивидуальная адаптивность к социокультурным обстоятельствам.

Для цитирования: Чэнь Ганган. Кросс-культурный анализ литературного нарратива в Китае и России в период социальных трансформаций (1980–1990-е годы) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 53–62. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-53-62>

**CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF
LITERARY NARRATIVE IN CHINA AND
RUSSIA DURING THE PERIOD OF SOCIAL
TRANSFORMATIONS (1980s–1990s)**

Chen Ganggang,

Postgraduate Student at the Department of Cultural Studies
Moscow State Institute of Culture
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: gangchen088@163.com

Abstract. At the end of the 20th century, the collapse of the Soviet Union and gradual reforms in China demonstrated two fundamentally different paths of social development. In Russia, this was the path of revolutionary transformation, and in the PRC, the path of gradual evolutionary movement. This study provides a comparative analysis of literary works in China and Russia during the period of social transformation, focusing on aspects such as everyday life, the status of the intelligentsia, and spatial symbolism. Russian literature of the 1980s and 1990s, under the conditions of institutional collapse and value disorientation, reflects the state of existential confusion and loneliness of man. At the same time, Chinese literature, relying on the relative stability of the social system, reveals the practical wisdom of life through a rethinking of everyday life and the transformation of interpersonal relationships. The author of the article notes that the differences in the literary narratives of China and Russia reflect the differences between the Orthodox tradition and Confucianism. In the Russian literature of the 80-90s, writers pay attention to the spiritual crisis of personality against the background of a social turning point, while Chinese writers, on the contrary, based on pragmatism, demonstrate a high degree of individual adaptability to socio-cultural circumstances.

Keywords: cross-cultural analysis of Chinese and Russian literature; literature of the transitional period; literary narrative; discontinuity and continuity; cultural mechanisms; existential loneliness; value disorientation; individual adaptability to sociocultural circumstances.

For citation: Chen Ganggan. Cross-Cultural Analysis of Literary Narrative in China and Russia During the Period of Social Transformations (1980s–1990s). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 53–62. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-53-62>

Россия и Китай продемонстрировали миру в конце XX века два разных пути социального и культурного развития. После распада Советского Союза Россия пошла по пути радикальных экономических преобразований, основанных на «шоковой терапии». Одновременно с этим менялась социальная структура общества, шла трансформация общественного сознания и, как следствие, наступил кризис коллективной и индивидуальной идентичности [9, с. 129–135]. В Китае же была реализована стратегия постепенных реформ, выраженная формулой «переходить реку, нащупывая камни» [4, с. 63–65]. Социальная система и культурная жизнь менялись постепенно, формировалась способность общества и индивидов к социальной адаптации.

* * *

Различия в социальном опыте России и Китая обозначились в 80–90-х годах уже в литературном изображении повседневности. Так в произведении Людмилы Петрушевской «Свой круг», которое было опубликовано в 1988 году, повседневная жизнь вписана в процесс сложных взаимоотношений в среде российской интеллигенции, дружеских и семейных. Данное произведение отражает восприятие жизни и отношения между людьми, которые формировались уже в позднесоветский период и усугубились в период рыночных реформ. Объектом повествования у Петрушевской являются представители нескольких семей, которые привычно проводят время по пятницам в интеллектуальном общении, которое со временем обретает искусственный характер. У героев этой повести есть имена и прозвища, но нет фамилий. А у главной героини, которая ведет рассказ, даже нет имени.

Посредством детального описания жилищных условий, материального положения и личных отношений в этих семьях автор показывает лицемерную подоплеку такого “своего круга”, в котором непрерывно накапливается внутреннее напряжение. Жилищная стесненность, материальный дефицит и обострение конфликтов приводят к тому, что семья, призванная обеспечивать чувство безопасности, превращается в пространство, постоянно истощающее психическую энергию человека [8, с. 14–32]. То же самое происходит в изображаемых социальных условиях с человеческой дружбой. Причина отчуждения между людьми в произведении Петрушевской “Свой круг” не только в истощении средств к существованию, но и в более глубоких проблемах межличностного общения в условиях советского “застоя”: несмотря на взаимную необходимость, люди не способны на искренние чувства, заменяя любовь истерикой, а дружбу лицемерной поддержкой. Любовь и дружба утрачивают свой изначальный смысл, и, вращаясь в “своем кругу”, человек истощается духовно и физически.

Эмоциональная подавленность в произведениях российских писателей 90-х годов нарастает и носит системный характер. Образ матери в рассказе Петрушевской обладает очевидной двойственностью: ради спасения сына в будущем, она издевается над ним в настоящем. Люди оказываются в круговороте повседневности, из которой невозможно вырваться: в ней невозможно что-либо изменить, как и начать заново [8, с. 19]. Как мы видим, изображенные Петрушевской отношения людей не могут быть основой гармоничной социальной жизни, но и сами социальные институты, в том числе те, которые обеспечивают стабильность семьи, превращаются в источник деформации человеческих взаимоотношений.

В романе китайского писателя Лю Чжэньюня “Вся земля в куриных перьях” повседневная жизнь также утрачивает свой духовный смысл, что демонстрируется автором на фоне мелких бытовых событий. Повество-

вание сосредоточено на жизни обычного государственного служащего, показанной через череду незначительных, на первый взгляд, житейских эпизодов, таких как семейные дела, служебные отношения, различные социальные контакты. Каждое утро в шесть часов Сяо Линь пунктуально появляется у прилавка с тофу, изо дня в день повторяя одни и те же действия. Однако однажды, спеша на автобус, он забывает дома только что купленный тофу, который вскоре портится. Эта незначительная оплошность немедленно вызывает конфликт внутри семьи: никто не желает брать на себя ответственность, и в итоге мелкое происшествие перерастает в серьезную ссору [6, с. 374–383].

Мелкие события повседневной жизни нередко выражают смысл общего социального давления. В повествовательном отношении роман с тонкой художественной детализацией изображает повседневную служебную жизнь, раскрывая при этом присущий ей формализм и отчуждение. Главный герой Сяо Линь, находясь внутри административной системы, проходит значительную трансформацию – от первоначального стремления совершенствоваться к состоянию холодного конформизма. Ежедневная рутина, скрытые конфликты, а также неясность с профессиональными перспективами вынуждают его пересматривать свои представления и ожидания. Идеалистические настроения, включая веру в “светлое будущее”, не исчезают одномоментно; напротив, они постепенно стираются под воздействием времени и жизненного опыта, приводя в конечном счете к компромиссу с реальностью. Отрицание идеализма у Сяо Линя имеет пессимистический характер: «Так называемые высокие идеалы и устремления – всего лишь дерзость молодости» [6, с. 383]. Данное высказывание свидетельствует о хрупкости идеалистических установок в реальной жизни, где они легко разрушаются под давлением обстоятельств.

Сяо Линь выбирает стратегию «ладно уж, сам виноват», реагируя таким образом на жизненные проблемы. Это форма отступления под давлением обстоятельств одновременно является проявлением прагматической жизненной установки, направленной на выживание. Фрагментарные и, на первый взгляд, незначительные описания в этом произведении не свидетельствуют о духовном крахе, а отражают процесс постепенной эрозии: субъект сохраняет свое существование посредством непрерывных компромиссов. Модель «постепенные реформы – социальная стабильность», характерная для модернизационного процесса в Китае, предполагает, что прежние социальные институты не разрушаются одномоментно, а трансформируются по мере движения, и это провоцирует стратегию адаптации у граждан, которые тоже постепенно приспособляются к новым рыночным условиям, сохраняя базовый общественный порядок.

Таким образом, в изображении повседневных деталей русская и китайская литература 80–90-х годов демонстрируют существенные различия.

В русской литературной традиции обыденные мелочи нередко манифестируют распад внутреннего мира, экзистенциальное одиночество и неуверенность в собственном существовании. Китайское же повествование рассматривает повседневность, прежде всего, как проявление такого социального воздействия, которое ослабляет идеалистические устремления и одновременно обеспечивает устойчивость и продолжение жизни. Это различие не сводится к эмоциональной тональности, а обусловлено различным историческим опытом, сформированным в условиях социальных трансформаций: в одном случае индивидуальные жизненные трудности возводятся в ранг экзистенциальной проблемы, в другом – акцент переносится на практику выживания и способы адаптации к новому образу жизни.

Еще раз уточним, что в рассказе Л. Петрушевской «Свой круг» через изображение повседневной жизни раскрываются духовная дезориентация человека, деградация семейных и дружеских отношений, которые были характерны для российских людей в 80–90-х годах. В свою очередь, у Лю Чжэньюня – посредством накопления множества незначительных эпизодов – демонстрируется угасание идеализма в условиях постепенных реформ и последующий компромисс с реальностью. Литература конца XX века, прибегая к этим повествовательным стратегиям, показывает разное отношение к социальным и культурным трансформациям и различные интерпретации адаптивных черт личности.

* * *

Развитие рыночных механизмов и трансформация социальной структуры в 90-х годах определили изменение положения интеллигенции в Китае и России. В русской литературе автор романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимир Маканин использует образ «подполья» как ключевую метафору духовного состояния человека, тем самым, достоверно отражая трагическую судьбу интеллигенции в условиях краха ценностной системы, вызванного политикой «шоковой терапии» [7].

Герой этого произведения Петрович – писатель, оказавшийся вытесненным из официального литературного пространства; его творчество не получает признания со стороны институционализированной культурной среды. Произведения главного героя у Маканина систематически отвергаются издательствами: в общей сложности он получает 121 отказ в публикации. Масштабные общественные преобразования приводят к тому, что некоторые ранее маргинализированные представители «подполья» начинают выходить в публичное пространство, активно стремясь к признанию и материальной выгоде. Однако Петрович отвергает подобную трансформацию, последовательно сохраняя дистанцию по отношению к меняющимся обстоятельствам.

В романе содержится следующий фрагмент: «Когда после горбачёвских перемен люди андеграунда повыскакивали там и тут из подполья и стали, как спохватившись, брать, хватать, обретать имена на дневном свету (и стали рабами этих имён, стали инвалидами прошлого), я остался как я» [7, с. 388]. Подобная установка «отказа от участия» обусловлена не чувством морального превосходства, а недоверием к новой институциональной системе и внутренней психологической отчуждённостью. По мере развития сюжета главный герой постепенно утрачивает прежние основания своего существования в потоке социальных изменений, оказывается вытесненным на периферию общества и сталкивается с еще более тяжелыми жизненными условиями.

Когда прежние критерии оценки утратили силу, а новые еще не сформированы, интеллигенция оказывается между историческим прошлым и настоящим, не имея возможности ни вернуться к прежнему состоянию, ни полноценно интегрироваться в новую реальность. Тем самым главная идея романа Владимира Маканина отнюдь не сводится к духовной стойкости героя; напротив, роман демонстрирует результат маргинализации духовной жизни в эпоху исторического разрыва. Индивид, с одной стороны, отрицает действительность, с другой – не способен преодолеть ее ограничения, что приводит к состоянию перманентного духовного кризиса у мыслящей части российского общества 90-х годов.

Иначе представлена позиция интеллигенции в период социальной трансформации в романе китайского писателя Цзя Пинва «Заброшенная столица». Герой этого романа писатель Чжуан Чжидэ, известный своими прежними выдающимися достижениями, уже стал частью сложной сети, включающей общественный престиж, межличностные связи и материальные выгоды. Он не вытеснен из доминирующего культурного пространства, напротив, глубоко интегрирован в своеобразное «трёхмерное пространство», сформированное престижем, корпоративными связями и материальными интересами.

Этот роман последовательно демонстрирует, каким образом индивид находит свое место внутри новой рыночной системы. Состоятельным гражданам Чжуан Чжидэ предлагают обмен: «написание текстов» в качестве эквивалента денежного вознаграждения и продвижения по карьерной лестнице. Так Чжуан Чжидэ пишет рекламный текст для владельца предприятия по производству пестицидов, продавая интеллектуальный товар по рыночной цене, но при этом в качестве «рецидива» испытывает внутренние терзания [10, с. 37–41].

Роман Цзя Пинва свидетельствует о том, что литературное творчество в Китае уже давно и глубоко интегрировано в процессы товарного обмена, а символический капитал интеллигенции привычно трансформируется в материальные выгоды. Вокруг фигуры Чжуан Чжидэ в романе

выстроена разветвленная сеть, включающая представителей власти, предпринимателей и публичных деятелей. Их взаимодействие, основанное на обмене услугами, перераспределении выгод и освоении культурных символов, формирует устойчивый механизм. Он выражает своеобразие «политической экономики» новой повседневности [10, с. 5]. В таких условиях происходит трансформация идентичности интеллигенции: прежний статус «властителей душ» утрачивает свою значимость, уступая место участникам рыночных отношений.

Нравственная трансформация личности, описанная писателем Цзя Пинва, выступает не столько как индивидуальный выбор, сколько как следствие структурных изменений, связанных с переходом к рынку. Положение Чжуан Чжидэ не является формой бегства от реальности; напротив, оно представляет собой результат достижения определенного равновесия путем постоянной адаптации и преодоления внутренних противоречий. Его индивидуальное существование предстает как своего рода балансирование: с одной стороны, необходимо сохранять статус культурной элиты, с другой – невозможно избежать вовлеченности в суету социальной жизни. Его творчество, формальный статус и личные отношения находятся под воздействием этой двойственной логики, превращаясь в устойчивый способ существования. И в этом также проявляется влияние этических традиций конфуцианства.

Итак, в русской литературной традиции, в отличие от китайской, интеллигенция зачастую оказывается на периферии общества, что порождает растерянность и одиночество, а духовный кризис выражается в неопределенности экзистенциального порядка. В китайской литературе, напротив, интеллигенция включается в новые социальные отношения, стремясь найти свое место на путях адаптации к общественным изменениям.

Важно отметить, что такое различие не может быть сведено к простой оппозиции духовного и материального, а представляет собой отражение двух различных моделей коллективного и индивидуального опыта: в одном случае революционный характер изменений приводит к маргинализации субъекта, в другом – постепенная общественная трансформация способствует поиску адаптивных стратегий. Обращение литературы к фигуре интеллигенции выявляет, каким образом социальные преобразования, реализуемые через институциональные и структурные механизмы, воздействуют на индивидуальную жизнь и систему ценностей субъекта.

* * *

В литературе России и Китая 80–90-х годов одним из «героев» повествования оказывается пространство – социальное и географическое. Географическое пространство перестает выступать исключительно как физическая реальность и приобретает символическое значение, представляя историческую судьбу страны.

В произведении Алексея Иванова «Географ глобус пропил», которое в авторской редакции увидело свет только в 2005 году, в качестве фона выступает периферийный город постсоветской эпохи, где формируется картина пространственной стагнации, свидетельствующая о нарушении исторической преемственности [3]. В подобных условиях социальный порядок утрачивает свои основания, человеческая деятельность приобретает характер бессодержательной и лишённой целеполагания активности, а само пространство демонстрирует признаки децентрации и фрагментации. Индивид, находясь в такой социальной среде, переживает деградацию: усиливается духовная нестабильность, разрушаются базовые условия существования. Субъект утрачивает возможность соотнесения себя с определённой географической точкой, вследствие чего пространственная идентичность перестает выполнять функцию жизненной опоры для самоопределения личности. Переживание пространства, которое раньше было близким и родным, в таких условиях усиливает ощущение онтологической неустойчивости и «потерянности». Герой романа Алексея Иванова, которого зовут Виктор Сергеевич Служкин, недаром работает учителем географии в одной из школ Перми. Утрата смысла жизни сочетается у Служкина со сложным и противоречивым отношением к родному городу. Само социальное и географическое пространство трансформируются в форму выражения духовного кризиса.

В отличие от этого, в романе китайского писателя Лю Синлуна «Разделяя трудности» пространство изображается как динамично изменяющаяся сцена жизни низовых слоев общества [5]. Литературное повествование, развернутое на фоне процесса сельской индустриализации, сосредоточивается на переплетении отношений между представителями власти и теми, кто представляют местную экономику. В этом пространстве поведение индивидов подчинено фундаментальным законам коллективного выживания: в условиях ограниченности ресурсов приоритет отдается поддержанию жизни целого, индивидуальные интересы подчиняются общим [5, с. 134].

Пространство в данном романе предстает как поле для постоянного взаимодействия и противоборства, поиска равновесия посредством переговоров и компромиссов. В отличие от образа статичного «административного центра», характерного для более раннего периода в развитии китайской литературы, пространственный нарратив в романе «Разделяя трудности» формирует представление о подвижном и развивающемся «поле низового управления». В многомерном пространстве непрерывного «торга» формируется механизм социального управления, обладающий способностью к саморегуляции. Индивидуальные установки людей в данный период не исчезают, а существуют в своеобразной «отсроченной» форме. Моральные ориентиры не могут быть полностью реализованы, но и не подлежат окончательному вытеснению.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что образ пространства в китайской литературе также отличается от российского: если в российском контексте пространство зачастую маркирует утрату исторической преемственности и разрыв смысловых структур, то в китайской литературе оно, напротив, отражает преемственность социальных процессов и их практическую направленность. Его базовая функция заключается в обеспечении устойчивости социальной системы, а не только в фиксации кризиса смыслообразования.

* * *

Итак, сопоставление моделей социальной трансформации России и Китая позволяет выявить существенные различия нарративных стратегий и ценностных ориентиров в области литературы. Эти различия обусловлены совокупным воздействием факторов повседневной жизни, дискурсивными практиками интеллигенции, а также особенностями организации социального и географического пространства.

Нужно подчеркнуть и то, что в русской литературе в условиях социальных преобразований и переоценки ценностей индивидуальный опыт, как правило, является поводом для философского осмысления неопределенности человеческого существования; ее центральной проблемой становится вопрос о смысле жизни. Соответственно, развитие русской литературы в переломные моменты оказывается обусловлено влиянием религиозной традиции. В таких ситуациях русские писатели склонны обращаться к поиску предельного смысла бытия, что придает литературному нарративу выраженную метафизическую направленность. Китайская литература, напротив, формировалась под воздействием конфуцианской этики и практического рационализма, вследствие чего её внимание сосредоточено на том, каким образом индивид вписывается в существующую реальность, обеспечивая ее стабильность. Соответственно, повествовательная стратегия здесь ориентирована на решение жизненных проблем и артикуляцию практической «житейской мудрости».

В ключевые исторические периоды обе литературные традиции по-своему интерпретируют социальные изменения. В переходный период 80–90-х годов русская литература стремится обнаружить личностные смыслы на фоне социального перелома, китайская литература пытается показать стратегии адаптации в условиях постепенной трансформации. Тем не менее, эти различия не следует трактовать упрощенно. Различие между китайским и русским литературным нарративом не может быть сведено к упрощенному противопоставлению двух культур. Кросс-культурный анализ должен учитывать изменение и усложнение исторических траекторий наших стран в сложных социокультурных обстоятельствах.

Список литературы

1. Ван Сяомин. Девяностые годы и «новая идеология» // Критика современной литературы. 2001. № 1. (на китайском языке). URL: <https://doi.org/10.16551/j.cnki.1002-1809.2001.01.052>
2. Дай Цзиньхуа. Невидимое письмо: исследования китайской культуры 1990-х годов. Нанкин: Народное издательство провинции Цзянсу, 1999. 283 с. (на китайском языке).
3. Иванов А. В. Географ глобус пропил. Санкт-Петербург: Азбука-Классика. 2005. 512 с.
4. Ли Шаожун, Чэн Лэй. Сравнительный анализ постепенных реформ и реформ по модели «шоковой терапии» // Вестник Пекинского университета (Философия и социальные науки). 2009. Т. 46, № 6. С. 60–67 (на китайском языке).
5. Лю Синлун. Разделяя трудности / Лю Синлун. Везем чай в Пекин. Избранные повести и рассказы. Ухань: Издательство «Писатель», 2012. С. 91–135 (на китайском языке).
6. Лю Чжэньюнь. Вся земля в куриных перьях / Лю Чжэньюнь. Вся земля в куриных перьях. Сборник рассказов. Гуанчжоу: Издательство «Хуачэн», 2022. С. 374–383 (на китайском языке).
7. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. Москва: Вагриус, 2003. 478 с.
8. Петрушевская Л. С. Свой круг / Людмила Петрушевская. Рассказы. Москва: Правда. 1990. С. 14–32.
9. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Российское общество и культура в условиях трансформации. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2005. 488 с. (на китайском языке).
10. Цзя Пинва. Заброшенная столица. Пекин: Издательство писателей, 2009. 467 с. (на китайском языке).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРИЙ ИЗ ОПЕР К. МОНТЕВЕРДИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИ ИНФОРМИРОВАННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

УДК 784.3.

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-63-73>

Валентина Павловна ФОМИНА,

кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: inyaz-mguki@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования аутентичных вокально-сценических параметров при интерпретации ранних опер Клаудио Монтеверди. Исполнение *dramma per musica* основывалось на эстетических принципах воплощения человеческих страстей (аффектов), которые выдвигали новые художественно-технические задачи. Композиционная структура арии определялась особыми стилистическими оборотами – музыкально-риторическими фигурами. Выделялись обобщенные чувства страдания, жалобы, гнева, любви, радости, передача которых была напрямую связана с отношением к поэтическому тексту. Тщательно работая над ритмом и интонационной структурой для точной передачи всех поворотов сюжетной линии, композитор создал драматически выразительный оперный стиль, соединив речитатив с песенной мелодичностью. Через аффект вокальной партии оперный стиль влияет на стилистику и технологию исполнительства. Основной проблемой является расшифровка аффекта для выбора адекватных аутентичных исполнительских средств выразительности, вокальной техники для стилистически достоверной интерпретации.

Ключевые слова: опера, Италия, барокко, XVII век, аффект, ария, Монтеверди, вокальная интерпретация, историческое исполнительство.

Для цитирования: Фомина В. П. Особенности вокальной интерпретации арий из опер К. Монтеверди в контексте исторически информированного исполнительства // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 63–73. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-63-73>

VOCAL INTERPRETATION OF OPERATIC ARIAS BY C. MONTEVERDI: HISTORICALLY PERFORMED PERSPECTIVE

Valentina P. Fomina,

CSc in Art History, Associate Professor;
Head of the Department of General Humanitarian Disciplines,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: inyaz-mguki@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of using vocal and scenic authentic parameters in interpretation of early operas by Claudio Monteverdi. Performing *dramma per musica* was based on aesthetic principles of human passions (affects) realization which required new artistic and technical tasks. The compositional structure of an aria included specific stylistic devices which were called musical and rhetorical figures. Generalized emotions (suffering, lament, anger, love, joy) were expressed in direct relation to the poetic text. Meticulously working on the rhythm and intonational structure for accurately conveying every twist of the narrative line, the composer created a dramatically expressive operatic style, combining recitative with song-like melodicism. The operatic style shapes both the stylistic approach and the performing technique through the emotional impact of the vocal line. The main issue of performing practice is decoding the affect for choosing adequate authentic performing means of expression, vocal techniques for a stylistically accurate interpretation.

Keywords: opera, Italy, Baroque, the XVIIth century, affect, aria, Claudio Monteverdi, vocal interpretation, historical performance.

For citation: Fomina V. P. Vocal Interpretation of Operatic Arias by C. Monteverdi: Historically Performed Perspective. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 63–73. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-63-73>

В процессе работы над произведением вокалист создает индивидуальную исполнительскую версию, расшифровывая авторский замысел на основе исполнительских традиций эпохи. В рамках данной парадигмы, однако, интерпретация может быть многовариантной. Оперы «Орфей», «Возвращение Улисса на Родину» великого К. Монтеверди, дошедшие до наших дней, были написаны в первой половине XVII века. Таким образом, эти постановки предполагают исторически информированное исполнительство, подразумевающее использование аутентичных вокально-технических параметров для адекватного выражения аффекта вокальной партии.

Основные эстетические установки определяются учением об аффектах, превратившимся к середине века в раннюю теорию аффектов, что способствовало формированию и развитию основных стилевых направлений, в том числе стиля оперного. Он, в свою очередь, определяет аутентичные исполнительские традиции, включающие выразительные и технические особенности.

С точки зрения стилистики в опере представлен законченный оперный стиль «*parlar cantando*», сочетающей в себе свободную декламацию и песенную мелодичность. В опере «Орфей» композитор только начинает воплощать

обобщенные образы страдания. Для максимальной выразительности аффектов Монтеверди использовал различные приемы: диссонансирующие скачки на выразительных словах, модуляционную «раскраску» и прочее [4, с. 199].

Сохраняя идеи К. Монтеверди об особенностях использования декламационного и ариозного стилей в композиции, в процессе развития оперного стиля к 40-м годам XVII века усиливалась музыкальная составляющая. Это «означало переход от музыкальной декламации к музыкальному воплощению эмоциональных состояний героев, к системе аффектов, понимаемой пока очень гибко. Отсюда сочетание естественной декламации с ярким мелодическим тематизмом, сквозного строения крупных сцен с элементами симметрии, лейтмотивами, замкнутыми ариями в различных формах...» [6, с. 112].

Таким образом, опера *“Il ritorno d’Ulisse in patria”* («Возвращение Улисса на Родину»), написанная более тридцати лет спустя, уже принципиально отличалась от опер начала века характером сюжета, разветвленной драматической линией, отражением эмоциональных состояний главных и второстепенных героев музыкальными средствами на основе разработанного К. Монтеверди «взволнованного стиля» для введения образов героической страсти [4, с. 78].

Здесь уже представлен внутренний мир реальных людей «от наивных юношей до мудрецов, от королей до слуг, от обжор и развратников до высоких духовных личностей» [4, с. 79]. Сущность злобного толстяка Иро передают отрывистые звуки на фоне однообразной мелодии, а боясь умереть от голода, он издает долгий, усиливающийся тридцатисекундный «вой».

Языком выражения аффектов оставались музыкально-риторические фигуры, используемые на ключевых словах. Первыми подробно разработываемыми аффектами являлись аффект страдания и аффект жалобы с оттенками скорби, отчаяния и мольбы, выражаемый в речитативах и ариях-ламенто. Любовь, радость, по Монтеверди, относились к аффектам второстепенным. Их он использовал для эмоционального контраста.

Однако композитор понимал выражение чувства гораздо глубже в рамках одноаффектности, принятой в сейченко, иллюстрируя его различные оттенки, начиная с оперы *«Орфей»* (первые постановки в Мантуе, 1607 год). Его Орфей был простым человеком, трогаящим душу и возбуждающим в слушателях истинные страдания и мольбу о жалости [4, с. 181]. Композитором представлены «богатейшие музыкальные ресурсы для воплощения широкой гаммы чувств: сладостного упоения счастьем, гимнического восхваления природы, испуга, мольбы, жалобного стенания, вопля отчаяния» [1, с. 34].

Опера потрясла публику. В письме к герцогу Винченцо (Милан, 22.08.1607) мантуанский придворный поэт Керубино Феррари писал: «Монтеверди сейчас здесь в Милане. <...> Так вот, он показал мне стихи и дал послушать музыку спектакля <...>. Ясно, что поэт и музыкант безупречно как никто более воплотили душевные движения. Поэзия здесь прекрасна по замыслу

(*inventione*), еще лучше по расположению целого (*dispositione*) и превосходна по словесному изложению (*elocutione*)» [цит. по 7, с. 21].

На основе комплекса исполнительских традиций была проанализирована и сопоставлена практика исторического исполнительства отдельных партий из опер в постановке французского оперного режиссера Жана-Пьера Поннеля (дирижер Николаус Арнонкур) в 1970-х и в постановке оперы «Орфей» американского хореографа Триши Браун (дирижер Рене Якобс) в 2000-х с опорой на клавиры. Для анализа были выбраны вокальные партии, в которых зашифрованы оттенки основных аффектов того времени и второстепенных (радости, любви, надежды), находящиеся в разной степени типизации: сначала основная эмоциональная нагрузка ложится на художественный текст, а не на мелодию. Однако в рамках раннего патетического оперного стиля Венецианской школы музыка начинает выражать эмоциональные состояния своими собственными средствами.

Действующие лица оперы «Орфей»: Музыка (сопрано), Орфей (тенор), Эвридика (сопрано), Харон (бас), Прозерпина (сопрано), Плутон (бас), Надежда (сопрано), Аполлон (тенор), хор адских духов.

В Прологе, начинающемся фанфарной токкатой, звучит монолог аллегорической фигуры Музыка. Ее певучая декламация рассказывает об Орфее, который обладает даром и воспламенять, и успокаивать человеческие сердца. Монолог имеет риторическую структуру и состоит из пяти строф, в которых отражаются особенности построения всей пятиактной оперы. Шествуя от берегов Пермесса во вступлении, Музыка обращается к сфере земного и смертного мира; во второй строфе происходит развитие: поднятие в мир Духа, где властвует сила Музыка; третья часть – Апогей – обращение к универсальной Гармонии; в четвертой части происходит возвращение в мир Духа: свою силу и власть богиня вкладывает в своего избранника Орфея; Заключение – возвращение в сферу земного и смертного мира. Тема ритурнеля, разделяющего строфы Пролога, звучит во втором и четвертом актах, связана с Орфеем.

Расположение основных аффектов в действиях аналогичное: надежда – отчаяние – надежда – отчаяние – надежда, которая персонифицируется через аллегорическую фигуру Надежды (*Speranza*). Второстепенные аффекты радости, веселья подчеркивают господствующий аффект, красочно оформляют сюжет в сценах восхваления природы.

Поворотные моменты драмы определяют кульминации оперы:

Действие 1: песня Орфея и Эвридики “*Rosa del ciel*” (Роза небес);

Действие 2: речитатив Вестницы “*Ahi, caso acerbo, ah, fat’empio è crudele*” (Ах, тяжкое горе, ах, злая и жестокая судьба);

Действие 3: Мольба Орфея, в которой он упрашивает Харона перевезти его в царство мертвых “*Possente spirito e formidabil nume*” (Могучий дух и грозный бог). Первая часть арии Орфея выражает нежную трогательность, вторая часть – скорбную мольбу;

Действие 4: Ламенто Орфея по окончательной утрате Эвридики “Dove ten vai, mia vita?” (Куда же ты уходишь, жизнь моя?);

Действие 5: 1) Плач Орфея “Questi campi di Traccia” (Эти поля Фракии);

2) Вознесение на небеса, дуэт Аполлона и Орфея “Saliam cantand’al Cielo” (На небеса с пением взойдем).

Также для более глубокого понимания спектакля и погружения вокалистов в эмоционально-художественные образы действующих лиц необходимо обратить внимание на тот факт, что каждое действие заканчивается хором, выражающим определенную мораль:

1. Нельзя в отчаяние впадать, добычей для печали став;
2. О, смертный, знай, что счастье эфемерно и хрупко, может быстро убежать;
3. Всё получает свое вознаграждение, ничто не напрасно;
4. Истинно добродетельна та душа, которая умеет властвовать собой;
5. Тот обретает дар небес, кто ад прошел, кто в горести сеет, тот пожинает плоды благодати.

В первом и части второго актов разыгрывается прекрасная пастораль – пастухи и нимфы поют песни в честь бракосочетания Орфея и Эвридики. Музыкальный материал выстроен как рефренная форма, звучит песня радости “In questo lieto è fortunato giorno” (в этот радостный и счастливый день). Характер веселой речи создается в темпе *allegretto* на выделяющихся интонационно ключевых словах: *lieto* (веселый), *fortunato* (удачливый), *amorosi* (влюбленные) и других. Музыкальный текст песни пастуха на основе лидийского лада отличается «радостными» интервалами, в частности, фигурой «*saltus*» – восходящими терциями, мелкими длительностями и пунктирным ритмом. «Ликующие возгласы и распевы, подвижная беглость, „совершенный” размер, подчеркнутая консонантность, равновесие скачков и плавного движения заставляют слушателя проникнуться искренним весельем» [5, с. 157].

Песня пастуха является самым первым образцом ариозного-декламационного стиля, схожего с речитативом, имеющим темп естественной речи. Написана для тенора и выдержана в довольно узком диапазоне – немного больше октавы. В постановке Поннеля тенор Петер Келлер играет на контрастах, то ускоряя, то замедляя темп речи, выделяя слова динамически, а также интонационно и характером голоса в зависимости от смысла и образа. Например, голос певца становится нежным при рассказе об Эвридике, а фраза «*ha sospirato*» разрезана паузой для выражения вздоха [8, с. 374].

Ограничение колорирования в начале оперного периода требовало приращения мелизмов и недлинных распевов, особенно в каденциях. Например, в постановке Р. Якобса наблюдается сочетание группетто, мордента и распева по звукам арпеджио, а в постановке Н. Арнокура – простой мордент с восходящим и нисходящим гаммообразным движением шестнадцатых.

Партия главного героя Орфея, которая была написана для Франческо Рази в теноровом ключе, исполняется и тенорами, и баритонами в невысокой тесситуре: Хельмутом Кребсом, Саймоном Кинлисайдом, Филиппом Хуттенлокером и другими.

В монологе Орфея из первого акта «*Rosa del ciel*» (Небесная роза) представлена тема любви и счастья, напоминающая речь Музыки в Прологе, – то же высокое напряжение мелодии, начинающейся сразу с верхнего тона, та же страстность и торжественность декламации, еще более широкой и свободной. Орфей благословляет счастливый день, когда он впервые увидел свою возлюбленную.

При описании атрибутики аффекта надо иметь в виду, что она еще не сложилась в единый комплекс характеристик. Художественный текст должен был иметь оттенок печали при презентации аффекта любви. Ария представлена ключевыми словами, которые вокалист выделяет по смыслу и интонационно: *rosa* (роза), *vita* (жизнь), *degn* (достойная), *felicissimo* (очень счастливый), *candida mano* (белоснежная рука), *pegno di pura fede* (клятва чистой верности), *cori* (сердца), *riasege* (удовольствие). Четырехдольный размер, тональность *d-moll*, умеренный темп, отсутствие скачков в мелодической линии, небольшое количество синкоп.

Исполнение Ф. Хуттенлокера наполнено любовью – он не может поверить в свое счастье, вопрошая Эвридику, видела ли она когда-то его таким веселым и довольным после того, как он вздыхал по своей возлюбленной. *Mezza voce* арии переходит поочередно в **p** и в **mf**. Ариозный речитатив опирается на текст для контроля вибрато, звук прикрытый, но близкий.

Ответ влюбленной Эвридики – это ее небольшая, но полная любви и благородства, нежная ответная фраза. Ключевые слова: *gioia* (радость), *core* (сердце), *amore* (любовь), *t'ami* (тебя любит).

Во втором акте радость и счастье становится безудержным. Ключевые слова: *care* (дорогие), *amate* (любимые), *beate* (счастливые), *raggi* (лучи), *onde* (волны) передают смысл арии «*Esso pur ch'a voi ritorno*», который заключается в гимническом восхвалении природы, радости по поводу возвращения. Это первая оперная ария с завершенной трехчастной формой характеризуется консонантностью, умеренно быстрым темпом, легким пунктирным ритмом, довольно узким диапазоном *g – d¹* [10, с. 41].

Саймон Кинлисайд в постановке Р. Якобса использует дробное легатное звуковедение с акцентом на смысловых словах, независимо от того, на какую долю он приходится, по традициям раннего Барокко. В слове «*ritorno*» необходимо выделять вторую слабую долю в квинтовом интервале. Во втором рефрене аффектные слова колорируются разными мелизмами [14].

Во второй арии «*Vi ricorda, o boschi ombrosi*» (вас вспоминаю, о, леса тенистые) Орфей вспоминает, как долго он скитался и стонал, что растрогал даже камень. Мажорная тональность (*G-dur*), чередование ритмических фи-

гур с неожиданными акцентами, танцевальный характер усиливают чувство бесконечного ликования [10, с. 49–50].

Аффекты скорби и жалобы в опере «еще не оформлены в страдание» [цит. по 3, с. 365], хотя имеют аналогичные характеристики: дорийский или фригийский лады, мелодические фигуры *saltus duriusculus* – широкие интервалы и *passus duriusculus* – отрезок хроматической гаммы в интервале квинты, диссонансы, переченья, ритмическая неизменность с резкими синкопами. стремление мелодии к акценту смыслового слова во фразе, медленный темп.

Партии Вестницы и Орфея – воплощение аффекта печали, страдания. В самый разгар веселья пастухов и пастушек появляется нимфа Сильвия (Вестница) с известием о страшном несчастье – гибели Эвридики. Резкая смена тональности E-dur на g-moll свидетельствует о контрастной смене аффекта от безоблачного счастья к катастрофе. Предельное волнение и глубокую скорбь отражает угловатый, скачкообразный отрывистый речитатив с выделением ключевых слов: *crudele* (жестокий), *acerbo* (горестный), *ciel avago* (алчные боги), фигура *catabasis* (секундовый ход), Горестный возглас Вестницы: «*Ahi, caso acerbo!*» (О, горестное событие!), сменяет арию Орфея. Характер «заикающейся» речи достигается использованием контрастных длительностей, пауз, пунктирного ритма. Скорбь передается соответствующей тембральной окраской голоса [10, с. 56–57].

Орфей не сразу понимает, что произошло непоправимое, спрашивая Сильвию: «*Donde vieni?* (Откуда ты пришла?) *Dove vai?* (Куда идешь?) *Ninfa, che porti?*» (Нимфа, какие новости принесла?). Вопросы выражаются риторической фигурой *interrogatio*. Восходящие секвенции усиливают напряжение и тревожность речи [10, с. 58].

Вестница начинает свое скорбное повествование срывающимся от волнения голосом, для иллюстрации которого, ее первые фразы разделены фигурой паузы. Характерны жесткие ходы на кварту. Скорбная интонация после модуляции в g-moll перед словами «*e morta*» (мертва), душераздирающий крик Орфея на нисходящей малой секунде в D-dur создают эмоциональный фон для ариозо *Tu se' morta, mia vita* (Ты умерла, моя жизнь) – кульминации второго действия [10, с. 59].

Орфей дает выход отчаянию, переполняющему его, и решает пойти в Тартар за Эвридикой, он прощается с землей, небом и солнцем. Для ариозо характерны минорный лад (g), четырехдольный размер, фигуры: *parrhesia* (ход на ум.4 на слове «*morta*»), *saltus duriusculus* на слове «*partita*», *passus duriusculus* – восходящий хроматический ход на словах «*adio cielo*», паузы, в том числе, генеральная пауза, секундовые ходы на ключевом слове «*adio*», переченья, ритмическая однородность, отсутствие орнаментики [8, с. 375].

Исполнение Ф. Хуттенлокера отличает предельная выразительность и глубина драматического проникновения – Орфей раздавлен несчастьем. Первая

фраза звучит тихо и безжизненно, несколько протяжно с осязаемыми паузами между словами. Характер звукоизвлечения, прикрытый и несколько заглубленный. Принятое решение по возвращению Эвридики из Тартара помогает ему превозмогнуть боль. Здесь слышится мягкая атака звука с оттенком нежности¹.

Исполнение С. Кинлисайда отличается выразительным донесением слова, точной интонацией, динамической соразмерностью. Для достижения глухого и безвибраторного звучания с эффектом ламентации вначале он начинает пение в лежачем положении на сцене. Не в состоянии смириться со своей потерей, он все же поднимается, усиливая динамику последующих фраз с кульминацией на слове «No, no». На ключевых словах «partita» (ушла), «rimango» (отрекаюсь) наблюдаются темповые сдвиги (*tempo rubato*). Мысль о возвращении Эвридики вселяет надежду во фразе: «Intenerito il cor del Re de l'ombre» (Я смягчу сердце Короля теней) [8, с. 375–376].

Перед началом третьего акта звучит упорная восходящая мелодия («симфония»), выражающая стойкость и мужество Орфея, идущего в царство мертвых. На берегу Стикса звучит тревожный и печальный речитативный диалог главного героя и Надежды, он завершается фразой Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий», подводя к кульминации драмы – виртуозной арии Орфея.

Музыкальными приемами композитор показал не просто вокальное мастерство, а всю силу воздействия искусства. Ария *Possente spirito* состоит из обильно калиброванного начала, следующей далее контрастной более умеренной строфой, выражающей трогательную надежду; третья и начало четвертой строф имеют особенно блестящий характер. Но Харон неумолим, и Орфей с отчаянием почти кричит: «Rendetemi il mio ben» (Верните мне мое счастье). Сила человеческого горя потрясает богов, и усыпив Харона, они позволяют переправиться через реку Стикс. Образы страдания и скорбной мольбы воплощены атрибутами аффекта, особенно восходящими и нисходящими ходами по хроматической гамме ариозным речитативом со свободной декламацией [4, с. 211].

«Можно предположить, что относительно замкнутые вокальные монологи и фразы разных персонажей в драматически важные моменты были также изложены в исполнительских партиях с авторскими добавлениями соответствующих виртуозных вставок (*gorgia*, *trillo*, *messa di voce* и т. л.), но в печатном издании всего не вместить, и там оставлен только один колорированный пример для центрального эпизода оперы» [7, с. 21].

Опера «Ариадна» на либретто О. Ринуччини написана через год после оперы «Орфей». В наши дни известна лишь ария-ламенто Ариадны, которая, по свидетельству современников, потрясала души и, по-видимому, была кульминационным моментом оперы. Ария близка к вершинам Орфея, но здесь средства выразительности аффекта уже сконцентрирова-

¹ Monteverdi «L'Orfeo». Das Monteverdi-Ensemble des Opernhouses Zürich. Nikolaus Harnoncourt. Staged and directed by Jean-Pierre Ponnelle. UNITEL, 2009. 2 DVD.

ны, ариозная декламация превратилась в законченную мелодию. Она «с изумительной чуткостью и гибкостью отражает все повороты душевного состояния героини – гордость и смирение, воспоминания и боль утраты, нежность и возмущение, и прежде всего – ни на миг не затихающее чувство смертельного страдания» [4, с. 222].

Тенденции к простоте и концентрации действия, эмоциональным драматическим кульминациям на контрастах, появление новых форм дуэтов и ансамблей, характеризуют оперу смешанного жанра «Возвращение Улисса на Родину» (1640). Кроме нимф, женихов, слуг, мореплавателей, аллегорических персонажей, главными действующими лицами пятиактной (впоследствии трехактной) оперы с Прологом являются Улисс (тенор), Пенелопа (меццо-сопрано), Телемах (тенор), Минерва (сопрано), Юпитер (тенор), Нептун (бас).

Художественной и психологической силой отличаются партии реальных людей, в то время как дивертисментные начала спектакля при изображении божеств и аллегорий не демонстрируют эмоциональной глубины и выражены излишней виртуозностью [4, с. 238–239].

Опера начинается Прологом, в котором аллегорические фигуры Время, Фортуна и Любовь спорят с Человеческой слабостью о том, кто управляет судьбами людей. За ним следует монолог Пенелопы «*Di misera Regina*» (Бедная королева), первую ариозно-речитативную часть которого можно отнести к классическим оперным *lamenti*. Разлученная с мужем, она оплакивает свое долгое одиночество [11, с. 14–16].

В инструментальной партии уже активно используется тремоло смычковых инструментов. Ариозные, ламентные фрагменты сменяются возбужденным речитативом с изменениями темпа. Многочисленные, уже закрепившиеся в композиции фигуры повторения, паузы, нисходящие малые секунды; для усиления экспрессии используются упорное секундовое восхождение мелодии по хроматической гамме усиливают эффект горестного стенания [11, с. 14–16].

Опора на текст, голос, идущий из глубины души с оттенком *dolente*, практически безвибранный характер звука на *mezza forte*, мягкая атака звука, вокальный прием ламентации используются вокалисткой меццо-сопрано Труделизой Шмидт для иллюстрации страдания, жалобы. Когда Пенелопа смиренно просит, чтоб муж вернулся, эмоциональный накал усиливается: увеличивается динамика, атака звука становится твердой, в исполнении появляется оттенок негодования. После второй реплики Эриклеи королева испытывает прилив надежды, говоря, что все в мире возвращается: на море штиль, на поле ветерок и прочее. Темп ускоряется, фрагмент колоризируется небольшими силлабическими распевами на смысловых словах, характер звукоизвлечения более близкий и легкий².

² Monteverdi «Il ritorno d'Ulisse in Patria». Das Monteverdi-Ensemble des Opernhouses Zürich. Nikolaus Harnoncourt. Staged and directed by Jean-Pierre Ponnelle. UNITEL, 2009. 2DVD.

С монологом Пенелопы перекликается скорбный монолог Улисса, который он исполняет после пробуждения на родных берегах Итакии. Чувства страха и ужаса внушают мысли о продолжающихся суровых испытаниях.

Аффект радости в арии Улисса «O fortunato Ulisse» (О, счастливый Улисс) из первого действия разработан уже более детально: миксолидийский лад, размер три четверти. В композиции фигуры «fuga», «saltus», силлабические распевы на типизирующихся словах: lieto (веселый), fortunato (счастливый), dolce (нежный), fuggi (убегай), dolor (боль). Тип интонирования определяется чередованием крупных и мелких длительностей [11, с. 68–69].

Тенор Вернер Хольвег в постановке Н. Арнонкура «использует темп *allegro*, переходящий в *presto*. Восклицания «о» и повторяющиеся слова fortunato Ulisse пропеваются на *mp* и *mf*, изредка расцветиваясь пунктирным ритмом, артикуляция – смешанная маркировано-легатная. Экскламация *esclamazione viva* на восклицании «о» дает характерные ликующие возгласы. Ударные слоги ключевых слов – fortunato, lieto – распеваются. На первом слове певец использует восходящее гаммообразное движение, на втором – восходяще-нисходящий распев. Этот распев одинаков в первой и второй строфе на словах lieto и guerra» [9, с. 113–114].

Аналогичным образом репрезентуется аффект при встрече Одиссея и его сына Телемака в дуэте, который является одной из вершин оперы.

В пятой сцене первого акта из вод морских появляется Нептун (бас). Повелитель океанов разгневан – люди стали считать себя свободными, что они могут делать, что им хочется, таким образом осмелились бросить вызов богам. Во время диалога с Юпитером он насылает бурю на корабль непокорных. Аффект гнева, мести представлен фанфарной арией. «Нептун в некоторых эпизодах наделен чертами величественной приподнятости, заставляющими воспринимать его как родоначальника будущих типичных героических образов в опере XVII–XVIII столетий. <...> Необычны в ней регистровые скачки, выходящие за пределы обычного голоса и, возможно, задуманные композитором как намек на сверхчеловеческие, божественные свойства Нептуна» [4, с. 246].

Мажорная тональность (C-dur), четырехдольный размер, риторические фигуры *tirata*, *climax*, секундовые интервалы отличают композицию. Ключевые слова, выделяемые интонационно: *superbo* (надменный), *guerra* (война), *offese* (оскорбления), *punga* (обижает), *contende* (спорит), *ardisce* (смеет), *peccato* (грех) [11, 37–38].

Нептун жаждет мести. Эмоциональный накал достигается скандированием текста. На словах *fa guerra* бас Ханс Францен усиливает динамику. Он также следует темповым указаниям в разных частях арии: энергично с умеренным движением, оживленно с увеличением экспрессии и так далее, в соответствии со смысловым наполнением текста. Близкое звукоизвлечение позволяет без труда исполнить скачки на октаву и дуодециму и спра-

виться с силлабическими распевами. Образ величественности передается соответствующей тембральной окраской голоса. «Слова l'humana libertate (человеческая воля) он поёт «противным» тембром, как бы издеваясь над самонадеянностью людей. Такой тембр достигается нарочито открытым звуком» [9, с. 150].

Таким образом, в целях исторического исполнительства вокалисты работают с аутентичным материалом по определенной методике, активно комбинируя старинные и современные параметры для создания яркой и стилистически сбалансированной интерпретации. Анализ зарубежной исполнительской практики имеет огромное значение для понимания многовариантности интерпретации с учетом адаптации раннебарочных вокальных традиций к современной исполнительской практике.

Список литературы

1. *Бронфин Е.* Клаудио Монтеверди. Ленинград: Музыка, 1970. 102 с.
2. *Емцова О. М.* Венецианская опера 1640–1670-х гг., поэтика жанра: дис... канд. искусствоведения. Москва, 2005. 266 с.
3. *Захарова О.* Музыкальная риторика XVII – первой половины XVIII в. // Проблемы музыкальной науки. Сборник статей. Выпуск 3. Москва: Советский композитор, 1975. С. 345–378.
4. *Конен В. Д.* Клаудио Монтеверди. Москва: Советский композитор, 1971. 324 с.
5. *Лобанова М. Н.* Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. Москва: Музыка, 1994. 320 с.
6. *Рубаха Е.* Опера в XVII веке // Музыкальная академия. 2006. № 1. С. 109–116.
7. *Сапонов М. А.* Либретто «Орфея» Монтеверди: опыт истолкования // Старинная музыка. 2010. № 3. С. 20–23.
8. *Фомина В. П.* Вокально-исполнительские принципы воплощения аффектов в контексте проблем современной вокальной интерпретации итальянской оперы первой половины XVII века // Музыкальное образование в современном мире: теория и практика. Материалы XI международной научно-практической конференции. Москва: «Издательство Ритм», 2013. С. 365–377.
9. *Фомина В. П.* Проблемы современной вокальной интерпретации итальянской оперы первой половины XVII века: на примере опер Клаудио Монтеверди: дисс. ... кандидата искусствоведения. Саратов, 2013. 197 с.
10. *L'Orfeo: [Per canto e Pianoforte] // Favola in Musica di Claudio Monteverdi. Rappresentata in Mantova L'anno 1607 et novamente data en luce da G. Francesco Malipiero. London: J & W. Chester LTD, 1923. 132 p.*
11. *Il Ritorno D'Ulisse in Patria. Dramma in musica. Rappresentato in Venetia nel Teatro di San Cassiano l'anno 1641. Poesia di Giacomo Badoaro, musica di Claudio Monteverdi. Novamente data en luce da G. Francesco Malipiero // Tutte le opere di Claudio Monteverdi, T. 12. Austria: Universal edition, faks. 218 p.*

ТЕМА ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА-ФАНТАСТА Г. Г. ГОЛОБОКОВА

УДК 7.036

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-74-87>

Андрей Васильевич ФЕСЕНКО,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: icaria@list.ru

Аннотация. Статья посвящена теме времени в научно-фантастической живописи Геннадия Григорьевича Голобокова. С древнейших времен люди стремились понять суть времени, представляли его в образах и символах. С появлением теории относительности эта тема стала популярна в научно-фантастической литературе и искусстве. Голобоков сумел раскрыть глубокий трагизм парадокса времени и по-своему представил на своих картинах понимание времени. Особенное внимание в статье уделяется картине «Парадокс времени», с которой связан настоящий научный детектив и высказываются гипотезы относительно связи этой работы с литературными источниками и другими картинами. Также в статье представлена реконструкция хронологии событий, связанных с «Парадоксом времени».

Ключевые слова: время, парадокс времени, научная фантастика, живопись.

Для цитирования: Фесенко А. В. Тема времени в творчестве художника-фантаста Г. Г. Голобокова // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 74–87. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-74-87>

THE CONCEPT OF TIME IN THE WORKS OF THE SCIENCE FICTION ARTIST G. G. GOLOBOKOV

Andrey V. Fesenko,

CSc in Pedagogy, Associate Professor
at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: icaria@list.ru

Abstract. The article is devoted to the theme of time in science fiction paintings using the example of the works of Gennady Golobokov. Since ancient times, people have sought to understand the essence of time, representing it in images and symbols. With the advent of the theory of relativity, this topic became popular in science fiction literature and art. Golobokov managed to reveal the deep tragedy of paradox of time and in his own way presented the understanding of time in his paintings. Golobokov managed to reveal the profound tragedy of the time paradox and, in his own unique way, presented an understanding of time in his paintings. The article focuses particularly on

the painting “The Paradox of Time”, hypotheses are put forward regarding the connection between this work and literary sources and other paintings. The article also presents a reconstruction of the chronology of events associated with “The Paradox of Time.”

Keywords: time, time paradox, science fiction, painting.

For citation: Fesenko A. V. The Concept of Time in the Works of the Science Fiction Artist G. G. Golobokov. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 74–87. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-74-87>

Краткие сведения о Г. Г. Голобокове

Художник и поэт Геннадий Григорьевич Голобоков (1935–1978) был одним из самых неординарных мастеров научно-фантастического жанра в живописи. По воспоминаниям родственников и друзей, он с детства никогда не расставался с карандашами и красками, устраивал домашние выставки своих работ. А когда учился в четвертом классе, самостоятельно сделал телескоп, установил его на крыше дома и проводил астрономические наблюдения [6, с. 136]. Он мечтал стать профессиональным астрономом и готовился к поступлению в вуз после окончания школы. Но жизнь молодого человека сложилась иначе.

Летом 1951 года, нырнув с крутого берега балаковской реки Линёвки, он ударился головой о дно. Диагноз: «закрытая травма шейного отдела позвоночника, компрессионно-оскольчатый перелом тела и дужки CV позвонка с повреждением спинного мозга; парез верхних и парез нижних конечностей с расстройством всех видов чувствительности и функции тазовых органов» [12, с. 209]. Это означало полную неподвижность.

Астрономом Геннадий Голобоков не стал, но стал художником. Окончив Заочный народный университет искусств, он добился международного признания. Он был первым художником-фантастом, кто обратился к психологии людей будущего, людей, открывающих новые миры, ищущих счастья и стремящихся к высшим ценностям [6, с. 137]. Друг художника В. С. Азеф (1941–2008) писал по этому поводу: «Раздумьям о будущем, о призвании и возможностях человека посвящены все картины Голобокова. Главную тему своего творчества художник определил так: психология людей будущего» [1, с. 4].

Творчество Голобокова с самого начала получило признание у многих людей, живущих в разных странах и на разных континентах. Вместе с тем работы художника задают множество непростых вопросов современным исследователям.

«Реквием». «Река времени». «Книга судеб».

В ходе многолетних исследований творчества художника мы определяем целый ряд тем, волновавших Голобокова и одна из них – тема времени, которой он посвятил целый ряд полотен.

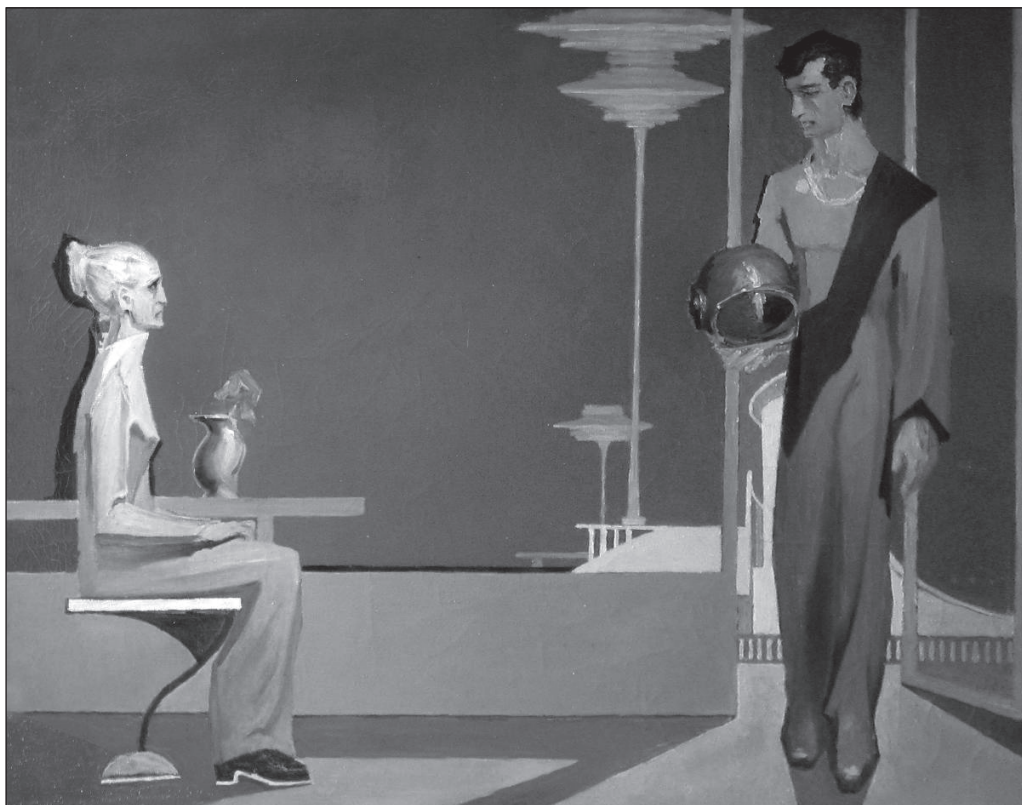
Время является одним из наиболее сложных объектов для рационального осмысления. Несмотря на то, что практически все основные вопросы о времени в науке были поставлены еще на заре ее существования, ответы на них оказалось дать чрезвычайно затруднительно. «В этом смысле тема времени оказывается поистине “вечной” и сохраняет свою актуальность и в наши дни» [4, с. 4].

Архетип времени один из самых распространенных во всех культурах. Он ярко манифестируется в самых разных областях: религии, философии, науке, искусстве, производстве и так далее. Способов объективации времени также великое множество. Время представляли в виде стрелы, змея Уробороса, серпа, косы, гирлянды, возрастов человека и тому подобное; оно представлялось и в виде богов и иных духовных сил.

Выразительными средствами научно-фантастической живописи Геннадий Голобоков излагал свои собственные представления о времени, которые выражались весьма разнообразно: от символизма и аллегории до размышлений о релятивистских парадоксах и эффектах. На картине «Река времени» художник представил встречу юноши и девушки, плывущих на катере по бурному потоку воды, с таинственным глубоким старцем. Исходя из авторского названия, сюжет картины логично понимать как момент пересечения двух временных реальностей (довольно частый мотив в работах Голобокова).

В качестве символа времени Голобоков обращался и к древней идее человеческих возрастов. Например, в этом ключе художник изображает героев картины «Реквием», одной из самых пронзительных работ. Согласно авторскому замыслу, астронавты вернулись из межзвездного многолетнего полета и оплакивают своих товарищей, не вернувшихся из рейса. Но не все картины известны зрителю под авторскими названиями. Это связано с тем, что часто переименованием работ Голобокова занимался, в частности, главный редактор журнала «Техника – молодежи» В. Д. Захарченко (1915–1999). Отсюда следует, что прочтение изобразительного текста картин было совершенно иным, кардинально отличающимся от художественного замысла автора. Такая судьба постигла и эту работу. Название «Реквием» было заменено на «Возвращение», что предлагает зрителю совершенно иной сюжет. Согласно ему, космический корабль опустился на Землю вечером или утром. Время угадать трудно, но чувство тревоги живет в этих бледных сумерках. Из корабля вышли три астронавта. Эту группу художник выстраивает по диагонали, с соответствующим рас-

положением по возрасту персонажей. Самый старший седой астронавт, видимо, командир, тревожно оглядывается. Он внимательно осматривает окрестности в надежде отыскать черты того времени, к которому когда-то принадлежал, хотя понимает, что это невозможно. Все ушло безвозвратно. Рядом с ним склонился астронавт средних лет. В левой руке он держит горсть земли, а правой касается высокого стебля. Он пока не до конца осознал, что мир, в который он вернулся, чужой. Он знает, но еще не чувствует, что на Земле пролетели столетия. Долгие годы он видел в иллюминаторах звездолета сплошной мрак. Поэтому для него важен лишь факт возвращения. Вместо черноты бездны – земное небо, трава, земля. Все остальное впереди. Перед ним на колени опустилась светловолосая девушка. Быть может, прежде волосы ее были темными, а потом поседели. Мы не видим ее лица. Художник сознательно прячет от нас ее глаза. Девушка плачет, припав к земле. Она не хочет думать о парадоксе времени. Максимализм, свойственный ее возрасту, еще питает душу иллюзией возвращения. Но ее дома больше нет. Мир, к которому она стремилась и видела во снах столько лет, давно умер. Это другая Земля. Тернии воз-

*Рис. 1. Г. Г. Голобоков. Парадокс времени.
Источник: Городской выставочный зал г. Балаково. Фото А. В. Фесенко.*

вращения ранят больше, нежели те, через которые лежит путь к звездам. Этой девушке еще предстоит понять простую истину: возвращения не бывает. Парадокс времени беспощаден. В любом случае, независимо от названия картины, три возраста персонажей передают идею времени. Об этом также свидетельствует и колористическое решение. Светло-серый цвет полетного облачения старшего астронавта соответствует его седине. Коричневый комбинезон среднего астронавта коррелирует с комом земли в руке и высоким стеблем растения. Белый цвет волос девушки перекликается с белоснежным облегающим костюмом.

Идея трех возрастов прочитывается и на аллегорической картине «Книга судеб». Трех персонажей художник композиционно выстраивает в перспективе. На первом плане – задумчивая, размышляющая девушка. На втором плане – ее мать. Взгляды девушки и женщины отведены в стороны. На третьем плане, вдалеке, в полный рост изображен пожилой человек. Изобразительный текст показывает, что это дедушка девушки и отец женщины. Он всматривается в огромную аллегорическую книгу, на которой перелистывается очередная страница времени, страница человеческой жизни.

«Парадокс времени»

Одной из тем, интересовавших и волновавших художника, была относительность времени. На эту тему самой известной работой является «Парадокс времени» (рис. 1). Однако вопрос об истинном названии этой картины потребовал специального исследования. Это связано с тем обстоятельством, что разные источники приводят разные названия. А ведь именно от названия зависит смысл художественного текста.

Таблица

Название	Источник	Интерпретатор	Текст интерпретатора
Земля и Космос	Пожизненное мужество таланта // Техника – молодежи. 1978. № 10. С. 45–47.	Дмитриев В.	...картина – «Земля и Космос» – говорит нам об их нераздельной близости.
Парадокс времени	Наперегонки со временем, или Мир принципиально возможных чудес. М.: Детская литература, 1982. С. 186.	Захарченко В. Д.	Космонавт вернулся на Землю не постаревший вследствие парадокса времени. А любимая им женщина, увы, на многие десятилетия оказалась старше.

Репродукции картины публиковались в различных изданиях под двумя разными названиями. Их выходные данные с комментариями интерпретаторов мы приводим в таблице.

Отметим, что авторы этих публикаций – один и тот же человек. В. Дмитриев – литературный псевдоним журналиста и писателя Василия Дмитриевича Захарченко, бывшего в те времена главным редактором журнала «Техника – молодежи».

Исходя из названия, приводимого В. Дмитриевым, мы понимаем эту картину как символическую аллегория. В таком случае, кто есть кто? Помогут нам символические предметы: гермошлем и цветок. Юноша олицетворяет Космос, цветок – Землю. Космос представляется юным, а Земля старой. Несмотря на то, что человечество давно вышло в космические просторы (в свете футуристической концепции картины), путь этот еще только начинается (гермошлем здесь как символ принадлежности образа юноши к Космосу). Человечество еще молодо. А образ женщины отсылает к древней аллегории «Мать Земля», то есть древнейшее представление о Земле как о Великой богине-матери. Цветок, стоящий на столе в вазе – символ Земли. Взгляды персонажей – взгляды матери и сына – протягивают между ними незримую нить.

«Парадокс времени» – другое название, которое указано в монографии В. Д. Захарченко «Наперегонки со временем». Название отсылает к проблеме, известной также как «парадокс близнецов», который обычно излагается как мысленный опыт. Гипотетические близнецы сверяют свои часы. Один из них на космическом корабле совершает длительное путешествие со световой или субсветовой скоростью. После его возвращения, близнецы сравнивают показания часов. Согласно специальной теории относительности, часы путешественника покажут менее протекшее время. Другими словами: время в космическом корабле движется медленнее, чем на Земле [2, с. 131]. По воспоминаниям А. И. Лушников (1936–2022), журналиста и близкого друга художника, Г. Г. Голобоков «перечитал» всю научную и художественную литературу и был всегда в курсе научных достижений. Можно сделать допущение, что ему были известны такие научные и научно-популярные работы, как «Парадокс близнецов» Д. В. Скобельцина [9], «Двигатели галактических кораблей» Р. Г. Перельмана [8] и «Естественная философия времени» Джеральда Уитроу [10]. В этих книгах на языке релятивистской физики и математики подробно рассматриваются вопросы парадокса времени.

На холсте под голубым чистым небом раскинулся космопорт будущего, который виден в большом, прозрачном окне зала ожидания. Вверх устремились, как иглы, здания диспетчерских служб. В светлое помещение входит молодой человек в космическом костюме. В руке гермошлем. Юноша смотрит на пожилую женщину, сидящую за столиком, на котором стоит ваза

с цветком. Женщина смотрит на молодого человека. На лицах астронавта и женщины мы читаем чувство, которое можно назвать «ожиданием узнавания». Г. Г. Голобоков очень тонко и просто передает трагизм «парадокса близнецов». В этом прочтении гермошлем в руке астронавта – подсказка для нас: этот человек – астронавт. А цветок на столике, возможно, символ одиночества. Не случайно, что цветок находится на столике вблизи женщины. Гермошлем и цветок – иконографические маркеры юноши и пожилой дамы. До Голобокова никто из художников-фантастов не раскрыл с такой образной глубиной этот парадокс, представив его не как эффект специальной теории относительности, а показав его как человеческую трагедию.

Теперь возникает главный вопрос: какое же название картины истинно? Здесь и начинается настоящий научный детектив.

Начнем с того, что многие сюжеты для своих работ Г. Г. Голобоков черпал из научной и художественной литературы. В культурной жизни СССР в 60–70-е годы научно-фантастическая литература была ярким явлением. Станислав Лем, Рэй Брэдбери, Роберт Шекли, Клиффорд Саймак, Иван Ефремов, братья Стругацкие, Кир Булычев, Север Гансовский, Дмитрий Биленкин и другие писатели-фантасты владели умами и чувствами многих людей.

В 2015 году искусствоведческая экспедиция в составе А. В. Фесенко и М. А. Фесенко проводила исследования в городе Балаково. Целью работы было установление истинного, авторского названия картины Г. Г. Голобокова. С любезного разрешения администрации Городского выставочного зала (ГВЗ), исследователи работали в закрытых фондах как непосредственно с произведениями художника, так и с их служебной описью. В результате было сделано неожиданное открытие. Оказалось, что картина с названием «Парадокс времени» или «Земля и Космос» в документах ГВЗ не числится. Точнее, картина существует и в описи материального имущества ГВЗ она числится под № 225, шифром ЗАБ00218, но под названием... «Скорбная весть». Более того, сестра художника В. Г. Долбышева любезно предоставила исследователям свой личный каталог картин Г. Г. Голобокова, в котором под № 65 картина обозначена также как «Скорбная весть».

Конечно, сразу возник вопрос: о какой вести повествует картина? Решить его помогла внучатая племянница художника Н. С. Кожевникова, рассказав о первоначальном замысле сюжета. Из межзвездного рейса на Землю вернулся астронавт. Ему сейчас предстоит сообщить скорбную весть женщине, сидящей за столиком, о том, что ее сын погиб во время этого полета. В таком ключе вся иконографическая схема приобретает иные смыслы. Напряженное, словно нависшее, молчание героев. Женщина ждет слов астронавта. А он должен решиться, чтобы произнести слова страшной правды. За годы полета сына женщина состарилась. Это напряжение и одиночество женщины подчеркивает цветок в вазе на столике.

В то же время, при обследовании холста, выявилась одна важная деталь. На обратной стороне коричневой краской было написано название картины: «Скорбная весть». Но затем название зачеркнуто плохо заметным простым карандашом. А рядом, тем же карандашом, также едва заметно, написано и подчеркнуто другое название: «Парадокс времени».

Какая же из номинаций этой картины истинна? Но это не значит, что оба названия данной картины придумал В. Д. Захарченко. Во всяком случае, на родине художника, в городе Балаково, предпочитают называть эту картину «Парадокс времени».

Для прояснения сложившейся ситуации исследователи провели беседу с В. Г. Долбышевой. Мы приведем фрагмент записи этой беседы, состоявшейся 20 августа 2015 года.

М. А. Фесенко: – Каково авторское название картины «Парадокс времени»?

В. Г. Долбышева: – Это его невеста. Когда-то она проводила своего жениха в космос. Время там идет медленно, на Земле летит стремительно. А когда он вернулся, его встречает очень старая женщина. Это его невеста. Таков был замысел Гены. Ему сказали, что это жестоко и пусть лучше будет «Прощание с матерью», что она знает, что не дождет сына, потому что она старая. А задумано Геной было: космонавт вернулся и встречает его невеста, которая за это время состарилась. Но ему сказали, что очень жестоко.

А. В. Фесенко: – Кто сказал?

В. Г. Долбышева: – Гена картину отправлял в Москву, в «Технику–молодежи». Там комиссия принимала, Захарченко. И сказали: пусть будет, что он вернулся и его встречает уже глубоко старая мать.

М. А. Фесенко: – То есть, сам Голобоков называл картину «Парадокс времени».

В. Г. Долбышева: – Да. Невеста встречает. Но в Москве решили, пусть будет мать.

Таким образом, стал известен и четвертый вариант названия картины.

Суммировав все данные, полученные в ходе полевого исследования, мы можем реконструировать последовательность событий и, как увидим далее, привести свой дополнительный аргумент в пользу названия «Парадокс времени».

Итак. В конце 1977 или начале 1978 года Г. Г. Голобоков написал картину с названием «Скорбная весть». Затем он переосмыслил сюжет и зачеркнул прежнее название, дописав карандашом новое. Факт переосмысления сюжета – не первый случай в практике художника. Так он поступал и с некоторыми другими работами. Сравнение почерка этих исправлений подтверждает, что в случае с «Парадоксом времени» замена названия сделана рукой самого Г. Г. Голобокова. Из-за этой, плохо заметной, правки в описи работ в ГВЗ и личном каталоге В. Ю. Долбышевой картина оказалась с прежним названием, написанным густой коричневой краской.

Затем картина была отправлена в Москву, в редакцию журнала «Техника – молодежи», в котором картины художника публиковались уже неоднократно. Редакции не понравилось название: там посчитали его депрессивным. Было решено работу переименовать, как уже случалось и прежде. Голобокову предлагают другой вариант прочтения сюжета. Астронавт в космопорте встречается со своей постаревшей матерью. Принял ли художник этот вариант, мы не знаем, так как 17 мая 1978 года он внезапно скончался. Картина была опубликована уже после смерти Г. Г. Голобокова в октябрьском номере журнала «Техника – молодежи» за 1978 год. Картина представлена как «Земля и Космос», образующая своеобразный триптих с другими картинами – «Чаша огня» и «Заоблачный скульптор». Так их объединил В. Дмитриев (он же В. Д. Захарченко), автор мемориальной статьи «Пожизненное мужество таланта» [3, с. 47]. При этом В. Дмитриев поменял авторские названия и остальных двух работ на свои. В оригинальном варианте они назывались «Возвращение с Солнца» и «Художник». В 1982 году была издана книга В. Д. Захарченко «Наперегонки со временем», в которой картина Г. Г. Голобокова опубликована уже под названием «Парадокс времени».

«Синяя птица»

Теперь мы должны представить еще одну нашу гипотезу. В ЗАГС города Балаково находится картина Г. Г. Голобокова «Синяя птица» (рис. 2). На вершине зеленого холма, на фоне чистого голубого неба с протянувшимся широкой дугой белым облаком, стоят юноша и девушка в свадебном платье с развевающейся фатой. Невеста положила голову на плечо жениха, облаченного в темно-синий комбинезон с красным воротником-стойкой. В своей ладони он нежно держит ладонь невесты и смотрит в небеса, запрокинув голову. Смысловым центром картины является большая синяя птица.

Анастасия Нескорородева отмечает, что в этом символе можно увидеть разные смысловые отсылки: связь неба и Земли, счастье, удачу, вечную любовь. «Женщина, возможно, невеста, судя по белому платью, отпускает мужчину в космос, это грустное расставание, но пролетает синяя птица – их судьба будет счастливой. Можно сказать, что этот эпизод раскрывает тяжесть новых перемен для людей, также, как и дочь, ждущая своего отца из космоса всю жизнь, в этом сюжете жена не может отпустить горячо любимого мужа в неизведанность. Однако это не значит, что развитие ведет только к страданиям – нововведения могут принести невообразимое счастье» [7].

В нашем прочтении сюжета картина имеет совершенно иные смыслы. Главное – большая синяя птица, стремительно пролетающая *мимо* молодоженов. А значит, нет и не будет никакого счастья (*sic!*). Голова невесты, покоящаяся на плече жениха, символизирует не счастье, а печаль. Вы-

*Рис. 2. Г. Г. Голобоков. Синяя птица.
Источник: ЗАГС г. Балаково. Фото М. И. Костенчук.*

ражение лица девушки не радостное, а исполнено глубокой грусти; она понимает, что, едва сочетавшись браком с любимым, должна расстаться с ним. И самый важный вывод, который мы делаем, заключается в том, что, с большой долей вероятности, эта картина изначально составляла диптих с «Парадоксом времени». И если это действительно так, то можно допустить, что она была написана до «Парадокса времени» или сразу после нее и составила диптих, позволяющий развить сюжет. В «Синей птице» представляется ситуация до полета героя в космическое пространство на звездолете. А «Парадокс времени» повествует о его возвращении спустя десятилетия. Право представить, каким был жизненный путь героев в промежутке этих лет, отводится зрителям.

«И снова к звездам». «Улетающая на столетия».

В число работ Геннадия Голобокова, тесно связанных с «Парадоксом времени», входят и такие картины, как «И снова к звездам» и «Улетающая

на столетья». В картине «И снова к звездам» перед зрителем предстает молодой человек, стоящий на коленях перед пожилой матерью (очень похожей на героиню работы «Парадокс времени»). Он целует ладонь правой руки матери, а мать левой ладонью гладит золотистые волосы сына. Прощальный поцелуй, последний взгляд. Они больше никогда не встретятся. Этот юноша вернется на Землю молодым через много лет. О том же говорит и картина «Улетающая на столетия». Как и на картине «Парадокс времени», действие происходит на космодроме. Девушка прощается с пожилым отцом. Оба молчат. Это безмолвие продолжает линию невербального общения в сюжетах уже указанных нами полотен Голобокова. Отец сидит в кресле, он погружен в свой внутренний диалог. Рядом стоит дочь – высокая, красивая девушка. Взгляд отведен в сторону. Она тоже ведет этот неслышимый диалог. Кончиками пальцев она едва касается спинки кресла. Несомненно, художник стремится изобразить неуловимое мгновение расставания, создавая эффект стоп-кадра. Словно через долю секунды пальцы девушки оставят спинку кресла, и это будет точкой невозврата. Она уйдет в межзвездный полет и больше никогда не увидит дорогого человека.

Датировка научно-фантастических картин Г. Г. Голобокова – сложный вопрос. Если на работах первого творческого периода 1960-х годов художник указывал год создания, то на фантастических полотнах, то есть с 1972 по 1978 год, даты не указываются. Поэтому исследователям приходится определять эти даты по косвенным признакам. Однако это можно отнести только к тем работам, которые были опубликованы в печати. По словам В. Г. Долбышевой, картины Голобокова публиковались в скором времени после их написания. Единственная картина точно датированная – не опубликованная в средствах массовой информации – «Улетающая на столетия». Картина написана в 1978 году (по данным Музея истории города Балаково) и является одной из последних, возможно, самой последней работой Г. Г. Голобокова.

Предполагаемые литературные источники

Еще до посещения ГВЗ города Балаково исследователи выдвигали ряд гипотез, призванных определить круг источников, приведших художника к творческому осмыслению парадокса времени. Одним из таких литературных источников мог быть отмеченный выше труд М. Гарднера «Теория относительности для миллионов». Другим источником был роман А. П. Казанцева (1906–2002) «Сильнее времени», вышедший в 1973 году, то есть в то время, когда Г. Г. Голобоковым были написаны первые научно-фантастические полотна. Роман обрел широкую популярность и вошел в золотой фонд советской фантастики.

Третья глава первой книги этого романа так и называется – «Парадокс времени», в которой раскрывается суть этого парадокса. Один из героев романа говорит: «Отдаю себе отчет, что, даже преодолев все опасности звездного рейса, в случае его полного успеха, я могу вернуться на Землю не через пять лет, которые протекут на корабле, а через пятьдесят земных, но этим докажу правильность парадокса времени теории относительности» [5, с. 30].

Ярко, эмоционально и убедительно в романе описана встреча главной героини Вилены со своей младшей сестрой Авеноль. На несколько минут Вилена потеряла чувство реальности, забыв об эффекте парадокса времени. За время, которое Вилена провела в звездном рейсе, на Земле прошло пятьдесят лет. Сама Вилена не изменилась, живя по корабельному времени, а ее родные и близкие люди на Земле умерли или состарились. Пожилую женщину, пришедшую встретить прибытие звездной экспедиции, Вилена приняла за свою бабушку. Но через минуту выясняется, что это не бабушка, а родная младшая сестра Авеноль [5, с. 263].

Еще одним источником, возможно, относящимся к сюжету «Парадокса времени», могла быть статья художника-постановщика многих художественных и научно-популярных фильмов Ю. П. Швеца «Фантастика и ее образное воплощение». Швец писал: «Помню, всех заинтересовал сюжет, построенный на идее парадокса времени. Заманчивым казалось показать душевное состояние космонавта, отправившегося в Космос на другую звезду с субсветовой скоростью и вернувшегося на Землю, где он оставил любимую девушку: молодого еще, в расцвете физических и душевных сил героя встречает престарелая женщина, десятки лет ожидавшая своего возлюбленного» [11, с. 31]. Но необходимо отметить, что, несмотря на полное соответствие ремарки Ю. П. Швеца сюжету картины, едва ли можно полностью принять эту гипотезу, так как тираж сборника материалов со статьей Ю. П. Швеца, изданного кафедрой киноведения ВГИК, очень мал – 1000 экземпляров. Впрочем, окончательно сбрасывать ее со щитов не стоит.

Путешествия в прошлое

Особое значение в произведениях научно-фантастической литературы и живописи имело допущение возможности путешествий в прошлое. Не обошел стороной эту тему и Голобоков. При этом он не рассматривает идею машины времени, переносящей человека как физический объект в прошлое. Художник прибегает к другим возможностям увидеть события иных эпох. В картине «Череп Кучума» это генетика, а в «Экскурсе в прошлое» – замыкание временных геодезических линий. Ученые только видят события, но не могут вмешаться в них.

На картине «Череп Кучума» мы видим ученых, которые в лаборатории проводят эксперимент с так называемой «памятью предков» (вероятно, очередная отсылка к роману А. П. Казанцева «Сильнее времени»). Перед учеными на переднем плане находится череп хана Кучума с прикрепленными кабелями и датчиками, считывающими память, зашифрованную в генах. На большом экране, как в кинотеатре, перед учеными происходят последние моменты жизни Ермака, на отряд которого напало воинство Кучума.

А на картине «Экскурс в прошлое» молодые исследователи, юноша и девушка, наблюдают сцену в эпоху палеолита. Два первобытных художника, мужчина и женщина, рисуют мамонта на поверхности темной скалы. Вероятно, здесь Геннадий Голобоков выражает свою главную мысль о связи поколений. Первобытные художники предстают творцами, прямыми предками далеких потомков, совершающих этот экскурс в бездны времени. Эта генеральная идея всегда пронизывала работы художника.

К этой же теме «прорезания» времени следует отнести и работу «Взгляд из будущего». На картине представлен воскресный пикник. Автомобили, походные палатки. Вдалеке видны трубы, извергающие черный дым, тянущийся длинным шлейфом. Над этим депрессивным пейзажем в круглом разрыве в небе появился большой человеческий глаз. Он смотрит на происходящее. Взгляд внимателен и сосредоточен. Где-то в далеком будущем люди могут пронзять время и видеть прошлое. Отдыхающие по-разному реагируют на этот феномен. На первом плане женщина готовит еду на костре. Она увлечена своим делом и не замечает удивительного явления. На дальнем плане люди просто удивленно наблюдают. А на среднем плане видна схватка двух мужчин. Один вскинул охотничье ружье, намереваясь выстрелить в этот глаз. Другой мужчина пытается ему помешать. Перед нами столкновение суеверного невежества и стремления разобраться в аномальном феномене.

Тема времени всегда будет волновать умы ученых, писателей и художников. Если человечество выйдет на межзвездные просторы в будущем, несомненно, ему придется не в теории, а на практике столкнуться метаморфозами пространственно-временного континуума. И тогда с новой силой зазвучит психологизм и трагизм живописных полотен Геннадия Голобокова. Ведь они задают вопросы о причинах, заставляющих космических первопроходцев покидать родных и дорогих людей во имя достижения своей мечты. Но ответов картины Голобокова не дают. Потому что этих ответов не существует.

Список литературы

1. Азеф В. С. Геннадий Григорьевич Голобоков. Каталог выставки произведений. Саратов: Саратовское областное управление культуры; Государственный музей К. А. Федина, 1988. 23 с.

2. *Гарднер М.* Теория относительности для миллионов. Москва: Атомиздат, 1965. 190 с.
3. *Дмитриев В.* Пожизненное мужество таланта // Техника–молодежи. 1978. № 10. С. 45–47.
4. *Зима В. Н.* Метаонтологические принципы объективизации времени: дис... докт. философ. наук. Москва, 2015. 428 с.
5. *Казанцев А. П.* Сильнее времени: научно-фантастический. роман в трех книгах. Москва: Московский рабочий, 1973. 367 с.
6. *Лушников А. И.* Своя высота. Балаково: Издательство «БВ», 2016. 147 с.
7. *Нескорородева А.* Особенности творчества художника-космиста Голобокова. URL: <https://pro.deziign.com/project/321489d3cdd34f19acea8bb9b3b399cc#slide=0>
8. *Перельман Р. Г.* Двигатели галактических кораблей. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. 199 с.
9. *Скобельцын Д. В.* Парадокс близнецов в теории относительности. Москва: Наука, 1966. 192 с.
10. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. Москва: Прогресс, 1964. 431 с.
11. *Швец Ю. П.* Фантастика и ее образное воплощение // Советские фильмы о завоевании космоса (Циолковский и кино). Москва: Всесоюзный государственный институт кинематографии, 1971. С. 28–44.
12. *Шконда Н. А., Дерин М. А., Калинин С. А.* Целебный поиск смысла жизни: творческая реализация личности в поэзии и живописи Г. Голобокова // Актуальные вопросы вертебро-медуллярной нейрохирургии: материалы научно-практической конференции. Балаково, 2003. С. 209–212.

ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ЕГИПЕТСКИЙ ТАНЕЦ: ДИАЛОГ ВЕКОВ

УДК 008

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-88-102>

Ольга Александровна ФУГИНА,

кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: temple_dance@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка идентификации сохранившихся аспектов древнеегипетской культуры в современной египетской, прежде всего, танцевальной культуре. Исследование показало, что танец, исполнявшийся из поколения в поколение на протяжении многих веков, выработал свои устойчивые формы, многие из которых имеют древнеегипетские основы, и дойдя до современности, смог, преодолевая социальные и религиозные запреты, сохраниться и развиваться до сценической формы, известной как ракс шарки. Элементы древнеегипетской культуры проявляются в музыкально-танцевальной культуре современного Египта не всегда в буквальном их значении и часто неосознанно, на уровне исторической памяти, но те, что проявлены, не настолько изменены, чтобы их невозможно было узнать. Несмотря на гибридную природу танцевальной техники египетского ракс шарки, его неосознанная и еще не до конца осознанная природа, безусловно, лежит в древнеегипетской танцевально-музыкальной традиции.

Ключевые слова: современный египетский танец, ракс шарки, египетский фольклорный танец, древнеегипетский танец.

Для цитирования: Фугина О. А. Древний и современный египетский танец: диалог веков // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 88–102. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-88-102>

ANCIENT AND MODERN EGYPTIAN DANCE: DIALOGUE OF CENTURIES

Olga A. Fugina,

CSc in Cultural Studies, Associate Professor
at the Department of Cultural Studies
Moscow State Institute of Culture
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: temple_dance@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the preserved aspects of ancient Egyptian culture in modern Egyptian, primarily dance culture. The study showed that the dance, which has been performed from generation to generation for many centuries, has developed its own stable forms, many of which have ancient Egyptian foundations, and having reached modern times, it was able, overcoming social and religious prohibitions, to survive and

develop into a stage form known as raqs sharqy. Elements of ancient Egyptian culture are manifested in the musical and dance culture of modern Egypt, not always in their literal meaning and often unconsciously, at the level of historical memory, but those that are manifested are not so changed that they cannot be recognized. Despite the hybrid nature of the Egyptian raqs sharqy dance technique, its intangible and not yet fully realized nature certainly lies in the ancient Egyptian dance and its musical tradition.

Keywords: modern Egyptian dance, raqs sharqy dance, Egyptian folklore dance, ancient Egyptian dance.

For citation: Fugina O. A. Ancient and Modern Egyptian Dance: Dialogue of Centuries. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 88–102. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-88-102>

Сегодня в процессе глобализации и культурной интеграции довольно сложно определить, какая из культурных традиций отдельно взятой страны, имеющей древнюю историю, является исконной, а какая – приобретенной. Даже если удастся идентифицировать некую традицию как исконную, особый интерес вызывает рассмотрение ее пути и эволюции смысловых значений. В этом отношении Египет представляется интереснейшим предметом исследования. Имея многовековую историю от времен Древнего Египта, страна прошла через владычество персами, греками, римлянами, арабами, турками, французами, англичанами, и только в середине XX века египтяне вновь обрели собственное правление. Здесь и возникает вопрос: в какой степени египетская традиция подверглась влиянию иноземных культур? Мнение ученых на этот счет делится на два лагеря. Одни ученые – сторонники исламской традиции. Например, египетский исследователь Фаузи Ахмед считает, что «исследование народных египетских форм должно начинаться с эпохи завоевания мусульманами Египта <...>. Современный египтянин <...> не ощущает преемственной связи с древними египтянами, поскольку у него не сохранилась преемственность в отношении языка и психологического склада...» [8, с. 17]. Действительно, многие аспекты египетской культуры оказались под влиянием ислама, в том числе египетское искусство. Так, например, арабская музыка, вышедшая из распевов сур Корана, приняла со временем светскую форму. Изобразительное искусство, в его традиционном виде, долгое время не было проявлено, поскольку изображение человеческой фигуры или лика Бога запрещено Кораном. Сторонники этой позиции склонны видеть ситуацию следующим образом: за многовековую историю египетская культура претерпела несколько культурных диффузий, что привело к полной потере следов древнеегипетской культуры. Сторонники же противоположной позиции считают, что древнеегипетские традиции живы и сегодня. Среди них – Нафиса Гамрави, египетская исследовательница (на момент 1989 года – декан факультет физического воспитания для девушек при Хелуанском университете в Каире). Она пишет: «Несмотря

на превратности времени и прошедшие тысячелетия, этот народ [египтяне – прим. О. Ф.] не изменился ни в облике, ни в образе жизни. Несмотря на изменения в языке и религии на этой земле в разные эпохи египетский народ, обладая глубоко укоренившимся наследием, смог ассимилировать другие народы (вторгавшиеся на его территорию и захватывающие ее) до такой степени, что они не смогли оставить на ней никаких значительных следов» [13, с. 6]. Эта позиция строится на том, что древнеегипетская традиция (сорокавековая) благодаря своей устойчивости, смогла претерпеть незначительное влияние и, более того, она имеет некоторые воплощения в современном Египте. Несмотря на преобладание в Египте мусульманского населения (около 95%), в стране существует, пусть немногочисленная, но влиятельная христианская коптская община (*копт* от др.-греч. Αἰγύπτιος – «египтянин»), исторически присутствовавшая на территории еще до прихода ислама. Копты идентифицируют себя с прямыми потомками египтян от времен фараонов.

Прежде всего заметим, что древние традиции в Египте иногда проявляются, казалось бы, в самых бытовых аспектах. Так, например, ритуалы хитана (обрезания) и удаления волос с тела, считающиеся традициями ислама, существовали еще во времена Древнего Египта. Самой популярной игрой среди детского населения является древнеегипетская игра манкала. Кроме того, различные исследователи отмечают, что в современном Египте соблюдаются некоторые древнеегипетские погребальные традиции [4, с. 41; 6, с. 110; 7, с. 36; 7, с. 398]. Также выделим всенародный весенний праздник Шам аль-Насим (21 марта), который отмечают и христиане, и мусульмане. Наумкин В. В., востоковед, академик РАН, пишет, что праздник «шамман-насим (“вдыхание свежего весеннего ветра”) <...>, вероятно, ведет свое происхождение из Древнего Египта, <...> на это указывает ритуальное употребление во время праздника лука, священного растения древнего Египта <...>» [7, с. 34]. Мы назвали лишь некоторые, казалось бы незначительные, из многих других проявлений древности, но и они дают нам понять, что в современной египетской культуре органично переплетаются как черты исламской, так и древнеегипетской традиции.

Переходя к непосредственной теме исследования, отметим, что танец существовал в Египте в той или иной форме всегда. Происхождение современного египетского танца – ракс шарки (Raqs Sharki – арабское название сценической формы египетского танца, также известного как «bellydance» или «танец живота») до сих пор является вопросом дискуссионным. Тот факт, что он прошел сквозь века, устоял перед запретами ислама, властей (запрет на танец в Каире (1834) и Александрии [4, с. 72; 7, с. 428], изгнание танцовщиц из Каира, обложение налогом [18, с. 29, с. 195], в том числе, в XX и XXI веках), сохранил столь открытый костюм (для исламского мира) и стал второй по значимости (после Великой пирамиды в Гизе) достопримечатель-

ностью Египта, дает повод предположить, что его традиции тянутся из глубины истории страны древнеегипетских времен. Этого же мнения придерживаются и ряд ученых. Например, французский врач Клот-Бей (1799–1867), пребывавший в Египте на протяжении 18 лет (с 1823-го по 1832-й и с 1837-го по 1860-й год) и основательно изучивший нравы и жизнь египтян XIX века, писал: «Танцы египетские существуют с самой глубокой древности. Я видел сам на иероглифических надписях в Фивах, Гурн и проч. семейные сцены, где танцовщицы в том же самом костюме, как нынче, делают те же самые телодвижения, как и теперь» [4, с. 71]. Об этом же писал английский арабист Э Лейн (1801–1876). Пробывший в Египте в 1825, 1830–1835 и 1842–1849 годах: «На древних гробницах Египта мы можем часто встретить изображение танцовщиц, под звуки музыки развлекающих избранное общество искусством, совсем как современные гавази [уличные танцовщицы – прим. О. Ф.] <...>. Судя по именам царей, высеченным почти на всех древних пирамидах, мы можем с уверенностью утверждать, что профессиональные танцовщицы такого рода существовали здесь с незапамятных времен, еще до исхода евреев из Египта. Весьма вероятно, что традиция эта не прерывалась и, может быть, нынешние гавази – потомки танцовщиц, развлекавших древних фараонов» [7, с. 300]. Гавази, о которых говорит Лейн, в XIX веке были уличными танцовщицами, участвовавшими во всех народных, религиозных и других празднествах. Сегодня они сохранили свое значение и являются неотъемлемой частью народной танцевальной культуры.

Поскольку танец способен сохранять и воспроизводить культурную память, рассмотрим и сравним его значение в культуре Древнего и современного Египта. В Древнем Египте танец являлся неотъемлемой и очень важной частью жизни египтян. Он сопровождал их от банкетов и семейных торжеств до фестивалей, религиозных и погребальных ритуалов. Например, одним из самых важных древнеегипетских праздников был новый год, который ознаменовывался разливом Нила, что, в свою очередь, считалось возвращением в Египет злой и опасной Сахмет (ипостась миролюбивой Хатхор), которая могла наслать на страну болезни и смерти. Древние египтяне верили, именно танцы и песни были способны умиловить Сахмет и превратить ее в Хатхор. Поэтому в течение пяти дней до нового года играла музыка и исполнялись танцы, чтобы защитить страну от напастей. Французский египтолог Ф. Дома (1915–1984) так описывал ритуал: «Песни и танцы перед богиней в храме происходили главным образом ночью <...>. Множество музыкантов и певцов обоих полов участвовало в этих церемониях <...>. Их пляски под все ускоряющийся ритм музыки приводили к потере самообладания...» [6, с. 109]. Интересно отметить, что в современном ракс шарки этот музыкальный прием с ускорением темпа музыки считается традиционным (его можно встретить в основе музыкального построения так называемой баллады-прогрессии или в самой популярной композиции

«Шик-шак-шок»). Кроме того, исследователь М. А. Коростовцев отмечает, что «танец прыжками в честь Хатхор (ksks) до сих пор бытует в виде “зика” – экстатического религиозного танца феллахов (крестьян – прим. О. Ф.), который можно наблюдать во всякой египетской деревне» [6, с. 109].

Приведем пример еще одной танцевальной традиции – обряд омоложения фараона. Считалось, что фараон – как наместник бога на земле – весь период правления должен быть на пике своих возможностей [17, с. 359]. С целью обретения царской силы исполнялся танец на праздничной церемонии сед-хеб (юбилей фараона), где фараон совершал танец-бег во имя богини Хатхор (которая в свою очередь была богиней любви, веселья, пляски и музыки [6, с. 108]). Бороздина Т. Н. (1889–1959) – советский востоковед-египтолог, приводит текст, в котором говорится о танце фараона перед богиней Хатхор:

*«Приходит фараон танцевать,
Он приходит (тебе) петь.
О, госпожа его! Посмотри, как он танцует;
О, невеста Гора! посмотри, как он скачет»* [3, с. 5].

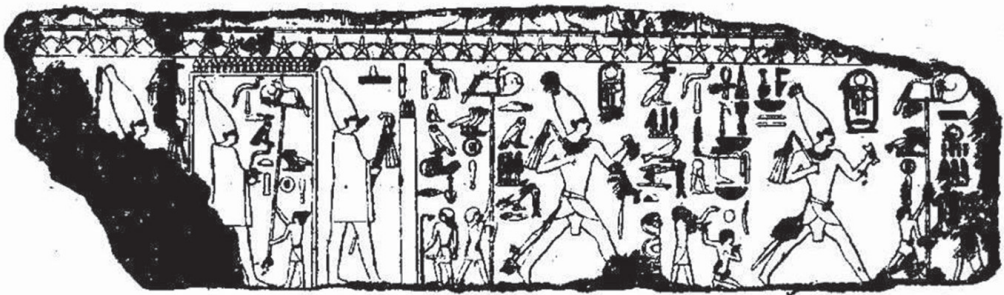

Рисунок 1. Бег фараона (*heb-sed*). Рельеф из Абусира

Как видим на изображении (рисунок 1), это действие представляло из себя бег. С одной стороны, в современном понимании бег нами не воспринимается как полноценный танец. С другой – он представлен в развитии, переходе из одной части композиции ритуала-танца в другую: сначала фараон в преддверии наоса в мантии и короне правителя Верхнего Египта, затем он в том же одеянии заходит в наос, ему передают штандарт с головой шакала; в третьей части композиции – у него в руках появляются символы власти (бич и жезл); в четвертой – он без мантии, в набедренном переднике и в той же короне совершает бег по направлению к богине Хатхор. То есть, у данного обряда была выстроена композиция с завязкой, кульминацией и развязкой, что характерно для хореографического произведения. Еще одно подтверждение того, что это действие является именно танцем – изображение в движении у фигуры оторванной пятки от пола. Египтологи установили, что этим знаком египтяне подчеркивали, что изображают строго танцевальную

форму. Представленный танец-бег фараона еще имеет простую, с точки зрения хореографии, форму, но главное: именно через танец древние египтяне стремились передать переход из одного важного цикла в другой, обновленный. Французский египтолог Д. Меекс подчеркивает важную роль танца в жизни древнеегипетского общества в целом: «В Древнем Египте танец был маркером времени. Он свидетельствовал о моменте радикального изменения. Когда что-то заканчивается и начинается что-то другое. Он защищал от опасностей того, что умирало, и праздновал то, что должно было родиться заново» [17, с. 359]. Отметим, что эта роль сохранилась и в настоящее время в Египте. Об этом пишет современная американская исследовательница танца Хизер Д. Уорд: «Исторически сложилось так, что как социальные, так и профессиональные варианты bellydance [американское название ракс шарки – прим. О. Ф.] играют важную роль в событиях и праздниках, отмечающих значительные даты. Это включает в себя события, посвященные важным переходам в жизни людей, таким как обрезание и свадьба. Также сюда входят события, которые отмечают жизненный цикл года, например, периодические праздники в честь святых, известные как мавалид (в единственном числе – мулид)» [14, с. 10]. Все важные переходы от одной фазы жизни к другой, от рождения до смерти в Египте продолжают сопровождаться танцем как *маркером времени*. Так, например, невозможно представить свадебную церемонию без танца. Даже самые бедные слои населения находят возможность пригласить танцовщицу на свою свадьбу. Такова традиция.

Это маркерное свойство танца в современном Египте сохранено и особенно проявлено в танцах и песнях крестьян. Они так же, как и в древности, продолжают отмечать переходы сельскохозяйственных циклов танцами, а работу сопровождают песней. Песни, исполняемые во время различных работ, создают ритм, помогающий единству и согласованности работающих, служат облегчением тягот труда. Египтолог Л. Кинни отмечает, что многие древнеегипетские изображения сельскохозяйственных сцен содержат тексты песен, которые распевали рабочие на полях [15, с. 101]. В XIX веке Клот-Бей, наблюдая за работой крестьян, писал: «<...> мы можем с вероятностью заключить, что песни, которые поются нынешними лодочникам <...> те же самые, которые раздавались <...> за несколько тысяч лет <...>» [4, с. 67]. В XX–XXI веках все еще поются эти песни: песня рыбаков «Wehna men batel karim» [11, с. 39] или песня «Мой любимый» (Kul mamshi alaik) [11, с. 42], сопровождающая уборку хлопка. Кроме того, египетский поэт Салах Джахин в результате изучения теории арабской и египетской устной народной традиции заключил: «Египет коренным образом отличается от других арабских стран тем, что сохранил в устном народном творчестве наследие египтян эпохи фараонов. Маввали и заджали, которые египтяне обычно поют за работой (сопровождать свой труд песнями любят и крестьяне, и ра-

бочие), а также обрядовые песни – это то, что в корне отличается от арабской традиции, не имеет аналога в других арабских странах» [7, с. 45]. Таким образом, С. Джахин разводит арабскую и египетскую традиции, говоря, что свою основу египетское устное народное творчество берет в Древнем Египте. Приведенные наблюдения и исследования ученых дают нам некоторые основания полагать, что действительно в народном творчестве в большей степени сохранено древнеегипетское наследие.

Под указанные нами выше песни как в древности, так и сегодня, исполнялись танцы на тему сельскохозяйственных работ. У древних египтян, например, танцы такого рода можно видеть на рельефах гробницы Херуэфа-Сенаа, где танцоры имитируют различные движения, которые они осуществляли на полях (рисунок 2).

Рисунок 2. Сельскохозйственный танец. Рельеф в гробнице Херуэфа-Сенаа. Правление Аменхотепа III (Новое царство).

В современном Египте также существуют танцы, иллюстрирующие тот или иной труд, например, танцы фаллях (крестьян) или танцы пастухов региона Саиди. Танец фаллях, состоящий из прыжков и проходок, воспроизводит образ каждодневного труда: «они носят воду, обрабатывают землю, собирают урожай, отдыхают и радуются жизни, благословляя ее» [10, с. 147]. В танце используются такие атрибуты, как кувшины для воды или плетеные корзины, помещенные на голове. Часто танец сопровождается хлопками, которые «имитируют, как фалляхи пекут фитир (хлеб)» [10, с. 147]. Российская исследовательница фольклорного египетского танца К. Чистова отмечает, что уклад жизни фаллях не изменился с древних времен, и танец, который сегодня можно увидеть, полностью отражает их традицию [10].

Рисунок 3. КА. *|-m-nfrt*, V.6–9, Saqqara

Традиционный танец региона Верхнего Египта Саиди – Аль-Тахтиб (*тахтиб* с араб. – «палка») почти в неизменном виде исполняется со времен Древнего Египта (рисунок 3). Его назначение – сельскохозяйственное – сохранилось. В Древнем Египте этот танец существовал еще со времен Древнего царства, исполнялся в разные циклы сельскохозяйственных работ (посадка, сбор урожая) и был классифицирован современными учеными как: «танец урожая» [15, с. 13]; «танец времени сбора урожая» [16, с. 23]; танец «аграрных работ» [19, с. 482] и «танец с палками во время жатвы» [19, с. 483]. Варианты танца с палками были такими (по Л. Кинни [15, с. 13–14]): танцы с длинной палкой (подгруппа 4а), для погона скота; танцы с короткими палками, где скрещенные на изображениях палки подразумевают создание ритма танца (подгруппа б); и «бой на палках», который описывается как «противостояние друг другу в имитированной схватке, которая напоминает танец в стиле борьбы». Эта «борьба» исполнялась во имя демонстрации мастерства и победы над злыми силами и их влиянием на урожай [15, с. 101]. Эти варианты танца с палками предполагали танец на основе ритма.

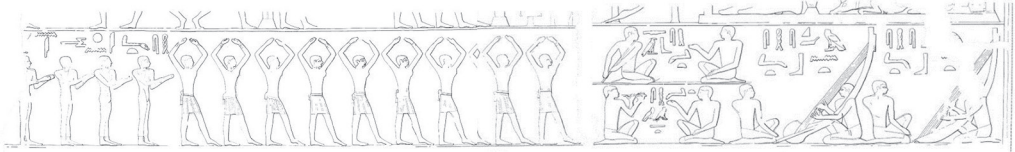
Современный танец Аль-Тахтиб региона Саиди очень похож на описанный выше вариант древнеегипетского танца. Отличие заключается лишь в том, что современный танец Аль-Тахтиб могут танцевать как мужчины, так и женщины. В древнеегипетских изображениях танцевальных сцен с палками женщины никогда не встречались (если только с двумя маленькими палочками для отбивания ритма). В современном варианте танца женщина может танцевать с одной или двумя палками, но никогда не будет участвовать в сценах боя на палках. Женские костюмы для танца имеют разные вариации, как правило, это галабеи (тип платья) с длинными рукавами, расширенными от локтя. Интересно, что среди вариантов костюма может быть галабея из ткани «асьют» (названа по месту производства: сетка из хлопка или льна, расшитая металлическими пластинами); или галабея в виде сетки из бусин поверх нижнего платья, по своему рисунку или выделке напоминающие платье-сетку из фаянсовых бусин времен Древнего царства. Не-

смотря на то, что такие платья не были предназначены для танца, именно этот образ был взят за эталон, возможно, бессознательно.

Возвращаясь к исполнению танца Аль-Тахтиб, отметим, что в его основе так же, как и в древнеегипетском варианте лежит ритм (перкуссия), несмотря на то, чего добавились и другие музыкальные инструменты. Египетская исследовательница Фахми Магда Эзз так описывает танец: «Под звуки мизмара (свирель, дудка, кларнет), ребаба (смычковый инструмент типа скрипки) и барабанную дробь мужчина с палкой в руке демонстрирует свое мастерство <...> виртуозно жонглируя палкой» [9, с. 108]. Танец может исполняться как сольно, так и в дуэте в виде состязания двух мужчин в ловкости владения тахтибом (как и в Древнем Египте). Мужчины, коротая время на пастбищах, устраивали состязания на палках для «выработки ловкости и увертливости, быстрой реакции в случае внезапного нападения и т. д.» [9, с. 108]. «Конфликтная борьба, – уточняет Эзз, – здесь недопустима, т. к. сущность танца состоит в <...> создании праздничного настроения» [9, с. 108]. Танец Аль-Тахтиб включен в различные празднования: сельские свадьбы, дни рождения и окончание уборки урожая. Кроме того, Ф. М. Эзз отмечает, что танец исполняют «в дни национальных праздников “Шам аль-Насим” (21 марта), “Аид аль-Фетр” (окончание Поста), “Аид аль-Атха” (праздник баранины и др.)» [9, с. 108]. Особый интерес вызывает упоминание праздника Шам-аль-Насим (мы уже писали о нем выше), и вот по каким причинам. Во-первых, потому что предполагали его древнеегипетское происхождение: он не связан с исламской религиозной традицией и во время празднества употребляется лук; тот факт, что в регионе Верхнего Египта в праздник включается танец древнеегипетских времен, может служить дополнительным подтверждением его древнеегипетского происхождения. Во-вторых, вызывает интерес и то, что египетская исследовательница называет его «национальным праздником», поставив в один ряд с религиозными (мусульманскими), что может также указывать на его глубокую традиционность. Под «глубокой традиционностью» мы подразумеваем феномен культуры, некий ритуал, исполняемый определенным народом из поколения в поколение на протяжении многих веков, смысл и причины которого уже определенно не помнятся, но который интегрировался в культурный код народа, стал частью коллективного бессознательного, выходящего за пределы установленных современных религиозных традиций. Отражением этого феномена в первую очередь и является танец. Появившийся на заре человечества и прошедший многовековую путь, танец вбирал в себя символы и смыслы на всем историческом пути развития той или иной страны и явился в современность квинтэссенцией культуры народа, его сутью. По этим причинам в Египте сохраняется от древних времен до сегодняшних дней и сам дух танца. Всеми, кто видел современный египетский танец, отмечен его жизнерадостный характер, танцоры, как правило, пребывают в состоянии

радости и счастья. Так же как в Древнем Египте слова «ликование» и «танец» являлись синонимами [3, с. 3].

Отметим еще один важный момент: в Древнем Египте по известным причинам танцу аккомпанировал оркестр, состоящий из музыкантов, певцов и перкуссионистов. На изображениях в гробнице Древнего царства Иимери (рисунок 4): «Оркестр состоит из двух арф, кларнетиста с кларне-

*Рисунок 4. Гробница Иимери (V династия):
вторая камера, южная стена западной части*

том и флейтиста, играющего на флейте. Там изображены девять танцоров в позе Алмазного танца с высоко поднятыми руками, а позади них четыре женщины, отбивающие ладонями ритм» [5, с. 52]. Эта традиция наблюдалась в Египте XIX века [4, с. 72] и существует поныне, в XXI веке: несмотря на технический прогресс и возможность танцевать под аудиозапись, египетские исполнители, как правило, предпочитают исполнять свою танцевальную программу под оркестр. Каждая известная и уважаемая исполнительница ракс шарки в Египте «держит» свой собственный оркестр, который сопровождает ее на всех выступлениях, даже за пределами Египта (в гастрольных поездках). Кроме того, подобно тому, как в древнеегипетской музыкально-

Рисунок 5. Танцевальная сцена. II в. н. э., гробница из Ариччи, Италия

танцевальной традиции мелодия подчинялась прежде всего ритму (перкуссии и хлопков), так и в современном Египте эта традиция сохраняется, ритм и ритмические рисунки также являются основой для музыки и танца.

Движения бедер, характерные для техники ракс шарки, и открытый костюм исполнительниц также можно проследить в древнеегипетской традиции. На рисунке 5 можно увидеть изображение танца римского периода Древнего Египта. Перед нами предстают три танцовщицы в полупрозрачных одеждах, исполняющие витиеватые движения бедрами и руками. Вокруг них «зрители, стоящие на украшенном алтаре, включая мужчин, женщин и детей, участвуют в оживленных движениях. Возле платформы старик хлопает в ладоши, задавая ритм танцовщицам» [21, р. 21]. У двух танцовщиц в руках трещотки. Слева от исполнительниц танцует карлик (традиционный участник танцевальных действий), за ним женщина, отбивающая ритм двумя палочками. По всей видимости, здесь представлен храм, посвященный богине Хатхор, поскольку она изображена в верхнем регистре слева в конце колонного зала восседающей на троне, окруженном фонтанами. Таким образом, перед нами представлен ритуал внутри храма, посвященный культу богини Исиды, в рамках которого участники входят в трансopodobные состояния. Несмотря на то, что эта гробница была построена на Аппиевой дороге в Риме, мастер определенно указал в изображении, что действие происходит в Египте, поскольку изображает богиню Исиду, священного быка Аписа, бога-карлика Беса, павианов и ибисов. Это изображение разительно отличается от привычных строго канонических изображений времен царствования фараонов, но именно в них уже ощущается импровизационный характер танца, свойственный современным исполнительницам ракс шарки. Танцовщицы аккомпанируют себе в танце, что тоже характерно для современных египетских танцев, где используются сагаты (музыкальный инструмент в виде пальцевых тарелочек из латуни, которые надеваются на большой и средний палец), например, в танцах, исполняемых на свадебных праздниках или в танцах гавази и балади. Отметим, что сагаты также были в Древнем Египте.

Кроме того, вызывает много размышлений современный костюм египетской танцовщицы ракс шарки: как в строгих мусульманских традициях (особенно строгих относительно внешнего вида женщин) могла зародиться традиция столь открытого (для исламского мира) танцевального костюма. Попробуем предположить, что танцевальный костюм имеет более древнюю традицию. Обратимся к костюму древнеегипетских танцовщиц. Он представлял собой или короткий передник, удерживаемый ляжками или отрезами ткани, уложенными крест-накрест (рисунок 6), или абсолютно прозрачное длинное платье. Руки и ноги украшались браслетами, грудь – ожерельем [3, с. 20]. Если провести параллель с костюмом современной египетской исполнительницы, то находим много общего: браслеты на руках и ногах все так же характерны для образа; современный костюм, который может быть

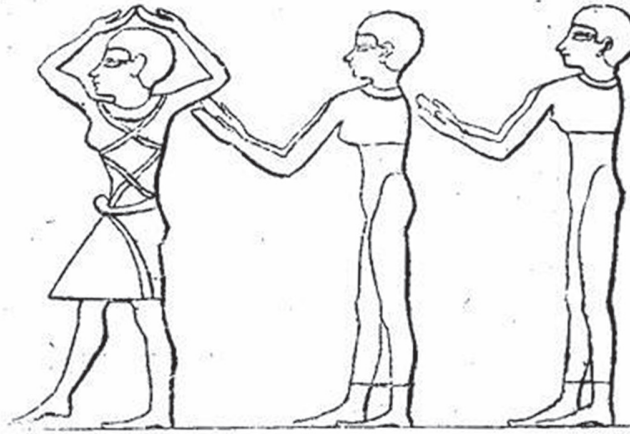

Рисунок 6. Костюм танцовщицы

в виде короткой юбки или длинной – из прозрачной ткани с шорами внутри, словно является квинтэссенцией того самого древнего образа. Поэтому, если взглянуть на современный египетский костюм под углом древнеегипетской традиции, становится очевидно: его современный вид, хоть и в переработанном варианте, определенно отсылает к тем временам в истории страны, когда нагота не была еще табуирована, а составляла важную часть эстетики танца. Таким образом, откровенный облик современного костюма египетской танцовщицы может являться отголоском культурной памяти древних традиций, но находясь под гнетом культурных интеграций – совершенно неосознанной. Этот облик сегодня критикуется, как правило, через призму морали, в том числе религиозной, и потому истолковывается неверно.

В Древнем Египте во времена Нового царства существовал танец альмей (альма от *ālim* – «учёная»), который частично находит свое воплощение и сегодня. Исследовательница древнеегипетского танца Т. Н. Бороздина пишет: «Институт альмей относится к древнейшей поро Египта, он представляет из себя корпорацию “ученых танцовщиц”, выступавших на празднествах и на пирах» [3, с. 28]. На известном изображении Нового царства под названием «Танец альмей» (См. работу Т. Н. Бороздиной [3, с. 31]) представлена погребальная процессия, где частью традиции были выступления альмей. На начало Новейшего Времени приходится расцвет танца альмей в Египте (конец XIX – начало XX вв.) [18, с. 29]. В XIX веке «авалим [множественная форма от *альма* – прим. О. Ф.] были уважаемыми певицами, владеющими арабской поэзией и способными импровизировать в стихосложении и музицировании <...>. Они также были мастерами египетского танца, хотя, как правило, исполняли его только в уединении гарема (женской половины) состоятельных египетских домов» [18, с. 12]. В XIX веке в Египте побывало огромное количество ученых, путешественников, писателей, художников,

Рисунок 7. Фрагмент изображения из гробницы KA.i-Hp:§ ti-igr, VI династия, Древнее царство, Эль-Хававиш.

которые оставили свои многочисленные воспоминания о танце альмей. Все же этим данным верить безоговорочно сложно, поскольку традиционно альмеи танцевали в гаремах исключительно для женщин, куда вход мужчинам, а тем более иностранцам, был запрещен. Это обстоятельство подчеркивал в своем труде 1854 года итальянский хореограф и историк танца К. Блазис [2, с. 352]. Поэтому, обращаясь к одной из самых известных картин Жан-Леон Жерома «Танец альме» (1863. Дейтонский художественный институт, Огайо) или к работе «Бассейн в гареме» (1876, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), предположим с большой долей вероятности, что эти картины скорее являются отображением фантазий автора о гаремах, чем представляют тот танец, каким он на самом деле являлся. Так что же видели иностранные путешественники XIX века, о каком танце оставляли воспоминания? (см. подробнее об этом статью Н. Барсовой [1]). Вероятно, это был более простой вариант танца, возможно, приближенный к танцу альмей (что-то между танцем альмей и гавази), но не он сам. В Британской энциклопедии начала XX века читаем: «Альме или альмея (от *ālim*, «мудрый», «ученый») – так в Египте называют певиц, которые выступают на праздниках и представлениях, а также нанимаются в качестве плакальщиц на похоронах. Их следует отличать от гавази или танцовщиц, которые выступают на улицах и относятся к низшему сословию» [12, с. 713]. Интересно отметить, что с древних времен и до XX века за танцовщицами альмеями сохранялось участие в погребальных процессиях, несмотря на то, что плакальщицы «на похоронах были запрещены пророком» [7, с. 398]. В течение XX века танец альмей окончательно вышел из стен гарема, видоизменился, слился с танцем гавази и в итоге приобрел сценическую форму. Сегодня танец альмей тоже можно увидеть в Египте, но, как правило, в образе стиля танца рубежа веков.

Множество мелких элементов, простирающихся из Древнего Египта, встречается в современной танцевально-музыкальной традиции Египта. Например, танцевальная древнеегипетская поза рук над головой в третьей позиции с развернутыми ладонями, обращенными вверх (рисунки 5, 6, 7), называемая египтологами, как «алмазный танец» (по форме, напоминающей алмаз), повсеместно наблюдается в сегодняшнем египетском танце – как в фольклорном, так и в ракс шарки. В целом, рассматривая древнеегипетские танцевальные изображения, можно отметить, что везде (в позировках, положениях корпуса, рук, ног) прослеживается неуловимая, но все же имеющаяся схожесть со всем тем, что из себя представляет египетский танец сегодня.

Проведенное исследование показало, что танец как феномен египетской культуры демонстрирует удивительную устойчивость древних традиций, которые, несмотря на многовековые культурные трансформации, различные социальные и религиозные запреты, сохранились до наших дней. С определенной долей вероятности мы можем предположить, что современный египетский танец является наследником древнеегипетских танцевальных традиций. Это проявляется не только в частично сохранившихся стилях танца (альмей и Аль-Тахтиба), но и в некоторых элементах техники ракс шарки, в музыкальной традиции (ритм как главный организующий принцип, ускоряющийся темп), элементах костюма и аксессуарах, в его символическом (как *маркера времени*) и социальном значении (включение танца во все значимые события жизни египетского общества).

Таким образом, танцевальная культура Египта представляет собой уникальный пример того, как древние традиции могут сохраняться и развиваться даже в условиях глобализации и культурной интеграции.

Список литературы

1. Барсова Н. С. Египетские танцовщицы-альмеи в русской дореволюционной литературе путешествий // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2022. № 5. С. 6–30.
2. Блазис К. Танцы вообще. Балетные знаменитости и национальные танцы. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Лань, Планета музыки, 2008. 352 с.
3. Бороздина Т. Н. Древнеегипетский танец. Москва: Д. Я. Маковский и сын, 1919. 36 с.
4. Клот-Бей А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Перевод с фр. А. А. Краевского. Ч. 2. Санкт-Петербург: типография К. Жернакова, 1843. 468 с.
5. Кормышева Э. Е. Сцены танца в скальной гробнице Каиемнофрета (LG 63) в Гизе // Дар Нила: древние цивилизации Нильской долины: сборник статей Международной научной конференции. Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 2024. С. 41–60.

6. *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. Москва: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. 336 с.
7. *Лейн Э. У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. / пер. с англ. А. С. Рапопорт, отв. редактор и автор предисловия В. В. Наумов. Москва: Наука, 1982. 435 с.
8. *Ризаева А. С.* Театральное искусство Египта. Жизнь художественной традиции: дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 1984. 234 с.
9. *Фахма Магда Эзз.* Танцевальное наследие Древнего Египта и его развитие на современном этапе. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 1975. 159 с.
10. *Чистова К. Б.* Эволюция образа фалляхи в культуре Египта 20–21 веков // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3 А. С. 143–153.
11. *Хавас Э.-С. М. А.* Современная народная песня (Объединенная арабская республика). Москва: Советский композитор, 1970. 198 с.
12. The Encyclopedia Britannica. Dictionary of arts, sciences, literature and general information. 11 edition. Vol. 1 (A). New York: THE ENCYCLOPEDIA BRITANNICA COMPANY, 1910. 976 p.
13. *Al-Ghamraawii N.* Ta'biir al-harakii 'inda Gudamaa' al-Misriyyiin al GV. 1989. 109 p. (Гамрави Н. Кинетическая экспрессия у древних египтян. Каир: Изд-во Мухаммада Хассанейна Зухаир, 1989. 109 с.)
14. *Heather D. Ward.* Raqs in the City: The Belly Dance Landscape of Cairo. McFarland, 2024. 253 p.
15. *Kinney L.* Dance, Dance and Performance Cohort in the Old Kingdom. British Archaeological Reports, 2008. 265 p.
16. *Lexova I.* Ancient Egyptian dances / English transl. by K. Haltmar. New York: Dover Publications, 2019. 161 p.
17. *Meeks D.* The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt // Volume 1. Dance. Oxford University Press. 2001. P. 356–360
18. *Nieuwkerk K.* A trade like any other: female singers and dancers in Egypt. University of Texas Press, 1995. 226 p.
19. *Saleh M.* Encyclopedia of Dance: Saleh / «Ancient Egyptian Dance» in Cohen, Selma J. (ed.), International Encyclopedia of Dance: A Project of Dance Perspectives Foundation. New York: Oxford, 1998.
20. *Spencer P.* Dance in Ancient Egypt // Near Eastern Archaeology / Dance in the Ancient World. Vol. 66. No. 3. 2003. P. 111–121.
21. *Weege F.* Der tanz in der Antike. Max Niemeyer Verlag, 1926. 192 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД В КЛАССИЧЕСКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XIX – XX ВЕКОВ

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-103-112>

Сергей Александрович СТЕПАНОВ,
кандидат культурологии,
доцент кафедры общегуманитарных дисциплин,
заместитель декана факультета медиакоммуникаций
и аудиовизуальных искусств,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: stt.stepanov2018@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике русского провинциального города в прозаических произведениях писателей-классиков XIX–XX веков. Отмечается, что в данном контексте широкую известность получила прежде всего негативная характеристика провинциального города. Выделяются классические произведения Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. М. Горького, И. А. Бунина, Е. И. Замятина, где провинциальный мир предстает как воплощение косности, ограниченности, меркантильности, многочисленных социальных пороков. Одновременно с этим можно выделить ряд классических произведений, в которых, напротив, провинциальный город характеризуется прежде всего положительно, воплощая покой, гармонию, особую красоту повседневности. Автор статьи останавливается на романах и автобиографической прозе И. А. Гончарова, произведениях А. П. Чехова, а также книге русского прозаика второй половины XX века В. А. Солоухина «Владимирские просёлки».

Ключевые слова: город, провинция, литература, проза, реализм, повседневность.

Для цитирования: Степанов С. А. Русский провинциальный город в классической реалистической прозе XIX – XX веков // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 103–112. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-103-112>

RUSSIAN PROVINCIAL CITY IN CLASSIC REALISTIC PROSE OF THE 19th AND 20th CENTURIES

Sergey A. Stepanov,
CSc in Cultural Studies, Associate Professor
at the Department of General Humanities,
Deputy Dean at the Faculty of Media

Communications and Audiovisual Arts,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: stt.stepanov2018@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the Russian provincial city in the prose works of classical writers of the 19th and 20th centuries. It is noted that in this context, the negative characteristics of the provincial city have gained widespread recognition. The classical works of Nikolai Gogol, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Maxim Gorky, Ivan Bunin, and Yevgeny Zamyatin stand out, where the provincial world is portrayed as a symbol of stagnation, narrow-mindedness, materialism, and numerous social vices. At the same time, there are a number of classical works in which, on the contrary, the provincial town is characterized primarily in a positive way, embodying peace, harmony, and the special beauty of everyday life. The author focuses on the novels and autobiographical prose of Ivan Goncharov, the works of Anton Chekhov, and the book «Vladimirskaya Proselka» by Vladimir Soloukhin, a Russian writer of the second half of the 20th century.

Keywords: city, province, literature, prose, realism, everyday life.

For citation: Stepanov S. A. Russian Provincial City in Classic Realistic Prose of the 19th and 20th Centuries. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 103–112. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-103-112>

Несомненный интерес для исследований в сфере русской литературы и в целом русской культуры представляет интерпретация писателями-классиками повседневного быта провинциального, губернского или уездного города. К данной проблематике достаточно много обращались лучшие прозаики-реалисты как XIX, так и XX веков. Следует отметить, что наиболее известны произведения, где провинциальный город представлен резко негативно. Обобщающий характер носят мысли, сформулированные в статье Н. А. Беловой «Концепт “Город” в современном литературоведении»: «Семиотика провинциального города наделяется следующими чертами: отсутствием движения времени, которое будто остановилось, дикостью нравов и анекдотичностью событий, сознанием ущербности, уязвимости уездной жизни» [1, с. 88]. Остановимся на конкретных примерах.

Н. В. Гоголь в знаменитой поэме в прозе «Мертвые души», название которой адресует в том числе к мертвым душам физически живых людей, демонстрирует это, показывая «мертвенность» повседневной жизни губернского города, где разворачивается действие произведения. Известно, что изначально писатель видел свою поэму состоящей из трех книг, каждая из которых соответствовала определённой части католического загробного мира: Ад, Чистилище, Рай. Однако полностью была завершена лишь первая книга. Мрачная «мертвенность» описанного в ней мира, подспудно ассоциирующегося с Адом, воплощена «в пустом и праздном существовании, отсутствии элементарных культуры и нравственности, повторяющихся деструктивных действиях – чинопочитании, воровстве, круговой поруке...» [6, с. 279].

Представленный в не менее знаменитой гротескной повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» город Глупов, населенный потомками племени головоотяпов, является, что хрестоматийно известно, микромоделью русской жизни, воплощением всего худшего, что в ней есть. Ранее, в цикле «Губернские очерки», ставшим литературным дебютом Салтыкова-Щедрина, молодой писатель характеризует мир провинциального города и в целом провинции как «мир зловоний и болотных испарений, мир сплетен и жирных кулебяк» [13, с. 57].

К уровню негативного обобщения, достигнутому в «Истории одного города», в начале XX века приблизился И. А. Бунин в повести «Деревня». Показанная Буниным деревня Дурновка символизирует то же, что и город Глупов М. Е. Салтыкова-Щедрина. Также выделим менее известное произведение первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе – повесть «Чаша жизни». Её действие разворачивается в уездном городе Стрелецке – «полустепном городишке, где только возле неуклюжего собора белеют каменные дома хлеботорговцев, а на окраинах – сплошь хибарки, нищета». Одна из ключевых мыслей повести заключается в том, что нищета материальная в глухом провинциальном городе сочетается с нищетой духовной, «чаша жизни», как утверждает один из главных героев, здесь, в грязи и убожестве, не может быть «драгоценной» [3, с. 241, 244].

Исследователи и критики нередко сопоставляют произведения писателей-классиков начала XX века, на первый взгляд имеющие достаточно мало общего: повесть А. М. Горького «Городок Окуров», роман Ф. К. Сологуба «Мелкий бес», ранние прозаические циклы Е. И. Замятина «Уездное» и «Алатырь». Объединяет указанные книги беспощадное обличение провинциальной действительности, обихода маленького провинциального города, в котором столь разные авторы видят прежде всего «грязь, хамство, жадность, лицемерие, скудоумие» [9, с. 97].

Однако несмотря на то, что хрестоматийную известность получили произведения, сурово обличающие жизнь провинции, провинциальный город, исключительно негативной трактовка данной проблематики классиками русской реалистической прозы не была. Одновременно с обличением можно увидеть и искреннее воспевание. Вновь обратимся к конкретным примерам.

Очень многим героям произведений А. П. Чехова, как объективно отметил в своих воспоминаниях о писателе В. И. Немирович-Данченко, свойственна «стонущая мечта вырваться из этих будней» [10, с. 31]. Тоскливыми буднями, в которых человек задыхается и медленно погибает, наполнена повседневная жизнь провинциального города. Это является сквозной проблематикой произведений А. П. Чехова, в том числе известных со школьной скамьи. Однако вновь процитируем В. И. Немировича-Данченко, выделившего в творчестве Чехова не только описание тоскливых будней, но также «сладкую тоску солнечного заката, мягкость и нежность красок и линий» [10, с. 33]. Мир провинци-

ального города, воплощающий разрушительную тоску, сложные социальные проблемы, к которым также много обращался Чехов, одновременно с этим наполнен поэзией. В данном контексте показателен отрывок из небольшой лирической повести «Степь»: «За острогом промелькнули черные, закопченные кузницы, за ними уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой из булыжника; из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами. Когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море; а когда она спеет, белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками» [14, с. 9].

Скромная красота и поэзия провинциального города были блестяще воспиты крупнейшим русским прозаиком, «рыцарем русского романа» [6, с. 397] Иваном Александровичем Гончаровым (1812–1891). Родившийся и выросший в Симбирске, будущий писатель в ранней юности навсегда поселился в Санкт-Петербурге. Причём столичный город, в котором было суждено провести всю последующую достаточно долгую жизнь, Гончарову сначала не понравился. Согласно сохранившимся свидетельствам, на молодого провинциала негативное впечатление произвела столичная суета, чрезмерно ускоренный темп жизни. По наблюдениям Гончарова, даже богослужения в петербургских храмах совершались быстрее, чем в Симбирске и в Москве, где будущий писатель учился в университете. Неестественно, «механически» быстро текла даже река Нева. Наблюдательному, наделенному воображением молодому человеку долгое время казалось, что за городом помещён сложный механизм, искусственно толкающий невские воды к центру города [8, с. 53–54]. Сквозным сюжетом для произведений И. А. Гончарова стала история непростых взаимоотношений юного провинциала с сухим, деловитым, суетным столичным укладом. Провинциальный юноша либо «перемалывается» столицей, как Александр Адуев из первого классического романа писателя «Обыкновенная история», либо фактически погибает, как Илья Ильич Обломов.

Если столичная жизнь наполнена чрезмерной суетой, то повседневность провинциального города, на первый взгляд, производит впечатление крайней апатии, погруженности в некую нескончаемую полудрёму. В очерке «На родине» И. А. Гончаров подробно описывает родной Симбирск, напоминая, что в XIX веке, несмотря на статус губернского города, большую деревню. Обратимся к мыслям известного исследователя русской материальной и бытовой культуры Л. В. Беловинского. В монографии «Жизнь русского обывателя. На шумных улицах градских» исследователь говорит о сформировавшемся в XX–XXI веках стереотипном восприятии города и деревни. Мир города – «громады многоэтажных жилых и общественных зданий, асфальт шумных улиц, заполненных транспортом и пешеходами, сутолока, грязный воздух, множество мелких и крупных предприятий» [2]. Деревенская жизнь – «тишина, чистый воздух, поросшие травой улицы, маленькие бревенчатые домишки

с садами и огородами» [2]. Однако выделенное, как подчёркивает Л. В. Беловинский, – реалии современности, «индустриальной и постиндустриальной эпохи» [2]. В XIX веке повседневный уклад среднестатистического провинциального города в большей степени соответствовал современным представлениям о сельской жизни.

Иллюстрацией приведенных мыслей является в том числе описание И. А. Гончаровым Симбирска. Вернувшись в родной город после успешного окончания Московского университета, будущий писатель увидел картину «сна и застоя»: «Те же, большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки, с мезонинами, с садиками, иногда с колоннами, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, бесконечные заборы; те же деревянные тротуары, с недостающими досками, та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли. Вся улица слышит, когда за версту едет телега или стучит сапогами по мосткам прохожий» [4, с. 36–37].

Один из персонажей произведений И. А. Гончарова, как и сам автор, после долгих лет жизни в столице побывавший в родном провинциальном городе, ощущает почти кладбищенский покой: «Над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города. Он не то умер, не то уснул или задумался. Растворенные окна зияли, как разверстые, но не говорящие уста; нет дыхания, не бьется пульс. Куда же убежала жизнь? Где глаза и язык у этого лежащего тела? Всё пестро, зелено, и всё молчит» [5, с. 289].

В условиях провинциальной жизни человек невольно впадает в инертное состояние, определяемое как «обломовщина»: «Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или попадающие на улице лица. «Нам нечего делать! – зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас, – мы не торопимся, живем – хлеб жуем да небо коптим!» [4, с. 37].

Однако провинциальная повседневность отнюдь не исчерпывается состоянием «летаргического сна», порождающего деструктивную и разрушительную «обломовщину». Покой и размеренность сочетаются с гармонией и поэзией, что можно увидеть в том числе в приведённых отрывках. Отвергая чрезмерно яркое, необычное, видя, например, в шторме на море «безобразия и беспорядок» [8, с. 86], писатель блестяще поэтизирует обыденную жизнь.

Кардинально важно, что кажущиеся инфантильными провинциалы нередко внутренне много выше и достойнее «дельных» петербуржцев: «Здесь не было ни в ком претензии казаться чем-нибудь другим, лучше, выше, умнее, нравственнее; а между тем на самом деле оно было выше, нравственнее, нежели казалось, и едва ли не умнее. Там, в куче людей с развитыми понятиями, бьются из того, чтобы быть проще, и не умеют; здесь, не думая о том, все просто, никто не лез из кожи подделаться под простоту» [5, с. 297].

В отечественной литературе последних советских десятилетий к провинциальной проблематике много обращались писатели, принадлежавшие к так называемому почвенническому лагерю. Позднесоветские «почвенники» подспудно стремились к возвращению к традиционным началам национальной культуры. Одна из наиболее ярких фигур литературного почвенничества – прозаик, поэт и публицист Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997). Его нередко относят к направлению, определяемому исследователями и критиками как деревенская проза. Однако исключительно проблемами сельской жизни творчество В. Солоухина не ограничивалось.

Первое заметное произведение писателя – книга «Владимирские просёлки», впервые опубликованная в 1958 году. В. Солоухин ярко и увлекательно описывает продолжительное пешее путешествие по своим родным местам – Владимирскому ополью (северо-запад Владимирской области). Замысел такого путешествия, как рассказывается в первой главе, формировался достаточно долго. Автор, являвшийся в 50-е годы XX века корреспондентом популярного журнала «Огонёк», неожиданно открыл для себя, что, посетив благодаря своим журналистским командировкам очень многие уголки Советского Союза, несколько раз побывав за границей, свою малую родину практически не знает. Коллеги-журналисты, побывавшие во Владимирской области, постоянно делились восторженными впечатлениями с её уроженцем, в основном ничего не знавшем об описываемых ими местах, в том числе и о тех, что располагались неподалёку от его родного села Алепино: «Тут уж я не только что краснел – провалиться готов был на этом месте. Ну ладно, что в Камешках не бывал, а тут не знаешь, что Юрьев-Польский на той же Колокше стоит, что течет в шести верстах от твоего родного порога. Да и до Юрьева самого едва ли тридцать верст. А ведь не был вот, не видал, не знаешь. По разным Заполярьям, Балканам да Адриатическим морям разъезжаешь, а родная земля совсем в забросе. Другие люди тебе о ее красоте рассказывают» [12, с. 17].

В итоге в душе писателя и журналиста сформировалось некое чувство вины и долга перед малой родиной, побуждающее ее по-настоящему узнать и рассказать о ней другим: «Так постепенно возникла и росла хорошая ревность, а вместе с тем осознавался моральный долг перед Владимирской землей, красивее которой (это всегда я знал твердо) нет на свете, потому что нет земли роднее её» [12, с. 19].

Критик и публицист Михаил Лобанов, что примечательно, также принадлежавший к кругу литераторов-почвенников, противопоставлявший псевдоинтеллигентным «просвещенным мещанам» из столичных городов скромных и цельных сельских жителей, увидел книгу «Владимирские просёлки» «только записками туриста, хотя и о "родном крае"» [7, с. 358]. Однако приведенная оценка достаточно категорична и субъективна. Владимир Солоухин говорит об Ополье ярко, увлекательно и одновременно пронзительно.

Блестящее лирическое повествование сочетается с правдивым и смелым описанием многочисленных социально-экономических проблем. Большинство писателей, отнесенных к «деревенской» прозе, обращались почти исключительно к хорошо известной и близкой им сельской жизни; действие произведений чаще всего разворачивалось в родных селениях авторов, благодаря чему критики нередко упрекали «деревенщиков» в «местничестве», в том, что они «ничего не видят дальше родной околицы» [11, с. 253–254]. В. Солоухин, как уже отмечалось, описанием родного села и похожих на него населённых пунктов не ограничивается, не меньше внимания уделяет городам-райцентрам – аналогам дореволюционных уездных городов.

Один из многочисленных райцентров Владимирской области – небольшой, но ярко проявивший себя в русской истории город Юрьев-Польский, считающийся неофициальной столицей Ополя. Он был посещён В. Солоухиным в начале путешествия. Делясь с читателями впечатлениями, писатель-путешественник останавливается в том числе и на бытовых неурядицах. Здесь выделяется городское радио. С одной стороны, в описываемое в книге время радио для жителей сельских населённых пунктов и маленьких городов было фактически «окном в большой мир». Однако в Юрьеве-Польском громкое вещание главной городской радиоточки, расположенной на центральной площади, продолжается почти круглые сутки. Это доставляет жителям окрестных домов большие неудобства: «В центре Юрьева жить практически невозможно! Чудо современной техники, огромный, окрашенный в серебристую краску, поднятый высоко над самыми высокими зданиями, вещал репродуктор. Трансляция велась на таком усилении, что никакие стены не в силах были остановить напор, лавину, стихию звуков. Каждое словечко, каждый оттенок в интонациях диктора различался в помещении так же четко, как если бы репродуктор висел рядом в комнате» [12, с. 147]. Вещание всесоюзной радиостанции продолжалось до позднего вечера, когда большинство горожан, которым предстоял новый рабочий день, уже спали: «Сначала мы думали, что радио будет орать часов до восьми. Потом скрепя сердце перенесли этот срок на десять, но оно орало ровно до полночи, заставив нас слушать и передачу для работников сельского хозяйства, и передачу для шахтеров (то-то их много в Юрьеве-Польском!), и письма родных на Северный полюс, и хор Пятницкого, и оперетту» [12, с. 148].

С искренней болью В. Солоухин, наделенный особым чувством природы, говорит об экологических проблемах, в 50-е годы XX века уже достаточно актуальных. Одна из самых болезненных – отравление рек отходами, сбрасываемыми туда крупными промышленными предприятиями. Показана красильная фабрика в Юрьеве-Польском, а также крупный завод в другом владимирском райцентре – Кольчугино. Писатель-путешественник, страстно увлекавшийся рыбной ловлей в течение всей своей жизни, мечтавший написать нечто близкое к «Запискам об ужении рыбы» С. Т. Аксакова, оказавшись вблизи очередного

владимирского водоёма, сразу же расспрашивал местных о рыбалке. На берегу речки Пекши довелось услышать следующее: «Что вы, нет ни одной рыбины! Кольчугино в верхах стоит – вся рыба передохла» [12, с. 162]. Причиной экологической катастрофы стало то, что ядовитая кислота, используемая на кольчугинском заводе, сбрасывается в речку Пекшу. Вследствие этого «не только рыба, ни одна инфузория устоять не может. Собственное подсобное хозяйство поливать нельзя. Гибнет все: и капуста, и морковь, и лук. Да и сама территория завода заражена. Ливневые воды текут в реку и несут и нефть и черт-те чего!» [12, с. 162–163]. На вопрос о принимаемых мерах писатель получил горький ответ: «Конечно, принимаем меры. Добрались того, что кислоту в Пекшу спускаем только пять раз в год. Это большое достижение» [12, с. 163].

На красильной фабрике, функционирующей в Юрьеве-Польском, грязная вода, сбрасываемая в речку Колокшу, фильтруется, сброс осуществляется после достижения «прозрачности в восемь сантиметров». Но когда московский литератор захотел выпить «очищенной» воды, работники фабрики ему категорически запретили, поскольку вода «прозрачностью в восемь сантиметров» – чистый яд. В. Солоухин с горечью резюмирует: «Мы спим, занимаемся своими делами, а в это время и день и ночь сотни тысяч ядовитых потоков беспрерывно хлещут в светлые рыбные реки, убивают всякую жизнь. Неужели так и будет продолжаться это преступное безобразие?» [12, с. 154].

Однако отмеченные проблемы и недостатки не являются для путевых заметок В. А. Солоухина первостепенной проблематикой. Писатель-путешественник прежде всего стремится показать красоту малой родины, в том числе и городов-райцентров, многие из которых, как, в частности, Юрьев-Польский, являются памятниками истории. Описывая первое впечатление, В. Солоухин не скрывает восторг: «Белые церковки Юрьева мы увидели вписанными в загустевшую синеву, от этого белизна их казалась неестественно яркой. Мы остановились на минуту на холме, с которого древний и деревянный городок открылся во всех подробностях, как бы положенный на дно глубокого ярко-зеленого блюда». В маленьком старинном городке и в середине XX века сохраняется патриархальный покой, выгодно отличающий его от столичных городов: «Автомобилей мало, толкучки на улицах нет, трамваи не дребезжат..» [12, с. 145–146].

К Владимирскому ополью также относится Суздаль – знаменитый город-заповедник, позже вошедший во всемирно известное «Золотое кольцо России». На страницах «Владимирских просёлков» легендарный город в середине XX века, как и столетием ранее описываемые И. А. Гончаровым провинциальные городки, напоминает большую деревню. И вновь это ассоциируется не с захолустностью, а с красотой, поэзией и покоем: «Без фабричных труб, без железной дороги, без больших городских зданий – затерялся Суздаль среди хлебов Владимирского ополья. Выглядывают изо ржи башенки да купола церквей. Хлеба окружили город, подступив к крайним домам, как это бывает

на деревенских околицах. А луга, устремившись вслед за рекой Каменкой, прорвались к самому центру города. В стороне от главной улицы то и дело попадаются улочки, совершенно заросшие травой. Там, где должны быть тротуары, вьется узкая тропиночка, а так кругом зелень да зелень» [12, с. 171]. Повседневная жизнь в советском райцентре практически так же медленна и размеренна, наполнена покоем, как и в XIX веке: «Смотришь вдоль такой улочки, а она пуста – ни тебе прохожих, ни тебе автомобилей! Вот выбежали двое детей, играют, кувыркаются в траве на самой середине улицы, на самой, что называется, проезжей ее части» [12, с. 171]. Уникальный городской пейзаж формируется благодаря сохранившейся в условиях советского атеизма и антиклерикализма православной архитектуре, традиционному украшению частных жилых домов, обилию цветов и зелени: «Недалеким концом своим улочка упирается, как правило, или в монастырскую стену, или в церковь. Поэтому остается от нее впечатление тихого, уютного тупичка. На окнах домов – резные наличники, на подоконниках – цветы, цветы, цветы. Почти у каждого дома есть свой огород и сад, а перед окнами еще и палисадник, похожий на корзину, полную сирени» [12, с. 172].

Последним городком-райцентром, который посетил В. А. Солоухин во время пешего путешествия по Владимирскому ополью, стали Вязники, расположенные на берегу реки Клязьмы. В настоящее время город достаточно известен благодаря ежегодно проводящемуся там в течение нескольких десятилетий Всероссийскому празднику песни и поэзии, посвященному памяти уроженца Вязников – знаменитого поэта-песенника Алексея Фатьянова. Фатьяновский Праздник песни, в котором принимают участие многие известные мастера культуры, широко освещается в медиа. В середине 50-х годов XX века, ещё при жизни А. И. Фатьянова, Вязники – ничем не примечательный провинциальный райцентр, построенный по типовому советскому образцу: «В центральной части своей Вязники ничем не отличаются от других подобных ему городов. Гостиница "Свет", чайная рядом с гостиницей, поодаль – городская столовая, несколько кинотеатров, краеведческий музей, автобусная станция, у которой собираются запыленные загородные автобусы и грузовики со скамейками в кузове» [12, с. 287].

Однако спустя немного времени становится невозможным не заметить тихую красоту местного пейзажа. Городок одновременно чем-то похож на другие владимирские райцентры, описанные Солоухиным ранее, и в то же время имеет свое «неповторимое лицо»: «Там, где кончается Пролетарская улица, сворачивает направо тропа. Она поведет вас в прогалок между двумя частокколами, возле которых буйно разрослась сорная трава, а за которыми не менее буйно зеленеют сады. Старинные вязы будут попадаться вам на пути. Все шире и шире будут открываться перед вами заклязьминские дали, ее привольная пойма, и, наконец, вы увидите далекую синюю полоску начинающегося там Ярополчского бора. Когда же тропинка приведет вас наверх

(на Больничную улицу), нужно еще пройти немного прямо, и вы подойдете к глубокой пропасти, у подножья которой уютятся дома. От тех домов местность довольно круто поднимается, уходя вдаль, так что ту часть города вы смотрите как бы сверху, с самолета. Переплетение тихих деревянных улочек, зеленеющих травой и садами, очаровательно» [12, с. 289].

В заключение вновь отметим неоднозначность восприятия классиками русской реалистической прозы как XIX, так и XX века провинциального города. Хрестоматийную известность получили прежде всего те произведения, на страницах которых повседневная жизнь удалённого провинциального города представлена негативно, является воплощением косности, примитивности, меркантильности, корыстности, бездуховности и бытовой необустроенности. Однако одновременно с этим можно выделить ряд классических художественных произведений, где провинциальная повседневность, в том числе городская, блестяще поэтизируется. Провинциальный губернский или уездный город времён Российской империи и пришедший ему на смену советский райцентр здесь становятся воплощением покоя, здоровой простоты, естественности, верности исконным традициям и особой красоты.

Список литературы

1. *Белова Н. А.* Концепт «Город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. № 1. С. 87–91.
2. *Беловинский Л. В.* Жизнь русского обывателя. На шумных улицах градских / URL: <https://www.litres.ru/book/leonid-belovinskiy/zhizn-russkogo-obyvatelya-na-shumnyh-ulicah-gradskih-17097287/chitat-onlayn/>
3. *Бунин И. А.* Чаша жизни. Повести и рассказы. Москва: Правда, 1982. 576 с.
4. *Гончаров И. А.* На родине // Библиотека художественной публицистики. Москва: Советская Россия, 1987. 400 с.
5. *Гончаров И. А.* Обрыв. Москва: Правда, 1988. 768 с.
6. *Кулешов В. И.* История русской литературы XIX века. Москва: Академический проект, 2005. 800 с.
7. *Лобанов М. П.* Твердыня духа. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. 1024 с.
8. *Лоциц Ю. М.* Гончаров. Москва: Молодая гвардия, 1977. 349 с.
9. *Михайлов О. Н.* Страницы русского реализма: заметки о русской литературе XX века. Москва: Современник, 1982. 288 с.
10. *Немирович-Данченко В. И.* Из прошлого. Москва: Кукушка, 2003. 348 с.
11. *Рассадин С. Б.* Советская литература. Победенные победители. Москва: Инапресс, 2006. 363 с.
12. *Солоухин В. А.* Владимирские проселки. Москва: Молодая гвардия, 1958. 304 с.
13. *Турков А. М.* Салтыков-Щедрин. Москва: Молодая гвардия, 1964, 367 с.
14. *Чехов А. П.* Степь. Москва: Современник, 1989. 52 с.

ЖИВОЙ ЯЗЫК НАРОДА – ОТРАЖЕНИЕ ЕГО МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 81

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-113-119>

Мирослава Кузьминична ШЕЙНА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры общегуманитарных дисциплин,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: inyaz-mguki@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает нормы русского языка с позиций современного употребления, анализирует правомерное и неправомерное использование заимствованной, а также сниженной, просторечной и обценной лексики, уделяет значительное внимание историческим истокам нормативности и ее стилистическому разнообразию, приводит примеры нормативного и ненормативного употребления лексики и языковых конструкций. Автор кратко формулирует ряд необходимых требований, выполнение которых может обеспечить общающимся не только грамотную речь, но и культуру общения. В статье подчеркивается необходимость личной языковой ответственности каждого члена общества, от которой в значительной мере зависит сохранение и приумножение культурного богатства нашей страны. Автор приходит к выводу, что именно качество языковой среды в первую очередь свидетельствует о духовном здоровье общества.

Ключевые слова: культура, молодежный сленг, стили речи, коммуникативные функции, популярность, требования, эффективное общение.

Для цитирования: Шейна М. К. Живой язык народа – отражение его материальной и духовной культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 113–119. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-113-119>

THE LIVING LANGUAGE OF A PEOPLE IS A REFLECTION OF ITS MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Miroslava K. Sheina,

CSc in Philology, Associate Professor
at the Department of General Humanities,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: inyaz-mguki@yandex.ru

Abstract. The author examines the norms of the Russian language from the perspective of modern usage, analyzes the legitimate and illegitimate use of borrowed, debased, colloquial, and obscene vocabulary, devotes considerable attention to the historical origins

of normatively and its stylistic diversity, and provides examples of the normative and non-normative use of vocabulary and linguistic structures. The author briefly formulates a number of necessary requirements, the fulfillment of which can ensure not only literate speech but also a culture of communication. The article emphasizes the need for personal linguistic responsibility for each member of society, on which the preservation and enhancement of our country's cultural wealth largely depends. The author concludes that the quality of the linguistic environment primarily indicates the spiritual health of society.

Keywords: culture, youth slang, speech styles, communicative functions, popularity, demands, effective communication.

For citation: Sheina M. K. The Living Language of a People is a Reflection of its Material and Spiritual Culture. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 113–119. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-113-119>

Умение наиболее эффективным образом использовать коммуникативные функции языка образует то, что называют культурой речи. Культура речи – оценочное понятие: оно характеризует степень, в которой человек владеет языком и способен реализовать его выразительные возможности для того, чтобы придать своей речи форму, соответствующую ее содержанию и целям. Культуру речи можно определить двумя основными факторами:

- 1) соблюдением общепринятых языковых норм;
- 2) особенностями индивидуального стиля речи [8, с. 168].

Общепринятые языковые нормы – это вошедшие в традицию, закреплённые в литературных образцах, словарях, учебниках правила грамматики, стилистики, орфоэпии, словоупотребления и словообразования. Культурная речь должна быть «правильной», «грамотной», «литературной», то есть удовлетворять этим нормам. Однако в реальной жизни разговорная речь далеко не всегда соответствует им. Существуют разнообразные формы отклонений от «правильной» речи [4, с. 124].

Просторечие – «неграмотная» речь, в которой допускаются ошибки в произношении слов, построении фраз и так далее. Ошибки такого рода нередко получают широкое распространение и становятся стандартами низкой культуры речи («ложить» вместо «класть», «кто крайний?» вместо «кто последний?» и прочее).

Жаргоны, имеющие хождение в какой-либо специальной среде, характеризуются главным образом специфической лексикой. Известны, например, студенческий жаргон, профессиональные жаргоны (музыкальный, военный, бюрократический и другие), «блатной» или «воровской» жаргон, используемый в уголовной среде (его называют также *арго*). Широкое распространение имеет молодежный жаргон (или *сленг*) – слой разговорной лексики, состоящий из «модных» словечек, которые быстро приобретают и столь же быстро теряют популярность среди молодежи («клево», «балдеть», «нормально» вместо «хорошо», «бабки»

вместо «деньги» и тому подобное). Эта лексика большей частью имеет эмоциональную окраску и направлена преимущественно на выражение грубовато-фамильярного отношения к тому, о чем идет речь. Молодежный сленг – своеобразная словесная игра, за которой скрывается стремление отделиться от мира взрослых, подчеркнуть свою самостоятельность и независимость, продемонстрировать свое превосходство над старшим поколением в понимании жизни.

Диалекты, говоры и наречия – разновидности национального языка, которые исторически сложились в каком-то регионе и отличаются особенностями звукового строя, словообразования, построения фраз. Эти особенности обычно не настолько велики, чтобы мешать понять диалектную речь. Но на фоне правильной речи они выступают как отклонение от нормы.

В России еще М. В. Ломоносовым были выделены три «главных российских диалекта» – московский, северный, украинский. Литературной нормой стал московский диалект. Но различия между указанными диалектами сохранились и в наше время. Характерные особенности речи и местные слова постоянно можно слышать в современной живой русской речи. Москвичи произносят «ч» как «ш» («што», «конешно»), тогда как петербуржцы четко выговаривают его («что», «конечно»). Вологодцы «окают», в южнорусском говоре звучит мягкое «г», близкое к «х». Существуют и специфические признаки произношения у некоторых социальных групп: например, протяжное «о» в речи православного духовенства.

Нормы живого языка не могут быть жесткими и раз навсегда данными. Они неизбежно претерпевают изменения в ходе развития языка. Поэтому вряд ли можно оправдать языковой пуризм – стремление во что бы то ни стало сохранить «чистоту языка» и устранить из него всякие жаргонные новообразования, иностранные заимствования, диалектизмы, элементы просторечия [5, с. 109]. Многие из того, что вначале воспринимается как отклонение от нормы, постепенно приживается в языке и становится «нормальным». Однако столь же неоправданно и антинормализаторство – оправдание любых нарушений сложившихся языковых норм. Оно опасно тем, что ухудшает коммуникативные качества языка и грозит разрушить его системность, цельность, упорядоченность. Культура речи предполагает «чувство языка», основанное на владении существующими нормами литературного языка и в то же время позволяющим избегать крайности пуризма.

Нормы литературного языка варьируются в зависимости от стиля и жанра речи. Свои специфические нормы существуют в сфере официально-делового общения, в научно-технических текстах, в средствах массовой информации, в устных публичных выступлениях, в бытовой разговорной речи. Например, врач на лекции в медицинском институте в выступлении перед коллегами говорит: «Внутримышечные инъекции пенициллина не привели к улучшению состояния пациента». Об этом же он в частной беседе

может сказать: «Пробовали пенициллин – не помогло». Оба варианта соответствуют литературным нормам.

Индивидуальный стиль речи характеризуется свойственными данному индивиду предпочтениями в использовании тех или иных средств языка, его манерой изложения мыслей и построения своих высказываний, набором излюбленных слов и выражений, ритмикой, фонетикой и так далее. Если следование нормам литературного языка обеспечивает правильность речи, то совершенствование индивидуального стиля ведет к речевому мастерству, к развитию искусства речи. Безукоризненно правильная речь, не несущая в себе никакого отпечатка авторской индивидуальности, воспринимается как «книжная» и порой кажется неестественной, «слишком гладкой» и скучноватой [1, 35–79]. Высокая культура речи предполагает не только ее правильность, но и умение выбрать наиболее эффективное в смысловом, экспрессивном и импрессивном отношении уместные для данной ситуации языковые средства. Такое умение и есть подлинное искусство речи.

Можно сформулировать ряд простых требований к стилю речи, выполнение которых, как правило, является необходимым (но недостаточным) условием речевого мастерства:

- говорите ясно и понятно для слушателей;
- говорите настолько кратко, насколько это возможно без ущерба для ясности и понятности;
- выбирайте наиболее яркие и эмоционально выразительные средства оформления своих мыслей;
- не старайтесь, чтобы слушатели согласились с вами во всем;
- делайте паузы, чтобы собраться с мыслями, привлечь внимание слушателей на важные моменты, дать им возможность обдумать сказанное;
- старайтесь держать под контролем реакцию слушателей и учитывать ее.

Невыполнение таких требований – признак недостаточной культуры речи. Типичным следствием отступления от них является, например, наукообразно усложненное изложение сути дела. Когда видный специалист по сельскому хозяйству, выступая перед слушателями, говорит: «Конечные продукты переработки питательных веществ, прошедшие через пищеварительный тракт животного, ассимилируют в себе большую энергию, которая с успехом может быть использована для выращивания всех сельскохозяйственных культур», – то трудно упрекнуть его в нарушении норм грамотной речи. Но эта маловразумительная фраза на самом деле имеет очень простой смысл: «Навоз – хорошее удобрение». Очевидно, что избранный им способ донесения своей мысли до слушателей явно неудачен. Нередко тех, кто способен говорить лишь привычными словесными штампами, яркость, эмоциональность, оригинальность стиля изложения даже пугает.

«Культура речи, – писал К. Чуковский, – неотделима от общей культуры. Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество интеллек-

та. Мало добиться, чтобы люди не говорили “выбора” или “мне ндравится”. Иной пишет и говорит без ошибок, но какой у него бедный словарь, какие замусоленные фразы! Какая худосочная душевная жизнь сказывается в тех заплесневелых шаблонах, из которых состоит его речь!» [10, с. 195].

Все вышесказанное можно отнести и к нашему времени.

В наши дни для значительной части молодежи – в том числе и студенческой – характерны бедность лексики, неграмотное построение фраз (особенно с придаточными предложениями), неумение четко сформулировать основные тезисы и развернуть их логическую аргументацию. Муки, в которых рождается речь, выливаются наружу в виде обилия слов-паразитов, разного «эканья», «нуканья» и прочего звукового мусора, облепляющего подчас чуть ли не каждое осмысленное слово.

Существенным моментом молодежного сленга является обилие в нем слов с расплывчатым, неопределенным значением. За этим скрывается желание сделать свою речь малопонятной для посторонних, для старших – тех, кто не знает обстоятельств, деталей, частных, позволяющих уловить, что они в данном конкретном случае означают. «Свои» (приятели) поймут, а кто не поймет, тот «чужой», ему и не надо понимать. В результате речь становится насыщенной подтекстом, для понимания которого необходимы добавочные намеки с помощью жестов, мимики, особой артикуляции и интонации. Может показаться, что наличие большого подтекста должно обогащать речь. Но на самом деле это не так: перенесение значительной части содержания в подтекст, наоборот, обедняет ее. Становится ненужным стремиться к точности подбора слов, к расширению словарного запаса, можно сколько угодно неряшливо оформлять свои высказывания и довольствоваться любым случайным словом: его смысл не важен, в него можно вложить любой смысл, потому что «свой» должен ориентироваться не столько на слова, сколько на скрытый за ними контекст. Отсюда частое «понял?» помогает привлечь внимание слушателя к тому или иному невысказанному смыслу. Однако надежда, что слушатели разберутся в неявном содержании речи, оправдывается далеко не всегда, и когда разговор выходит за рамки обычных тем, взаимопонимания достигнуть трудно. Собеседники говорят каждый о своем, плохо, а то и совсем не понимая друг друга. Поэтому разговор на сленге часто превращается в пустую болтовню ни о чем.

Настоящим бедствием современной молодежной речи являются нецензурные выражения. Они представляют собою одну из форм *инвективы* (от латинского *invectiva oratio* – бранная речь). Существуют различные взгляды на происхождение инвектив. Но, несомненно, первоначальная и основная цель, ради которой люди стали обращаться к ним, были связаны с желанием выразить свои негативные чувства и нанести адресату моральный ущерб, душевную рану.

Однако в настоящее время сквернословие в значительной мере утратило свое первоначальное значение. Когда чуть ли не каждое второе или третье слово в приятельском разговоре, в рассказе о чем-то является матерным, но при этом их непристойный смысл не имеет никакого значения ни для того, кто его произносит, ни для того, кто его слушает, к ним обращаются не с целью обругать, унижить, нанести оскорбление. Они либо вообще ничего не означают и выполняют роль лишь бессмысленного звукосочетания, заполняющего паузы, либо могут означать практически все, что угодно, – как «хо-хо» у Элочки-людоедки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Чаще всего они служат своего рода «клапанами» для выпуска эмоций или же заменяют собою другие (нормальные, осмысленные слова), которые говорящий просто не в состоянии найти.

Нецензурные выражения достаются в наследство юным поколениям от их отцов и дедов и не составляют специфики молодежного сленга. Но всякий сленг должен содержать в себе слова, обозначающие то, о чем желательно говорить только со «своими», избегая «чужих». Такие слова образуют его специфическую лексику. Часто ее составляют новообразованные, «придуманные» слова, полученные путем сокращения известных слов. Например: шизик (шизофреник), напряг (напряжение, трудовое усилие), треп (трепотня, пустая болтовня). Однако таких слов сравнительно немного. Большая часть сленговой лексики – это общеупотребительные слова русского языка, которым придается другой смысл. Источниками лексики молодежного сленга служат жаргоны и диалекты, а также заимствования из иностранного языка. Нередко использование иностранных слов режет слух, но если подходящего русского слова для обозначения какой-то реалии не находится, то иностранное обозначение ее постепенно входит в употребление и «русифицируется». Остановить этот процесс невозможно. Многие иностранные слова, особенно научные термины, привились в русском языке и обогатили его. Даже такое неблагозвучное слово для русского языка как *компьютер* вытеснило русское «электронно-вычислительная машина» и аббревиатуру ЭВМ. Однако никак нельзя оправдать стремление заменять существующие русские слова совершенно тождественными по смыслу иностранными дубликатами. Но именно это и происходит в современном молодежном сленге. Действительно, знать иностранный язык полезно и престижно. Но безудержное засорение речи, например, «англицизмами» – это просто варварское коверканье и русского и английского языка, которое не имеет ничего общего с подлинным владением как тем, так и другим.

Итак, наш современник, свободный и раскрепощенный в своей речи, не должен забывать о языковой ответственности: именно с помощью языка передаются культурные и интеллектуальные богатства из поколения в поколение, именно хорошее владение родным языком дает личности возможность полно реализовать себя в профессии и в творчестве. Качество языковой среды свидетельствует о духовном здоровье общества.

Список литературы

1. *Ващенко Е. Д.* Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 349 с.
2. *Введенская Л. А.* Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 382 с.
3. *Введенская Л. А.* Словарь ударений. Для работников радио и телевидения. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 376 с.
4. *Вербицкая Л. И.* Давайте говорить правильно. Москва: Высшая школа, 2003. 238 с.
5. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка: учебное пособие для вузов. 9-е изд. Москва: Айрис-пресс, 2007. 442 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. Москва: Большая российская энциклопедия, 2002. 709 с.
7. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. Москва: АСТ, 2015. 1375 с.
8. *Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А.* Современный русский язык. Москва: Айрис-пресс, 2022. 443 с.
9. *Черняк В. Д.* Русский язык и культура речи. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2026. 389 с.
10. *Чуковский К. И.* Живой как жизнь. О русском языке. Москва: АСТ, 2024. 240 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

СООТВЕТСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)

УДК 005.8:008

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-120-133>

Ника Сергеевна МАСЛОВА,

магистрант,

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: Nikmaslova@gmail.com

Екатерина Леонидовна КУДРИНА,

доктор педагогических наук,

заслуженный работник культуры Российской Федерации;
директор Научного центра Российской академии образования
на базе Московского государственного института культуры;
профессор кафедры педагогической теории и практики
социально-культурной деятельности,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kudrina_1955@mail.ru

Аннотация. Обоснование актуальности исследования связано с необходимостью повышения эффективности государственного управления в культурной сфере через внедрение проектного подхода. В статье проводится теоретический анализ соответствия нормативно-правовой базы проектного управления, сложившейся в Республике Северная Осетия-Алания, требованиям национальных и международных стандартов. Цель исследования состоит в выявлении степени интеграции региональных нормативных документов в национальную систему стандартов проектного менеджмента и определении точек их сопоставления с международной практикой. Методологической основой послужил сравнительно-правовой анализ Указа Главы РСО-Алания № 140, национальных стандартов ГОСТ Р 54869–54871 и международного стандарта ISO 21500 с учетом его актуальной регистрации,

принятой в Российской Федерации как ГОСТ Р ИСО 21500–2023. Результаты показывают, что региональный указ соответствует методологии национальных стандартов, использует унифицированную терминологию и закрепляет институциональную структуру управления проектами с учетом региональной административной специфики. Особое внимание уделено этапам инициации и отбора проектов, что отражает особенности бюджетного планирования субъекта Федерации. Несмотря на отсутствие прямых отсылок к международному стандарту, основные принципы регионального регулирования находятся в согласии с подходами ISO 21500. В заключении отмечается, что в РСО-Алания сформирована целостная нормативная база для проектной деятельности, интегрированная в национальную систему стандартов. Рекомендовано использовать Указ № 140 для инициации проектов в культурной сфере, стандарты ГОСТ Р для детального планирования и реализации, а также – концептуальные положения ISO 21500 для оценки социально-экономической эффективности культурных инициатив.

Ключевые слова: проектное управление, государственное управление в сфере культуры, региональная нормативная база, национальные стандарты (ГОСТ Р), международные стандарты (ISO 21500), анализ стандартов.

Для цитирования: Маслова Н. С., Кудрина Е. Л. Соответствие региональных стандартов проектного управления в сфере культуры национальным и международным стандартам (на примере Республики Северная Осетия-Алания) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. № 2 (61). С. 120–133. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-120-133>

CONFORMITY OF REGIONAL PROJECT MANAGEMENT STANDARDS IN THE SPHERE OF CULTURE WITH NATIONAL AND INTERNATIONAL STANDARDS (USING THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA AS AN EXAMPLE)

Nika S. Maslova,

Undergraduate student,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: Nikmaslova@gmail.com

Ekaterina L. Kudrina,

DSc in Pedagogy, Honorary Worker of Culture of Russian Federation, Director of the Scientific Center of the Russian Academy of Education based at the Moscow State Institute of Culture; Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kudrina_1955@mail.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the need to improve the effectiveness of public administration in the cultural sector through the implementation of a project-based approach. This article provides a theoretical analysis of the compliance of the project management regulatory framework established in the Republic of North Ossetia-Alania with national and international standards. The purpose of the study is to determine the degree of integration of regional regulatory documents into the national system of project management standards and identify points of comparison with international practice. The methodological basis of this study was a comparative legal analysis of Decree No.

140 of the Head of the Republic of North Ossetia-Alania, national standards GOST R 54869–54871, and the international standard ISO 21500, taking into account its current registration, adopted in the Russian Federation as GOST R ISO 21500-2023. The results demonstrate that the regional decree complies with the methodology of national standards, uses standardized terminology, and establishes an institutional project management structure that takes into account regional administrative specifics. Particular attention is paid to the project initiation and selection stages, reflecting the specifics of budget planning in the constituent entity of the Russian Federation. Despite the lack of direct references to the international standard, the core principles of regional regulation are consistent with the approaches of ISO 21500. The conclusion notes that the Republic of North Ossetia-Alania has developed a comprehensive regulatory framework for project activities, integrated into the national standards system. It recommends using Decree No. 140 for initiating cultural projects, GOST R standards for detailed planning and implementation, and the conceptual provisions of ISO 21500 for assessing the socioeconomic effectiveness of cultural initiatives.

Keywords: project management, public administration in the field of culture, regional regulatory framework, national standards (GOST R), international standards (ISO 21500), analysis of standards.

For citation: Maslova N. S., Kudrina E. L. Conformity of Regional Project Management Standards in the Sphere of Culture with National and International Standards (Using the Republic of North Ossetia-Alania as an Example). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 120–133. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-120-133>

Внедрение проектного управления в деятельность отечественных государственных организаций культуры рассматривается не только как один из способов повышения эффективности использования бюджетных средств, но и как один из механизмов достижения стратегических целей деятельности организаций культуры и улучшения качества услуг, предоставляемых ими населению.

В настоящее время в Московском государственном институте культуры в рамках направления подготовки 51.04.03 «Социально-культурная деятельность» реализуется профиль «Менеджмент в сфере государственной культурной политики». Обучение по профилю позволяет магистрантам приобрести знания, умения и навыки, позволяющие осуществлять управление и развитие культурной политикой на государственном уровне, изучая «методологию научного исследования, теорию и практику государственной культурной политики, маркетинговые технологии в сфере культуры и другие дисциплины» [14]. Образовательной программой магистратуры предусмотрена учебная дисциплина «Проектное управление в сфере культуры», в процессе освоения которой магистранты получают знания в области проектного управления и развивают навыки эффективной коммуникации и организации культурных мероприятий проектной направленности. Тема данной статьи актуализирована изучением проблем стандартизации проектной деятельности на разных уровнях (международном, национальном, региональном, корпоративном и так далее) и является результатом анализа нормативных и правовых документов, принятых на соответствующих уровнях.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что в 2024 и 2025 годах произошло важное обновление международной и национальной нормативной правовой документации по проектному управлению. 13 ноября 2025 года вышла восьмая версия руководства PMBOK (Project Management Body of Knowledge) – глобального стандарта управления проектами, разработанного Институтом управления проектами США (Project Management Institute, PMI). Одновременно с этим с июня 2024 года в Российской Федерации действует обновленный ГОСТ Р ИСО 21500–2023, который, в отличие от предыдущей версии, является стандартом «зонтичного» типа, то есть содержит лишь основные понятия и принципы. При этом он «работает» в связке с другими стандартами – ГОСТ Р ИСО 21502 (управление проектами), ГОСТ Р ИСО 21503 (управление программами) и ГОСТ Р ИСО 21504 (управление портфелями проектов).

Стандартизация управления проектами в сфере культуры является одним из важных процессов, включающим целый ряд взаимосвязанных последовательных этапов разработки, принятия, распространения, внедрения и применения стандартов. Прежде чем проанализировать использование стандартов на региональном уровне в конкретном субъекте РФ, обратимся к основным понятиям, рассматриваемым в данной статье: проект, проектное управление, управление проектами, стандарт, стандартизация.

Сущность понятия «проектное управление» характеризуется такими научными категориями, как «проект», «управление» и «менеджмент», каждая из которых имеет множество вариантов определений и интерпретаций. В отечественной и зарубежной литературе присутствуют различные подходы к трактовке этих терминов.

В «Толковом словаре русского языка» выделяются три значения понятия «проект»:

- 1) разработанный план сооружения, какого-нибудь механизма;
- 2) предварительный текст какого-нибудь документа;
- 3) замысел, план [15, с. 620].

Альтернативную классификацию предлагают В. В. Чурин с соавторами [20], выделяя четыре трактовки понимания проекта в российской практике:

- 1) комплекс проектных документов (проектно-сметная документация);
- 2) черновик документа;
- 3) специально созданное структурное подразделение;
- 4) ограниченное во времени и ресурсах целенаправленное действие [20, с. 372].

Различие между управлением проектами как научной дисциплиной и как практическим процессом начало формироваться лишь с середины XX века. Следует отметить, что Е. О. Кравец и Н. Н. Вертиль провели важное терминологическое различие, предложив разграничить «управление проектами» и «проектное управление». Отличительные характеристики разграничений, представленные авторами, приводятся нами в Таблице 1 [13, с. 106].

Управление проектами	Проектное управление
Сосредотачивается на результатах проекта	Сосредотачивается на организации управления проектами
Создание команды под каждый проект	Создание структуры, которая принимает участие во всех проектах
Есть бюджет проекта, ресурсы проекта, время исполнения проекта, риски проекта	Есть бюджет проекта, создание и внедрение системы управления проектами
Основной подход – проектный подход	Основной подход – процессный подход

Таблица 1. Отличительные характеристики «управления проектами» и «проектное управление», предлагаемые Е. О. Кравец и Н. Н. Вертиль

По их мнению, управление проектом представляет собой одну из разновидностей менеджмента, обладающей собственной спецификой, тогда как проектное управление представляет собой технологию (концепцию) управления. С точки зрения авторов «отсутствие единого подхода к определению терминов «управление проектами» и «проектное управление» обуславливает частую подмену одного понятия другим в практической деятельности. Это влияет на результативность и эффективность реализации управленческого процесса, поскольку руководитель сталкивается с проблемой выбора инструментария для достижения поставленной цели» [13, с. 109]. Таким образом, применение технологии проектного управления, неизбежно порождает потребность в управлении проектами. Но основным принципом проектного управления является интегрированность – объединение различных аспектов через синтез знаний, практик, методов и инструментов управления.

При этом обновленный в 2025 году PMBOK 8th Edition впервые за десятилетия обновил и понятие «проекта». В предыдущих версиях руководства определение звучало следующим образом: «Проект – это временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата». Версия 8 PMBOK обозначила более ценностно-смысловую ориентацию понимания проекта, заменив определение на «Проект – это временная инициатива в уникальном контексте, направленная на создание ценности» [22]. Это определение свидетельствует об отходе от привычных рамок понимания проекта, где «золотой треугольник» успешности составляют срок, бюджет и объем. Новый стандарт ставит более значимыми эффект, пользу, реальные результаты.

Вновь обращаясь к совместному труду Ожегова и Шведовой («Толковый словарь русского языка»), мы видим следующее определение слова «стандарт»: «образец, которому должно соответствовать, удовлетворять

что-нибудь по своим признакам, свойствам, качествам, а также документ, содержащий в себе соответствующие сведения» [15, с. 703]. Толковый словарь Ушакова дает более практическое значение: «типовой образец, которому должно удовлетворять изделие по размерам, форме и качеству» [19, стб. 480]. Таким образом, главная цель стандарта – служить универсальным примером и эталоном для сравнения.

Рассматривая значение слова «стандарт» в более узкой направленности – как официальный документ, следует отметить, что в Российской Федерации национальным стандартом является государственный стандарт РФ (ГОСТ Р), утвержденный Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии – Росстандартом. Национальный стандарт Российской Федерации [ГОСТ Р. 1.12–2004] трактует термин как нормативный документ, который разработан на основе консенсуса и утвержден признанным органом для всеобщего и многократного использования. В документе установлены общие принципы, характеристики, правила и требования к объекту стандартизации [4, с. 2]. В обновленной версии этого стандарта (ГОСТ Р. 1.12–2020) дано определение не общего характера, а узконаправленного: «Национальный стандарт (Российской Федерации) – документ национальной системы стандартизации в статусе стандарта, который предназначен для всеобщего применения и срок действия которого не ограничен» [5, с. 3].

Делаем логичный вывод: если стандарт – это результат, то стандартизация – это процесс создания объекта стандартизации. Действующий на текущий момент ГОСТ Р. 1.12–2020 даёт нам расшифровку и термину «стандартизация» (в Российской Федерации): «деятельность, проводимая на национальном уровне в отношении объекта стандартизации и направленная на достижение целей и решение задач стандартизации» [5, с. 1].

Международная организация по стандартизации трактует данный термин, как «деятельность, направленную на достижение оптимальной степени упорядочения в определенной области посредством установления положений для всеобщего и многократного использования в отношении реально существующих или потенциальных задач» [3, с. 15].

Существует определенная иерархия стандартов. Институтом управления проектами США (PMI) принята классификация, в которой выделяются международные стандарты (ISO 21500), национальные стандарты (российские ГОСТ Р, британский PRINCE2, немецкий DIN 69901), отраслевые стандарты (например, строительство, IT, государственный сектор) и корпоративные стандарты (разрабатываются внутри конкретной организации). Такая иерархия позволяет региональным органам власти выстраивать собственную нормативную базу, которая не будет противоречить вышестоящим уровням, но при этом будет учитывать местную специфику региона. Дополнительно отметим, что стандартизация в области проектного управления также

включает модели оценки зрелости организации. Наиболее известными являются модель IPMA-DELTA (разработана Международной ассоциацией управления проектами), в основу которой «положена концепция организационной компетентности в области управления проектами, которая предполагает анализ не только индивидуальной компетентности сотрудников и руководителей компании в области управления проектами, но и анализ созданной в компании системы управления проектами, включая нематериальные активы и ценности» [1, с. 44] и модель OPM3 (Organizational Project Management Maturity Model, PMI), которая «включает базу знаний по «лучшим практикам» в области управления проектами и вопросник для оценки состояния организации с точки зрения применения данных практик» [1, с. 45]. Они помогают дать независимую оценку компетенциям организации в управлении проектами, программами и портфелем проектов, сертифицируют их.

В Российской Федерации существует специализированная структура, которая занимается сопровождением проектного управления в сфере культуры и искусства – РОСКУЛЬТПРОЕКТ. Его деятельность напрямую связана с реализацией национальных, федеральных и ведомственных проектов.

К целям деятельности Учреждения относятся организационно-техническое и методическое обеспечение проектного управления в Минкультуры РФ и подведомственных организациях; экспертно-аналитическое обеспечение; разработка методологии управления проектной деятельностью и проектами. Наличие такого специализированного учреждения свидетельствует о том, что в сфере культуры присутствует достаточно высокий уровень зрелости проектного управления.

Инициатива перехода к проектной модели управления на федеральном уровне была предложена в середине 2010-х годов и оформлена соответствующими нормативными актами Правительства Российской Федерации [16; 18]. Принятие на национальном уровне документов, регламентирующих данный процесс, создало потребность в адаптации указанного подхода региональными органами власти, включая органы управления культурой. Заметим, что в определенной степени успешность применения проектного подхода во многом зависит от степени соответствия региональной нормативной и правовой базы национальным и международным стандартам.

Проблема согласования региональных нормативных актов с национальными и международными стандартами в области управления проектами привлекает постоянное внимание исследователей. Так, А. В. Шаврин подчеркивает, что концептуальные положения международного стандарта способны выступать в качестве универсальной основы для создания систем управления в организациях различного уровня, включая государственные структуры, при условии адаптации к специфике правовой и администра-

тивной среды [21]. В исследованиях, посвященных внедрению проектного подхода в российских регионах, указывается, что успешность реализации проектов напрямую зависит от соответствия региональной нормативной базы федеральным стандартам и наличия в ней четко регламентированных процедур инициирования, отбора и контроля проектов. Вместе с тем системный сравнительный анализ региональных правовых актов с требованиями ГОСТ Р и ISO 21500 в культурной сфере до настоящего времени не осуществлялся, что и определяет научную новизну настоящего исследования.

В Республике Северная Осетия-Алания, аналогично многим другим субъектам Российской Федерации, проектная деятельность регулируется региональным указом. Цель нашего исследования заключается в определении, насколько этот правовой акт интегрирован с системой стандартов ГОСТ Р и соответствует ключевым принципам ISO 21500.

Основополагающим документом, который регламентирует проектную деятельность на уровне региона, является Указ Главы Республики Северная Осетия-Алания от 13 мая 2019 года № 140 «Об организации проектной деятельности в Республике Северная Осетия-Алания» [17]. Данный нормативный акт является универсальным для различных сфер, включая культуру, и задает основные принципы организации проектной деятельности на региональном уровне, определяя следующие ключевые положения:

- **типология проектов**, разделяющая проекты на *региональные* (ориентированные на достижение задач федеральных, входящих в состав национальных, проектов), *приоритетные* (связанные с социально-экономическими приоритетами региона, определенных в документах стратегического планирования, но не входящие в состав федеральных проектов) и *ведомственные* (реализуемые отдельными органами исполнительной власти);
- **институциональная структура** управления проектной деятельностью, отмечающая Президиум Совета при Главе РСО-Алания по стратегическому развитию и проектам как высший коллегиальный орган, ответственный за принятие решений, роли заместителей Председателя Правительства в предварительном согласовании и функции инициаторов проектов (как правило выступают органы исполнительной власти или иные организации) по разработке и согласованию предложений с заинтересованными сторонами, в которые входят органы местного самоуправления, общественные объединения и при необходимости научные организации;
- **последовательность процедур инициации и отбора проектов**, включая разработку предложений со стороны инициатора, согласование с заинтересованными сторонами, предварительное одобрение заместителем Председателя Правительства и принятие решения на за-

седании Президиума Совета с возможностью доработки (сроком не более 21 календарного дня) или окончательного отказа в реализации.

Что касается национальных стандартов в области проектного управления, важно выделить Федеральный стандарт ГОСТ Р 54869–2011 «проектный менеджмент. Требования к управлению проектом», утвержденный Приказом Росстандарта от 22 декабря 2011 года № 1582-ст. [6]. В нем даны следующие определения: **область применения**, охватывающая управление всеми проектами независимо от исполнителя; **ролевая структура** с определением заказчика, руководителя проекта, куратора и команды проекта; **обязательные процессы управления** (инициация, планирование, исполнение, контроль, завершение) с четкими требованиями к документированию планов по содержанию, расписанию, бюджету, ресурсам и закупкам.

Кроме всего вышеперечисленного, национальная система стандартов включает ГОСТ Р 54870–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов» [7] и ГОСТ Р 54871–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой» [8].

В качестве основного международного ориентира выступает ISO 21500:2021 «Управление проектами, программами и портфелями проектов. Контекст и основные понятия». Актуальная версия (первая же – ISO 21500:2012 «Руководство по проектному менеджменту» – действовала до июня 2024 года), принятая как ГОСТ Р ИСО 21500:2023 [10], введена в действие с июня 2024 года и совпадает с международным документом. Данный стандарт представляет концептуальное руководство, применимое к большинству организаций, включая государственные, и описывает связь стратегии планирования с реализацией проектов для достижения выгод заинтересованных лиц. Важно отметить отсутствие в регламенте детальных процедур, предоставляющее основу для более специализированных документов (например, ISO 21502 «Управление проектами, программами и портфелями. Руководство по управлению проектами» [11] или ISO 21503 «Управление проектами, программами и портфелями проектов. Руководство по управлению программой» [12]).

Нами был осуществлен сравнительный анализ регионального документа РСО-Алания, принятого Указом Главы Республики Северная Осетия-Алания от 13 мая 2019 года № 140 «Об организации проектной деятельности в Республике Северная Осетия-Алания» [17], с национальными и международными стандартами. Полученные в ходе исследования результаты сопоставления представлены в Таблице 2.

По мнению Бориса Джанаева, председателя Правительства РСО-Алания, в рамках государственных программ и национальных проектов в 2025 году начали реализовываться порядка 300 объектов, в том числе ремонт и строительство учреждений культуры. На 2026 год и на плановый

Таблица 2 (начало). Результаты сопоставления регионального документа РСО-Алания с национальными и международными стандартами

Критерий для сравнения	Региональный уровень (Указ № 140)	Национальный уровень (ГОСТ Р 54869–2011)	Международный уровень (ISO 21500)
Основная цель	Регулирование проектной деятельности в органах государственной власти региона направлено на обеспечение реализации задач социально-экономического развития	Разработка универсальных стандартов управления проектами, направленных на повышение эффективности достижений их целей	Обеспечение общего методического руководства по управлению проектами, программами и портфелями, применимого к организациям различных категорий
Организационная структура	Четко определены: Президиум Совета, заместители Председателя, инициаторы, органы согласования (включая МСУ и общественность)	Установлены основные роли участников проекта: заказчик, руководитель, куратор и команда проекта. Конкретные должностные наименования не фиксируются	Роли разграничиваются на более высоком уровне (спонсор, руководящий орган, заинтересованные стороны) и их функции в системе управления проектом
Жизненный цикл и процессы	Внимание сосредоточено преимущественно на этапе инициации и отбора, включая разработку предложения, его согласование и утверждение. Этапы планирования, реализации и завершения не детализированы	Детальное описание всех ключевых процессов – инициации, планирования (содержания, сроков, бюджета, ресурсов), этапов исполнения, контроля и завершения	Излагает общий контекст и взаимосвязь процессов от стратегии до получения выгод, но без детализирования каждого процесса

Критерий для сравнения	Региональный уровень (Указ № 140)	Национальный уровень (ГОСТ Р 54869–2011)	Международный уровень (ISO 21500)
Документирование	Главные документы: предложение по проекту и паспорт проекта	Требования к обязательным выходам процессов (документам): требования, расписание, бюджет, распределение ролей	Акцент на концепции и контексте, с указанием более детализированных стандартов для отдельных документов (например, экономического обоснования)
Сфера применения	Государственное управление на уровне отдельного субъекта РФ	Отсутствуют ограничения по проектам и организациям (государственных, частных)	Отсутствуют ограничения по проектам и организациям (государственные, частные, общественные)
Связь со стратегией	Прямая связь: проекты должны способствовать достижению целей стратегического развития региона (в том числе национальных проектов и приоритетных направления)	Законодательство не устанавливает детальные регламенты, но формирует основу для реализации стратегических задач посредством проектов	Ключевая концепция: проекты и программы рассматриваются как основные инструменты для достижения стратегических целей организации и получения ожидаемых выгод

Таблица 2 (конец). Результаты сопоставления регионального документа РСО-Алания с национальными и международными стандартами

период 2027–2028 годы сформировано и направлено более 200 бюджетных заявок на строительство и реконструкцию социально значимых объектов на общую сумму свыше 50 млрд рублей [2]. Таким образом оценивается масштаб отдельных направлений проектной деятельности в регионе.

Проанализировав стандарты реализации проектов в РСО-Алания, можно дать следующие некоторые *рекомендации* для развития региональной системы проектного управления.

1. Создать цифровую панель на портале органов власти, которая отражала бы ключевые показатели реализации проектов в реальном времени. К ним можно отнести освоение бюджета, соблюдение сроков, достижение результатов и другие. Такая мера сделает процессы проектной деятельности более прозрачными и позволит осуществлять более качественный мониторинг эффективности проводимой работы.
2. Разработать корпоративный стандарт управления проектами в сфере культуры региона. Адаптированный методический документ мог бы стать синтезом Указа № 140 и требований ГОСТ Р 54869–2011. Он мог бы более четко регламентировать работу с волонтерами, привлечение благотворительных средств, мониторинг и оценку результатов, и все то, что сложно выразить в количественном эквиваленте, учитывая специфику культурной сферы региона.
3. Проработать вопрос обучения и сертификации специалистов по проектам и программам, соответствующим национальным требованиям к компетентности, поскольку успешность проектной деятельности во многом зависит от компетентности команды. «Ассоциацией СОВНЕТ разработаны национальные требования к компетентности специалистов в области управления проектами (NCB) [НТК, 2010], которые прошли валидацию IPMA на предмет соответствия ISB. На базе национальных требований к компетентности осуществляется сертификация специалистов по международным стандартам» [1, с. 36]. Это повлияло бы на общее качество проектной деятельности региона.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в РСО-Алания сформирована нормативная основа для развития проектной деятельности, причем Указ № 140 служит базовым регламентом для инициации, отбора и управления проектами на региональном уровне. Этот документ логично интегрирован в систему национальных стандартов и адаптирован к особенностям государственного управления субъекта Российской Федерации. Заложенные в региональном подходе принципы соотносятся с ключевыми концепциями международного стандарта ISO 21500, подтверждая методологическую зрелость применяемых инструментов. В контексте культуры рекомендуется строго соблюдать требования Указа № 140 в части подготовки и согласования проектных предложений через предусмотренные процедуры; использовать стандарты ГОСТ Р 54869–2011 для планирования и реализации проектов, особенно в вопросах детализации расписания бюджета, распределения ролей и документального сопровождения; применять концептуальные ориентиры ISO 21500 при подготовке паспортов культурных проектов и обосновании целесообразности их реализации, четко формулируя социальные, экономические и имиджевые преимущества в контексте стратегических задач развития культуры региона.

Список литературы

1. *Алешин А. В.* Управление проектами: фундаментальный курс: учебник. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 620 с.
2. Борис Джанаев провел совещание по реализации объектов по госпрограммам и нацпроектам до 2028 года. URL: https://vk.com/video-176400722_456257776
3. ГОСТ 1.1-2002. Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения. Москва: ИПК Издательство стандартов, 2003. 55 с.
4. ГОСТ Р 1.12–2004. Стандартизация в Российской Федерации. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2020. 11 с. Заменён с 01.06.2020 на ГОСТ Р 1.12–2020.
5. ГОСТ Р 1.12–2020. Стандартизация в Российской Федерации. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2020. 10 с.
6. ГОСТ Р 54869–2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 декабря 2011 г. № 1582-ст. Москва: Стандартинформ, 2012. URL: <https://base.garant.ru/70245820/>
7. ГОСТ Р 54870–2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 декабря 2011 г. № 1583-ст. Москва: Стандартинформ, 2012. URL: <https://base.garant.ru/70227560/>
8. ГОСТ Р 54871–2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению программой: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 декабря 2011 г. № 1584-ст. Москва: Стандартинформ, 2012. URL: <https://base.garant.ru/70227558/>
9. ГОСТ Р ИСО 21500–2014. Руководство по проектному менеджменту: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 ноября 2014 г. № 1873-ст. URL: <https://base.garant.ru/71239222/>. Заменён с 01.06.2024 на ГОСТ Р ИСО 21500–2023.
10. ГОСТ Р ИСО 21500–2023. Управление проектами, программами и портфелями проектов. Контекст и основные понятия: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 октября 2023 г. № 1293-ст: дата введения 2024–06–01. URL: <https://base.garant.ru/408078469/>
11. ГОСТ Р ИСО 21502–2024. Управление проектами, программами и портфелями. Руководство по управлению проектами. Введен 2025–01–01. Москва: Российский институт стандартизации, 2024. 50 с.

12. ГОСТ Р ИСО 21503–2023. Управление проектами, программами и портфелями проектов. Руководство по управлению программой. Москва: Российский институт стандартизации, 2023. 22 с.
13. *Кравец Е. О.* Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник Института экономических исследований. 2021. № 3 (23). С. 105–109.
14. Московский государственный институт культуры: официальный сайт. URL: <https://mgik.org>
15. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2003. 944 с.
16. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/72093040/>
17. Указ Главы Республики Северная Осетия-Алания от 13 мая 2019 г. № 140 «Об организации проектной деятельности в Республике Северная Осетия-Алания» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/osetia/1275206/>
18. Указ Президента РФ от 30 июня 2016 года № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71331892/>
19. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. 4. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. 1500 стб.
20. *Чурин В. В.* Сравнительный анализ подходов к определению управления проектами // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 371–375.
21. *Шаврин А. В.* Руководство по управлению проектами на основе стандарта ISO 21500: руководство. 2-е изд. Москва: Лаборатория знаний, 2025. 113 с.
22. Project Management Institute. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide). Eighth Edition and The Standard for Project Management. 8th ed. Newtown Square, Pennsylvania: Project Management Institute, 2025. 408 p.

МОНИТОРИНГ ОШИБОК РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 372.881.1.

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-134-144>

Лилия Николаевна ИТЕРМАН,

преподаватель факультета дополнительного образования,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: Lilliaiterman@yandex.ru

Валентина Степановна САДОВСКАЯ,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
декан факультета дополнительного образования,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: shupik49@mail.ru

Аннотация. В статье представлена теория согласно, которой ошибки следует рассматривать как позитивный аспект в изучении иностранного языка, а не как недостаток. Психологическая установка на то, что совершение ошибок при изучении иностранного языка является негативным показателем учебной деятельности, тормозит познание и повышение уровня владения языком. Именно поэтому в статье делается акцент на то, чтобы сформировать у обучающихся учебную активность («смелость») и нивелировать страх перед ошибками, связанными с произношением, использованием грамматических структур и так далее. На конкретных примерах показано, как в ходе опытно-экспериментальной работы педагог выводит обучающихся из зоны комфорта в зону рисков на всем образовательном пути. Установлены связи влияния родного языка на изучение иностранного языка, а также показаны стратегии и подходы к мониторингу ошибок. Приведены информационные ресурсы и образовательные платформы по самоконтролю и совершенствованию в изучении иностранного языка и преодолению ошибок в процессе его изучения.

Ключевые слова: продукт речевой деятельности, типология ошибок, мониторинг, аудио лингвистические методы, образовательные платформы.

Для цитирования: Итерман Л. Н., Садовская В. С. Мониторинг ошибок речевой деятельности на занятиях по английскому языку: опыт исследования // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 134–144. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-134-144>

MONITORING MISTAKES OF SPEECH ACTIVITY IN ENGLISH LANGUAGE CLASSES: RESEARCH EXPERIENCE

Liliya N. Iterman,

Lecturer at the Faculty of Further Education,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: Liliiaiterman@yandex.ru

Valentina S. Sadovskaya,

DSc in Pedagogy, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation,
Dean of the Faculty of Further Education,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: shupik49@mail.ru

Abstract. The article presents a theory according to which mistakes should be seen as a positive aspect in learning a foreign language, rather than a disadvantage. The psychological belief that making mistakes while learning a foreign language is a negative indicator of learning performance hinders cognition and the development of language proficiency. Therefore, the article emphasizes fostering students' learning proactivity ("courage") and alleviating their fear of errors related to pronunciation, grammatical structures, and so on. Specific examples are used to demonstrate how, through experimental work, a teacher guides students from their comfort zone to a risk zone throughout their educational journey. The authors establish links between the influence of their native language on foreign language learning, as well as outline strategies and approaches for error monitoring. Information resources and educational platforms for self-monitoring and improvement in foreign language learning and overcoming errors during the learning process are provided.

Keywords: foreign language speech activity, error analysis, monitoring, interlanguage errors, audio linguistic methods, educational platforms.

For citation: Iterman L.N., Sadovskaya V. S. Monitoring Mistakes of Speech Activity in English Language Classes: Research Experience. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 134–144. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-134-144>

Мониторинг продукта речевой деятельности на занятиях по английскому языку является в определенной степени ключевым аспектом в освоении иностранного языка. Назначение мониторинга состоит не только в том, чтобы фиксировать ошибки при изучении английского языка, но и отмечать положительную или отрицательную динамику совершения ошибок. При этом ошибки играют фундаментальную роль в освоении иностранного языка. Не зря же бытует общеизвестное выражение, что на ошибках учатся. Для многих обучающихся страх совершения ошибки парализует их волю, приводит к возникновению психологического барьера в обучении. Ошибки – это неотъемлемая часть процесса изучения иностранного языка, английского в частности. Правильный подход и методы, такие как работы с ошибками, делают процесс обучения более эффективным и качественным. Главный

аспект – это не негативный подход, а, напротив, позитивный. Такому подходу способствуют различные упражнения как в игровой, так и обучающей форме. Согласно определению, ошибка – это результат неправильного речевого и языкового действия, в ходе которого нарушаются или неправильно употребляются грамматические, лексические или/и фонетические правила. Современный термин ошибки «*error*» был предложен методистом С. П. Кордером, профессором прикладной лингвистики Эдинбургского Университета, известным своим вкладом в изучение ошибок. Он обосновал методологический подход, при котором следует рассматривать ошибки при изучении иностранного языка как позитивное явление [10, с. 45].

Проблема ошибок в обучении иностранному языку не является новой в научном педагогическом пространстве. Наиболее существенный вклад в разработку этой проблемы внесли такие отечественные и зарубежные ученые, как Л. В. Щерба, З. М. Цветкова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, С. Н. Цейтлин, Р. П. Мильруд, Н. Н. Кондакова, И. А. Зимняя, В. Д. Аракин, Е. И. Пассов, Г. А. Китайгородская, А. Л. Карлин, А. А. Миролюбов, Р. Ладос, К. Клеппин, Г. Хохлендер, Х. Раабе, Ф. Костржева, К. Лохтман, Т. Рубати-Фёгтли. и другие. На уровне педагогической практики нет педагога или учителя иностранного языка, кто так или иначе не обращался бы к феномену ошибки в иноязычной речевой деятельности обучающихся.

Согласно статье Осколковой И. А., наряду с главными языковыми ошибками – грамматическими, фонетическими и лексическими – выделяются также скрытые ошибки, семантически или стилистически неприемлемые языковые формы. Сильные ошибки (*global errors*) приводят к абсолютному смысловому искажению и непониманию речи, слабые ошибки (*local errors*) – к неправильному употреблению грамматической или лексической единицы, не приводящему к непониманию речи [6, с. 108]. Важно отметить, что фонетические ошибки являются глобальными: неправильно произнесенное слово ведет к абсолютному непониманию речи, в отличие от грамматических ошибок. Например: *She go to the park yesterday*. В этом предложении неправильная грамматическая форма: вместо *Past Simple* употреблена форма *Present Simple*. В итоге получается: «Она ходит в парк вчера». Несмотря на ошибку, смысл понятен. Следующим примером представлена фонетическая ошибка: *The ship is on the field surrounded by cows*. В этом предложении «корабль находится в поле, окруженный коровами». Абсурд заключается в неправильном произношении даже не слова, а долготы звука *l*: Дело в том, что *sheep* переводится как овца – звук *l*: при этом произносится протяжно, в то время как слово *ship* содержит краткий звук *l*. Отсюда вывод, что неправильная грамматическая форма глобально не влияет на понимание, в отличие от фонетических ошибок. Согласно статье И. А. Осколковой, различаются также межъязыковые ошибки (*interlingual errors*) и внутриязыковые ошибки (*intralingual errors*) [6, с. 110].

На межъязыковые ошибки оказывает воздействие родной язык. Внутриязыковые ошибки при овладении иностранным языком возникают в ходе обучения, когда предыдущая ошибка переносится на последующий процесс обучения. Осколкова И. А. выделяет «две основные причины, по которым обучающиеся делают ошибки. Первая причина – это влияние родного языка (*mother tongue/L1*) на изучаемый иностранный язык (*second language/L2*). Это интерференция (*interference*) или перенос (*transfer*). Обучающиеся могут использовать или перенести звуковые модели, лексические и грамматические структуры из их родного языка в изучаемый язык. Вторая причина, почему обучающиеся делают ошибки, – это бессознательная (неосознанная) разработка и экспериментирование материала, который они изучили» [6, с. 111].

Если сравнить временные формы глаголов в русском языке, то их всего три – настоящее, прошедшее и будущее время – в отличие от английского, в котором 16 временных форм глагола, включающих в себя длительные и совершенные времена, а также будущее в прошедшем. Одной из сложностей является заучивание неправильных глаголов – древних глаголов, имеющих тысячелетнюю историю, однако правильный подход и эффективные упражнения к этому грамматическому феномену легко превращают процесс из непостижимого в овладение языком на более высоком уровне. Подходим к этому вопросу по-философски: в математике, например, основа – это заучивание таблицы умножения, а в английском – неправильных глаголов. Основой ряда ошибок является неправильное применение правила, его свехобобщение (*overgeneralization*), то есть применение правила слишком широко.

Важно минимизировать использование метаязыка. На английском языке термин называется *metalinguage*. В контексте преподавания английского языка – это язык, который используется в процессе объяснения грамматики и других речевых структур посредством специальных научных терминов, что значительно усложняет процесс изучения английского языка для обучающегося и приводит к совершению большего количества ошибок. Однако знание терминологии позволяет легче использовать материалы для самостоятельного изучения языка. Важен языковой баланс – термин, объяснение, толкование грамматики с использованием родного языка, визуализации, картинок и других приемов.

При проведении опытно-экспериментальной работы ошибки рассматриваются как показатель степени освоения иностранного языка и его применения в письменной и устной речи. С помощью метода проб и ошибок демонстрируется наиболее эффективный путь изучения иностранного языка. При этом педагог выводит обучающихся из зоны комфорта в зону рисков на всем образовательном пути. В этой ситуации мониторинг реализуется как подход слежения за речью обучающегося на примере говоре-

ния: обучающийся выполняет определенную языковую задачу, например, устное монологическое высказывание. Во время говорения педагог записывает ошибки на доске, интерактивной или онлайн-доске. Здесь следует отметить, что педагог не перебивает ученика, а только фиксирует ошибки. После завершения языковой задачи педагог представляет список ошибок и запрашивает информацию у обучающегося или группы обучающихся. Например: *She go to the cinema every day*. Запрашиваемая информация путем ключевых вопросов: какой главный грамматический маркер? – *every day*. Как мы употребляем глагол в 3-м лице единственного числа? Путем добавления окончания *s*. Таким образом, путем анализа предложения мы получаем результативный ответ: пропущено окончание *s*. Записываем правильный ответ.

Используя позитивный подход анализа ошибок – погружение в мир грамматических правил, а не негативного формального исправления ошибок, – можно прийти к эффективному результату и, главное, не к снижению мотивации в изучении английского языка, а, напротив, к возникновению драйва в процессе изучения и понимания языка. Создание особой атмосферы доверия и совместной работы «ученик – педагог – ученик» позволяет учиться на ошибках других и делиться стратегиями по их устранению.

Конечно же, коррекция ошибок зависит как от метода обучения, так и от выбранной образовательной методики [4, с. 66–75].

Рассматривая точность и правильность при использовании грамматико-переводного метода, следует отметить, что исправление практически каждого слова доказало свою неэффективность. Каждый учитель стремится к языковой правильности, однако механическое исправление без анализа ошибок не дает высоких результатов.

В процессе обучения главным инструментарием исправления ошибок является улучшение использования языковых и речевых моделей в письме, чтении и говорении. Практикой доказано, что, опираясь на грамотно представленную обучающимся языковую или речевую модель с использованием метода подстановки, можно значительно снизить показатель совершения ошибок до минимума. Например: *My friend went to the park yesterday*. Заменяя слово *park* на *cinema* или *theatre*, согласитесь, совершить ошибку практически невозможно.

Говоря о ясности объяснения исправленных ошибок в процессе мониторинга, стоит отметить новизну этого приема: не учитель, а сам ученик анализирует ошибки благодаря наводящим вопросам учителя. Этот прием позволяет вносить ясность в понимание употребления грамматики, лексики в устной и письменной речи. Например, в использовании грамматической структуры *used to, would* в функционале привычного действия в прошлом, которое не существует в данный момент: *I used to eat sweets* – раньше я ел сладости. Употребление конструкции *used to* и есть определение того, что

делал в прошлом, но сейчас не делаю. Обучающийся может некорректно использовать данную структуру, если семантически неправильно передать данную синтагму, ведь *use* переводится как «использовать». Роль педагога – наводящими вопросами представить корректный смысл предложения. *Did I eat sweets in the past? – Yes. Do I eat sweets now? – No.* Мы используем конструкцию *used to* для выражения привычных действий в прошлом, которые не существуют в настоящем.

Одним из главных факторов является и развитие языковой уверенности как жизненно важного фактора и умения, касающегося не только языка. Ведь учиться можно вождению автомобиля или музыке, и без упорного труда, мотивации и уверенности невозможно достичь результатов в любой сфере. Уверенность – это знания, полученные в процессе обучения. Невозможно научиться, не уча, однако современные методы позволяют уходить от зубрежки, тем самым облегчая процесс обучения, делая его более доступным и эффективным.

Рассмотрим прямой метод – учить обучающихся думать на английском языке, делать язык неотъемлемой частью жизни, интегрировать его в свою повседневную жизнь. Превращать обычные повседневные действия в обучение: например, за завтраком называть продукты и блюда, а во время прогулки описывать окружение, природу, архитектуру и так далее. Благодаря цифровым технологиям обучающийся легко осваивает запрашиваемую лексику, используя электронный словарь. Стандартные методы – вопрос-ответ – в комплексе с цифровыми технологиями, прослушивание аудиокниг, чтение в сопровождении аудиотрека, написание электронного письма, самоконтроль позволяют обучающимся овладевать языком и делают процесс интересным и результативным.

Метод грамматического перевода и употребления правил на практике следует совмещать с возможностью толкования на родном языке и в сравнении с ним. «Ничто так не помогает справиться с меланхолией, как грамматика. Грамматика, как и выполнение научной работы, – это лучшее лекарство от хандры. Изучать иностранный язык, рыться в словарях, выписывать идиомы и лексические обороты, сравнивать их с родным языком, не имеющие ничего общего с вашим настроением, – сколько способов одолеть хандру», – пишет Эмиль Мишель Чоран (Сьоран), румынский и французский мыслитель-эссеист [8, с. 210].

Грамматические конструкции, отсутствующие в русском языке, такие как *Present Perfect* (настоящее совершенное время) или *Future in the Past* (будущее в прошедшем), возможно запомнить и применять только благодаря профессиональной подготовке и умению преподавателя грамотно, четко и максимально просто представлять грамматический материал, опираясь на речевую модель и ключевые маркеры, такие как *just, already, yet* и так далее.

Если мы обратимся к структуре предложения, то увидим, что в английском, шведском, датском и других германских языках наблюдается общий признак – твердый порядок слов в предложении (подлежащее, сказуемое, дополнение), в то время как в русском языке – свободный порядок слов [1, с. 154]. Именно это различие и есть основная проблема в изучении английского языка: говорим как думаем. Но представление простой схемы S + P + O, то есть позиции слов в предложении английского языка – подлежащее + сказуемое + дополнение, – вносит ясность и минимизирует ошибки в разы.

Многочисленное прослушивание и повторение лексики, проигрывание диалогов, ролевые игры, прослушивание текстов и пересказ включают важные речевые продукты: говорение и аудирование с последующими чтением и письмом. Метод прост: слушай и говори, читай и пиши с опорой на речевые модели и образцы. Чем выше уровень, тем сложнее и интереснее языковой материал, но, как ни удивительно, меньше ошибок. Этот феномен обусловлен многократным повторением как грамматических моделей, так и лексических, а также формированием так называемого чувства языка уже на подсознательном уровне. Ошибки обучающихся – это путь к совершенствованию владения языком, расширению словарного запаса и развитию, к грамотному применению грамматических знаний на практике.

Важную роль играет и культурное понимание языка, его социокультурная значимость, важность и неизбежность употребления. Создание на уроках ситуативных моделей и погружение в языковую среду посредством 90% организации урока на английском языке.

Ведь язык, как и культура в целом, составляют в изучении языка единый процесс. Каждый обучающийся через язык погружается в культуру той или иной страны. Бессмертно утверждение Кайсына Кулиева: «Каждый язык – это целый мир» [5, с. 189]. Поэт подчеркивал, что язык не просто предмет изучения, а живая душа народа, его радость, боль, память, сокровище. Аутентичные тексты охватывают различные сферы – культурные, географические, научные, законодательные, сферы музыки, искусства и так далее.

Погружение в язык через создание простых и сложных ситуаций в общественных местах (аэропорту, кафе, больнице, магазине), деловой сфере, быту погружает обучающихся в культуру, традиции, обычаи. От стеснения и неуверенности – к перспективе и глубокому пониманию языка.

Принятие своих ошибок как пути к успеху в изучении языка, отсутствие страха совершать ошибки, говорить и писать, несмотря на риск совершения ошибок, – это нормальный и естественный процесс, который показывает активное использование и исследование языка. Анализ и осмысление ошибок, их самостоятельное исправление с использованием примеров, языковых и речевых образцов. Использование онлайн-ресурсов, грамматических справочников и приложений, таких как диалоговые тренажеры “Varvara”, “Puzzle English”, включающие видеопазлы, аудиофайлы, игры,

словарные тренировки. Tandem – приложение для языкового обмена, которое позволяет пользователям изучать иностранные языки через общение с носителями. “Ewa” – приложение для изучения языков, включающее просмотр отрывков из фильмов и сериалов, чтение книг с двуязычными переводами и адаптированные аудиокниги. “Lingvo” – приложение для пополнения словарного запаса.

Чем больше учащийся использует язык, тем больше он совершает ошибок, быстрее учится на них и тем самым избавляется от них. Вот такой эффективный и простой языковой цикл.

Практики в говорении, письме, аудировании и чтении на английском должно быть как можно больше. Использование любых языковых ресурсов для этого – участие в диалогах с носителями языка, в онлайн-конференциях, языковых форумах и олимпиадах – ключ к успеху, а создание языковой атмосферы на уроке, минимальное использование родного языка – до 15% и максимальное использование английского языка – до 90% на уроке учителем, позволяют обучающимся привыкнуть к такому формату и со временем адаптироваться к нему.

Чем больше практики, тем меньше неуверенности и дискомфорта при совершении ошибок. Поощрение как учителем, так и самопоощрение – это мощная мотивация в изучении языка [2, с. 56]. Так, мотивацию можно определить как неоднородную систему побудителей.

Зимняя И. А. обращается к проблеме определения мотивации и обращает внимание на то, что исследователи рассматривают мотивацию и как конкретный мотив, и как систему мотивов, и как определенную сферу, поэтому следует разграничить понятия «мотивация», «мотив», «мотивационная сфера» [3, с. 69].

Так, С. Л. Рубинштейн определяет мотивацию через «значение» предметов и явлений, которые, в свою очередь, и побуждают поведение и придают ему смысл.

Гордиться собой и поощрять себя на этом пути очень важно. Выполнение каждой языковой задачи, с ошибками или без них, – это маленький успех. Позитивная оценка как преподавателя, так и самого учащегося играет фундаментальную роль в изучении языка.

И снова практика: чем чаще пользоваться языком, тем больше возможностей совершать ошибки и учиться на них. Как можно больше практики в разговорной речи, письме, аудировании и чтении на английском языке. Общение с носителями языка или другими людьми, изучающими английский. Ведение записей в дневнике или участие в языковых онлайн-форумах. Чем больше практики, тем больше ошибок и возможностей учиться на них.

Мы живем в современном, быстро развивающемся мире, и ошибки – неотъемлемая часть этого процесса. Поэтому вектор преподавания дол-

жен быть направлен на методику работы с ошибками, а не на банальное их исправление. Рассмотрим один из методов, известный как развитие аудиолингвистических навыков. Особенностью этого метода является отведение устной речи первостепенной роли в обучении, заучивание наизусть и колоссальное развитие памяти у учащегося с опорой на речевую модель. В процессе говорения ошибки устраняются путем мониторинга педагога и совместного анализа.

Обучение на своих ошибках также способствует личностному росту и развитию. Принимая отзывы и внося необходимые коррективы, человек активно участвует в непрерывном процессе обучения. Каждая ошибка предоставляет возможность расширить знания языка и постоянно совершенствовать языковые и речевые навыки. Такая установка на рост позволяет воспринимать ошибки как ценный опыт обучения, а не как неудачи, и побуждает продолжать выходить за пределы своей зоны комфорта.

Кроме того, изучение своих ошибок в процессе овладения английским языком позволяет глубже понять культурный контекст, в котором используется язык. Язык и культура тесно переплетены, и при исправлении ошибок происходит не только совершенствование языковых навыков, но и понимание культурных нюансов и обычаев. Такое понимание культурного контекста позволит более эффективно и уважительно общаться с носителями английского языка.

Психология и лингвистика находились и находятся, как сказал Хомский, в состоянии «постоянства и волнения» [7, с. 67]. Согласно его теории, существует смещение акцента озабоченности преподавания на обучение и изучение языка, а также влияние освоения родного языка на процесс обучения. Полезность различия между усвоением и обучением была подчеркнута Ламбертом [11, с. 56], а возможность того, что последнее может выиграть от изучения первого, была предложена Кэрроллом [9, с. 198]. Х. Э. Палмер утверждал, что все мы от природы наделены способностью усваивать язык и что эта способность остается доступной нам в скрытом состоянии после освоения основного языка. [13, с. 74] Взрослый считался таким же способным в овладении иностранным языком, как и ребенок.

Работа Линденберг предполагает, что ребенок по какой-либо причине, например, из-за глухоты, не освоивший родной язык до 12 лет, вообще теряет способность усваивать языковое поведение [12, с. 98]. Однако это открытие не подразумевает, что способность к изучению языка у тех, кто успешно освоил родной язык, также атрофируется и что процесс изучения второго языка имеет принципиально иную природу, чем процесс первичного освоения.

Главный постулат заключается в том, что процессы, механизмы и стратегии, принятые изучающим второй язык, в основе своей одинаковы. Главной чертой, которая отличает две операции, является наличие или

отсутствие мотивации. Известны случаи, когда предложение хорошо оплачиваемой работы способствовало овладению языком за считанные месяцы. При наличии мотивации и интеллекта человек неизбежно выучит второй язык.

Изучение и исправление ошибок – это то, что учителя делают постоянно и по практическим причинам. Наряду с результатами тестов и экзаменов, ошибки, допускаемые учащимися, являются основным элементом обратной связи процесса, который мы называем преподаванием и изучением.

Хотелось бы отметить, что при сдаче Cambridge exams любого уровня допускается 30% ошибок для статуса «сдал». И это правильно, так как экзамен тестирует не знания родного языка, а, по сути, чужого иностранного. И если сравнивать оценивание тестирования, то на первом месте стоит оценивание решения коммуникативной задачи – понимание учеником письменной и устной речи и выполнение задания. Вторым критерием в оценивании письменной речи является оформление письма, правильное применение языковых и речевых структур и единиц, то есть употребление формальной или неформальной речи. И только на последнем месте оценивается правописание, то есть орфография.

Эти критерии оценивания должны применяться в школах России, а не стремление к безукоризненному владению языком и завышенные требования учителей, травмирующие и демотивирующие учеников. Разумеется, речь идет о средних учебных заведениях, а не о школах с углубленным изучением языка. Уровень обучающихся в языковых школах сейчас достаточно высокий. Согласно эмпирическим исследованиям и опыту, чем выше уровень, тем меньше ошибок.

Но изучение ошибок также является фундаментальной частью прикладной лингвистики. Оно обеспечивает подтверждение результатов лингвистических исследований. Двухязычное сравнение основано на теории, что именно различие между родным и иностранным языком должен изучать обучающийся в процессе изучения языка.

В завершение статьи можно сделать вывод, что анализ ошибок – это одновременно и хорошо изученная, и сравнительно современная деятельность. Это средство оценки и прогресса обучающихся, и одновременно инструмент для повышения качества языка. Большинство учителей могут дать отчет о типичных ошибках, допускаемых учениками, и сформировать полезный список распространенных ошибок.

В основном анализ ошибок касается языковых, практических знаний, но не коммуникативных ошибок или неудач обучающихся. Это происходит потому, что большинство заданий на уроке сосредоточены на обучении, а не на коммуникативной компетенции, поскольку учитель редко имеет возможность наблюдать за тем, как ученики используют язык в реальных ситуациях и живом общении.

Список литературы

1. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. 3-е изд. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
2. *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности: монография. Москва: Мысль, 1976. 158 с.
3. *Зимняя И. А.* Психология обучения иностранным языкам в школе: учебное пособие. Москва: Просвещение, 1991. 222 с.
4. *Кондрашова Н. В.* Прогнозирование и исправление студенческих ошибок при обучении иностранным языкам // Научный диалог. 2015. № 7 (43). С. 66–75.
5. *Кулиев К. Ш.* Так растет дерево // Кулиев К. Ш. Собрания сочинений: в 3 т. Т. 3. Публицистика. Выступления. 1970–1980-е гг. Москва: Художественная литература. 1987. С. 181–193.
6. *Осколкова И. А.* Природа и типология ошибок при изучении английского языка и методы их исправления // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 10. С. 108–116.
7. *Хомский Н.* Язык и мышление. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1972. С. 9–10.
8. *Чоран Э. М.* Молитва неверующего. Записные книжки 1957–1972 гг. // Дружба народов. 2001. № 5. С. 207–220.
9. *Carroll J. B.* Research in foreign language teaching: The last five years // Reports of the Northeast Conference on the Teaching of Foreign Languages. 1966. P. 188–210.
10. *Corder S. P.* Error analysis and interlanguage. Oxford: Oxford University Press, 1981. 120 p.
11. *Lambert W. E.* Some observations on first-language acquisition and second-language learning // Mimeograph. 1966. P. 161–169.
12. *Lenneberg E. H.* Biological foundations of language. New York: Wiley, 1967. 489 p.
13. *Palmer H. E.* The principles of language-study. London: Oxford University Press, 1917. 142 p.

ОТ ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ К ПРОФИЛЬНОМУ ВУЗУ: МЕХАНИЗМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

УДК 378

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-145-160>

Марина Вячеславовна КЕРНЕРМАН,

кандидат педагогических наук,
ученый секретарь Ученого совета,
заместитель декана факультета
государственной культурной политики по научной работе,
доцент кафедры педагогической теории
и практики социально-культурной деятельности,
Московский государственный институт культуры
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: vivat_co@mail.ru

Анастасия Андреевна ЛОБОДА,

Советник ректора,
магистрант кафедры педагогической теории и практики
социально-культурной деятельности,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
член Совета Торгово-промышленной палаты
по креативным индустриям Российской Федерации,
e-mail: Loboda.asya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу системы дополнительных баллов для выпускников Школ креативных индустрий при поступлении в вуз культуры. Система дополнительных баллов для выпускников Школ креативных индустрий при поступлении в профильный вуз культуры – это новый механизм обеспечения преемственности предпрофессионального и высшего образования, становление которого отражает общие закономерности развития кадрового потенциала креативной экономики. Функции данного механизма раскрыты как категории, выражающие его основные свойства: профориентационную, мотивационную и интегративную. В качестве базовой для всей системы преемственности «Школы креативных индустрий – профильный вуз культуры» определена педагогико-управленческая функция, задающая специфику сопряженных механизмов. Дальнейшее развитие системы дополнительных баллов авторы связывают с внедрением специализированной олимпиады, позволяющей решать задачи раннего выявления творческого потенциала и закрепления профессиональной ориентации обучающихся в сфере креативных индустрий.

Ключевые слова: креативные индустрии, школы креативных индустрий, предпрофессиональное образование, профессиональное образование, дополнительные баллы при поступлении, профессиональная ориентация, институт культуры.

Для цитирования: Кернерман М. В., Лобода А. А. От предпрофессиональной подготовки к профильному вузу: механизмы преемственности в системе подготовки кадров для креативных индустрий // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 145–160. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-145-160>

FROM PRE-PROFESSIONAL TRAINING TO A SPECIALIZED UNIVERSITY: CONTINUITY MECHANISMS IN THE CREATIVE INDUSTRIES TRAINING SYSTEM

Marina V. Kernerman,

CSc in Pedagogy, Academic Secretary of the Academic Council, Deputy Dean of the Faculty of State Cultural Policy for Research, Associate Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: vivat_co@mail.ru

Anastasia A. Loboda,

Advisor to the Rector, Undergraduate Student of the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation; Member of the Creative Industries Council of the Russian Chamber of Commerce and Industry, e-mail: Loboda.asya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the system of additional points for graduates of Creative Industries Schools when they enter a cultural university. The system of additional points for graduates of Creative Industries Schools when they enter a specialized cultural university is a new mechanism for ensuring the continuity of pre-professional and higher education, the development of which reflects the general patterns of the development of the human resources potential of the creative economy. The functions of this mechanism are revealed as categories that express its main properties: career guidance, motivation, and integration. As a basis for the entire system of continuity “Creative Industries Schools – specialized cultural university”, the pedagogical and managerial function is defined, setting the specifics of the associated mechanisms. The author associates the further development of the system of additional points with the introduction of a specialized Olympiad, which allows to solve the problems of early detection of creative potential and consolidation of professional orientation of students in the field of creative industries.

Keywords: creative industries, creative industries schools, pre-professional education, professional education, additional admission points, career guidance, and the Institute of Culture.

For citation: Kernerman M. V., Loboda A. A. From Pre-Professional Training to a Specialized University: Continuity Mechanisms in the Creative Industries Training System. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 145–160. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-145-160>

В условиях перехода к экономике знаний и возрастания роли нематериальных активов – интеллектуальной собственности, человеческого и социального капитала, профессиональных компетенций и символических ресурсов – креативные индустрии становятся одним из ключевых факторов социально-культурного и экономического развития современных государств. Российские исследования фиксируют устойчивый рост доли креативного сектора в структуре валового внутреннего продукта и занятости. По уточненным данным Росстата и Минэкономразвития России, валовая добавленная стоимость креативной экономики в 2025 году составила 8,26 трлн рублей, а ее доля в валовом внутреннем продукте Российской Федерации достигла 4,2%. По сравнению с 2024 годом (3,9%) это свидетельствует о продолжающемся росте креативного сектора и усилении его роли в структуре национальной экономики [5]. Национальные стратегии предусматривают увеличение доли креативной экономики в ВВП до 6% к 2030 году, что подчеркивает ее значимость как источника инновационного развития регионов и формирования человеческого капитала [8, с. 10].

Подготовка специалистов для креативного сектора приобретает статус государственной задачи, решение которой напрямую связано с развитием современной системы образования.

Международный и российский опыт показывает, что первоначальное осмысление креативных индустрий происходило прежде всего как экономико-культурной категории, что впоследствии предопределило развитие образовательных моделей подготовки кадров для данного сектора.

В рамках данной статьи креативные индустрии рассматриваются как междисциплинарный сектор, объединяющий художественно-творческое производство, цифровые формы коммуникации и экономические механизмы продвижения и монетизации интеллектуального продукта.

Для уточнения исследовательской рамки принципиальное значение имеет разграничение понятий «креативные индустрии», «креативная экономика» и «креативный кластер».

Креативные индустрии – секторы экономики, значимая часть добавленной стоимости которых формируется за счет творческой деятельности и управления правами на интеллектуальную собственность [5].

«Креативная экономика – совокупность общественных отношений и практик хозяйственной деятельности, в основе которой лежат взаимосвязи между творчеством, культурой, экономикой» [5].

Креативная экономика выступает более широким понятием, включающим не только индустрии, но и образовательные условия их развития: нормативно-правовые механизмы, инфраструктуру, образовательные и кадровые модели, а также систему культурной политики.

«Креативный кластер» – взаимосвязанные организации и предприятия, размещенные на территории компактно расположенных объектов недвижимости. Креативные кластеры развиваются управляющей компанией под единым брендом и объединяют резидентов (арендаторов) из секторов творческих (креативных) индустрий, субъектов творческого (креативного) предпринимательства в целом, имеют необходимую инфраструктуру для творческой и (или) предпринимательской деятельности, являются центром для создателей и потребителей творческого продукта и позитивно воздействуют на территорию своего присутствия» [8, с. 2]. Креативные индустрии представляют собой структурный элемент креативной экономики, в то время как креативный кластер отражает ее институциональное измерение.

В научной литературе также фиксируется устойчивое расширение границ креативных индустрий за счет включения в них новых направлений, связанных с цифровизацией культурного производства. Если в ранних подходах ядро креативных индустрий составляли сферы искусства, дизайна, медиа и культурных услуг, то в современных исследованиях к ним относят цифровое производство контента, интерактивные технологии, игровую индустрию, креативное предпринимательство, а также проектную деятельность, интегрирующую культурные практики и управленческие компетенции.

В российском научном дискурсе креативные индустрии трактуются как синтез культурной, художественной, цифровой и предпринимательской деятельности.

Ранее современные ученые указывают, что «подготовки кадров для креативных индустрий упираются не только в затратность ее организации и многочисленные культурные преграды, а также в инерцию подавляющего доминирования дисциплинарных образовательных организаций, поддерживаемых государством и общественными привычками» [6, с. 68], подчеркивая фрагментарность существующих практик и отсутствие устойчивых институциональных механизмов преемственности между уровнями образования.

В данном научном исследовании представлена эмпирическая верификация системы дополнительного поощрения выпускников Школ креативных индустрий как самостоятельного педагогико-управленческого механизма обеспечения преемственности между предпрофессиональным и высшим образованием в сфере креативных индустрий.

Впервые в исследованиях в сфере культурного и креативного образования система дополнительных баллов при поступлении в профильный вуз культуры рассмотрена не только как дополнительная опция приёмной

кампании, но и как закреплённый инструмент формирования устойчивой вертикальной образовательной траектории «Школа креативных индустрий → профильный вуз культуры → профессиональная деятельность».

Впервые обоснована целесообразность включения специализированной олимпиады для учащихся Школ креативных индустрий в структуру механизмов преемственности как дополнительного педагогического и управленческого инструмента раннего выявления творческого потенциала, закрепления профессиональной ориентации и формирования устойчивых образовательных маршрутов в сфере креативных индустрий.

Представленные положения ориентируют на осмысление преемственности образовательных уровней как ключевого условия формирования устойчивых профессиональных траекторий в сфере креативных индустрий. В этой связи особое значение приобретает обращение к классическим и современным педагогическим концепциям, рассматривающим предпрофессиональную и высшую школу как функционально взаимосвязанные элементы единой образовательной системы.

Теоретическое осмысление преемственности образовательных уровней как системного педагогического принципа находит отражение и в современных управленческих решениях в сфере образования и культуры. Вместе с тем институционализация образовательных траекторий на уровне государственной политики сама по себе не гарантирует полной реализации заложенного в них экономического и творческого потенциала.

Именно преемственность образовательных ступеней выступает как условие формирования целостной личности и профессиональной идентичности, что отмечалось ещё в классической педагогической традиции. Так, Я. А. Коменский подчёркивал, что «каждая из ступеней требует для себя определенного времени <...> и постепенности <...> и неизменного их порядка» [7, с. 104], то есть всё последующее обучение должно опираться на ранее усвоенное и быть с ним связано непрерывной цепью. Данный принцип сохраняет актуальность и в современных моделях подготовки кадров, особенно в сферах, где ранняя профессиональная ориентация играет определяющую роль.

В контексте подготовки кадров для креативных индустрий особое значение приобретает уточнение понятий «предпрофессиональная школа» и «высшая школа» как ключевых уровней образовательной системы, между которыми должна быть обеспечена закреплённая преемственность.

Предпрофессиональное образование рассматривается как особый этап целенаправленной подготовки обучающихся к осознанному профессиональному выбору, создавая систему педагогически организованной деятельности, направленной на формирование устойчивой мотивации к профессиональной деятельности, первичных профессиональных представлений и базовых компетенций, необходимых для последующего освоения профессии.

Высшая школа, в свою очередь, в педагогической теории рассматривается как уровень институционализированной профессиональной социализации и формирования квалифицированного специалиста.

Предпрофессиональная школа и высшая школа образуют не разрозненные, а функционально взаимосвязанные уровни образовательной системы. Первая обеспечивает раннее выявление способностей, формирование мотивации и начальных компетенций, вторая – профессионализацию и включение выпускника в отраслевое профессиональное сообщество.

Нарушение связности между этими уровнями приводит к утрате части человеческого потенциала, снижению эффективности образовательных инвестиций и фрагментации профессиональных траекторий. В этой связи проблема педагогически и организационно обеспеченной преемственности между предпрофессиональной и высшей школой приобретает особую актуальность в системе подготовки кадров для креативных индустрий.

«Основой этого является развитая многоуровневая система учреждений культуры, представленная всеми типами и направлениями деятельности. Попадая в нее с детства, личность системно подготавливается воспринимать язык искусств, ценности культуры, формирует культурные потребности и далее – способность участвовать в креативных проектах» [4].

Идея, «образование в области креативных индустрий и условия для его успешного функционирования в отдельном регионе, в который могут входить школы креативных индустрий, школы искусств, творческие ссузы и вузы, вузы, готовящие управленческие кадры в области креативных индустрий» [11, с. 152] рассматривается как основа формирования устойчивого и воспроизводимого кадрового потенциала страны. Подчеркивается значимость выстраивания целостной региональной образовательной экосистемы, обеспечивающей непрерывность профессионального развития обучающихся от этапа раннего выявления творческих способностей до получения высшего образования и последующей профессиональной реализации в креативном секторе.

Еще один научный довод – «креативные индустрии соединяют культурные практики и бизнес-навыки, основанные на творческой и интеллектуальной составляющих, необходимых для формирования новой парадигмы образования» [18, с. 45] – указывает на необходимость интеграции культурных и управленческих подходов в подготовке специалистов.

В контексте вызовов современности «важным откликом креативных индустрий на проблемы реальности как зеркала противоречий бытия человека является создание баланса через коллаборации и инновации», это будет способствовать развитию креативного сектора, который «требует гибких и адаптивных моделей подготовки кадров, обеспечивающих непрерывное профессиональное обновление и формирование новой профессиональной субъектности» [13]; значимость в этой связи приобретает разработка институциональных механизмов, обеспечивающих сопряжение довузовской

и вузовской подготовки специалистов креативных индустрий, что позволяет выстраивать непрерывную профессиональную траекторию и снижать риски разрыва между ранним выявлением творческих способностей и их последующей профессиональной реализацией.

В связи с этой сентенцией ученые высказываются о необходимости «модернизации образовательного процесса в высших учебных заведениях, прежде всего по направлению «Социально-культурная деятельность», призванную решить проблемы дефицита не только менеджерских кадров, но творческих специалистов (исполнителей, аниматоров, воспитателей, консультантов). Основными принципами должны стать современные стандарты обучения, высокий уровень преподавания, связь образования с практикой творческих индустрий» [17, с. 121]. Развивая данную позицию, следует отметить, что такой подход может стать популярным по всем направлениям креативных индустрий и особенным условием будет выступать выстраивание устойчивых механизмов привлечения и закрепления мотивированных абитуриентов, уже прошедших предпрофессиональную подготовку в сфере креативных технологий.

В этом контексте практика открытия новых профилей подготовки в Московском государственном институте культуры, ориентированных на запросы креативной экономики «Менеджмент креативных индустрий», «Управление креативными проектами в сфере молодежной политики», «Креативный дизайн» и других приобретает дополнительное значение, поскольку создает основу для привлечения абитуриентов – выпускников школ креативных индустрий.

Московский государственный институт культуры (МГИК) выступил инициатором формирования креативного консорциума вузов культуры, направленного на объединение образовательных и научных ресурсов для развития профессиональной подготовки кадров в сфере культуры и креативных индустрий.

Ученые Московского государственного института культуры подчеркивают в своих исследованиях, «что Консорциум способен разрабатывать новые инструменты развития научной, образовательной и методической инфраструктур в российских творческих вузах» [9, с. 101], консорциумная модель позволяет интегрировать образовательные, научные и проектные ресурсы вузов культуры, обеспечивая гибкость образовательных траекторий и практико-ориентированную подготовку специалистов для творческого сектора.

«Лидеры креативных индустрий помогут студентам определиться с проблематикой, актуальностью и перспективами социальных инициатив в сфере культуры и искусства, выработать концепцию собственного креативного проекта, апробировать его на фокус-группе. Номинациями для конкурсной защиты подобных проектов могут стать дизайн и мода, декоративно-

прикладное искусство, медиа (фото- и видеоконтент), музыка, исполнительские искусства (театр, танец, перформанс), событийный и культурный туризм, компьютерная графика» [9, с. 100].

Формируется новая модель взаимодействия образовательных организаций, профессионального сообщества и индустриальных партнеров, в рамках которой высшая школа культуры становится активным субъектом проектирования кадровой инфраструктуры креативной экономики.

Последовательным развитием данной стратегии является реализация МГИК комплекса мероприятий, направленных на расширение каналов привлечения мотивированных и подготовленных абитуриентов в сферу креативного образования. Одним из таких инструментов выступает Международная олимпиада «Креативный код», проводимая Московским государственным институтом культуры при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, которая формирует дополнительный механизм выявления талантливой молодежи и выстраивания устойчивых образовательных траекторий в сфере креативных индустрий.

Еще один образовательный проект в направлении «Креативные индустрии», который успешно реализуется в Московском государственном институте культуры – Всероссийская олимпиада студентов «Я – профессионал». В 2024–25 учебном году в регистрационной кампании по данному направлению было подано более 14 тысяч заявок от студентов российских образовательных организаций высшего образования, что подтвердило высокий интерес молодежи к профессиональной самореализации в сфере креативной экономики.

«Я – профессионал» реализовывалась в рамках президентской платформы «Россия – страна возможностей» и была включена в национальный проект «Молодежь и дети». Формат был ориентирован не только на оценку академических знаний участников, но и на их включение в профессиональную среду: студенты получали возможность взаимодействовать с потенциальными работодателями, проходить стажировки и участвовать в проектной деятельности ведущих российских компаний и учреждений культуры [1].

Участие Московского государственного института культуры в реализации олимпиад «Я – профессионал» по направлению «Креативные индустрии» и «Креативный код» стало дополнительным инструментом формирования кадрового потенциала отрасли, обеспечив раннее выявление мотивированных студентов, их профессиональную ориентацию и последующее включение в образовательную и проектную экосистему вуза культуры.

Совокупность реализуемых МГИК механизмов – проектных, конкурсных и приёмных – формирует целостную систему стратегического управления кадровым воспроизводством в сфере креативных индустрий, где довузовские, вузовские и послевузовские уровни подготовки объединяются в единую вертикально интегрированную образовательную траекторию.

Реализация подобных механизмов требует нормативного закрепления и включения в систему государственной культурной и образовательной политики, что обуславливает необходимость обращения к действующей нормативно-правовой базе, регламентирующей развитие системы подготовки кадров для креативных индустрий в Российской Федерации.

Общие принципы организации образовательной деятельности и обеспечения преемственности уровней образования закреплены в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», устанавливающим механизмы учета индивидуальных достижений поступающих в образовательные организации высшего образования, а также – ориентиры непрерывности и вариативности образовательных траекторий [17].

Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р. Целью Концепции является развитие национальной креативной экономики, основанной на человеческом капитале и историко-культурном наследии народов Российской Федерации [8, с. 10].

Программа создания школ креативных индустрий – уникальных пространств для подростков, где ребята осваивают современные и востребованные профессии: звукорежиссуру и современную электронную музыку, фото- и видеопроизводство, анимацию, 3D-графику, дизайн и интерактивные цифровые технологии, реализуется при поддержке Минкультуры России с 2022 года. Согласно планам ведомства, к 2030 году в стране будет работать более 240 таких образовательных учреждений [2].

Теоретический анализ показывает перспективность вертикально интегрированных моделей преемственности, где высшее образование в сфере культуры и креативных индустрий выполняет двойственную функцию: формирование профессиональных компетенций и конструирование устойчивой профессиональной идентичности.

Попова И. П. в исследованиях стратегических ориентиров художественного образования подчеркивает: «Очень многое зависит от оценки профессиональной среды, в которой она (молодежь) развивается, точнее от институциональных и нормативных условий, в которых эта оценка формируется (например, в искусстве, науке)» [12, с. 95]. Однако следует учитывать, что сама по себе благоприятная профессиональная среда не гарантирует формирования устойчивых творческих карьерных траекторий. Последние возникают при наличии непрерывной системы сопровождения и развития талантов, обеспечивающей последовательный переход от ранней профессиональной ориентации к специализированной подготовке и дальнейшей профессиональной реализации. Это положение напрямую корреспондирует с современной моделью «ШКИ → профильный вуз культуры → професси-

ональная деятельность», где высшая школа становится ключевым звеном трансформации раннего творческого потенциала в профессиональную квалификацию.

Введение данной практики соотносится с приоритетами России. В «Основах государственной культурной политики» подчеркивается необходимость «развития государственной многоуровневой системы подготовки творческих кадров с использованием уникальных отечественных традиций», одной из которых является формирование непрерывной системы подготовки кадров для молодежи. В публичных выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно отмечал: «Мы твердо и последовательно выступаем <...> за создание условий, которые позволят молодому поколению максимально раскрыть свой потенциал и таланты» [13]. Молодежь – это будущее страны, и российское государство создаст условия для раскрытия её потенциала. Министр культуры Российской Федерации О. Б. Любимова, по сообщению информационного агентства ТАСС, в свою очередь, подчеркивает, что «поддержка талантов и создание возможностей для самореализации – один из ключевых элементов модернизации российской экономики» [10].

Нормативно-правовая и методологическая база исследования позволяет рассматривать систему дополнительного поощрения выпускников Школ креативных индустрий как механизм формирования кадрового потенциала креативной экономики, обеспечивающий преемственность между предпрофессиональным и высшим уровнями подготовки.

При этом дополнительное поощрение выпускников ШКИ встраивается в систему конкурсного отбора как управленческий инструмент формирования качественного контингента абитуриентов, уже обладающих базовыми профессионально-творческими компетенциями. С педагогической точки зрения данная мера выполняет функцию устойчивой профессиональной ориентации.

Управленческий эффект механизма проявляется в формировании устойчивой связки предпрофессионального и высшего образования без привлечения внешних сетевых консорциумов. В отличие от моделей межвузовской кооперации, описанных Е. В. Васильевой, предполагающих «при построении модели непрерывного образования для подготовки специалистов межотраслевые объединения образовательных учреждений и представителей всех форм экономической деятельности, в том числе частных лиц, самозанятых, индивидуальных предпринимателей и т. п.» [3, с. 198], локальная вертикальная связка «ШКИ → профильный вуз» характеризуется:

- четким распределением ответственности за результат подготовки;
- согласованностью образовательных целей;
- устойчивостью институциональной структуры;
- снижением рисков размывания образовательных стандартов.

Введение механизма дополнительного поощрения выпускников ШКИ при поступлении в МГИК может рассматриваться как конкретная форма реализации такой устойчивой модели.

Кадровый потенциал креативных индустрий формируется преимущественно через раннее выявление творчески одарённых обучающихся и их дальнейшее сопровождение в системе профессионального образования. Следовательно, целевое привлечение выпускников ШКИ в профильный вуз культуры обеспечивает повышение качества входящего контингента студентов.

Для образовательной организации это снижает риски академической неуспешности, сокращает период адаптации первокурсников и создает предпосылки для более раннего включения студентов в проектную и профессиональную деятельность. Достигается управленческий эффект повышения эффективности образовательного процесса.

Отсутствие формализованных механизмов поддержки данного перехода снижает устойчивость образовательной траектории и ограничивает эффект государственных инвестиций в развитие предпрофессионального сегмента.

Решение указанной проблемы предложено Московским государственным институтом культуры, который первым среди вузов культуры внедряет систему дополнительного поощрения выпускников Школ креативных индустрий в виде начисления 5 дополнительных баллов к результатам вступительных испытаний в 2026 году. Данный механизм закреплен решением Ученого совета МГИК и интегрирован в локальные нормативные акты приёма. Введение дополнительной системы поощрения в виде начисления пяти баллов при поступлении формирует устойчивый механизм перехода от предпрофессиональной подготовки к высшему образованию в сфере культуры. Тем самым институт реализует стратегию непрерывного формирования кадрового потенциала – от раннего выявления творческих способностей до профессиональной подготовки и включения выпускников в отраслевую практику.

Эмпирическую обоснованность эффективности механизма подтверждают результаты социологического опроса выпускников Школ креативных индустрий, проведенного авторами статьи. В опросе приняли участие 1602 учащихся школ креативных индустрий из 34 населенных пунктов России. Возрастную группу составили обучающиеся 14–16 лет (70,8%), 16–19 лет – 29,2%.

На вопрос «Оказывает ли влияние наличие системы дополнительного поощрения в виде 5 баллов при поступлении на Ваше решение рассматривать МГИК как приоритетный вуз для продолжения обучения?»

54% ответили – «Да, существенно влияет на мой выбор»,

37% – «Влияет частично, но не является решающим фактором». И только для 9% респондентов ответили «Не влияет на мой выбор». Система дополнительных баллов выступает не только элементом приемной политики,

но и педагогическим инструментом формирования устойчивой профессиональной ориентации обучающихся в сфере креативных индустрий.

Особенный интерес в опросе вызвал высокий показатель – 46,2% – положительных ответов на вопрос «Рассматриваете ли Вы участие в олимпиадах и конкурсах в сфере креативных индустрий как дополнительную возможность повышения шансов поступления в профильный вуз культуры (в том числе в МГИК)», что свидетельствует о значимости участия в олимпиадах и конкурсах в сфере креативных индустрий как дополнительного фактора повышения шансов поступления в профильный вуз культуры. «Влияет частично» ответили 43,7% опрошенных. Данный результат демонстрирует мотивационную значимость конкурсных форм выявления и поддержки талантов для выпускников Школ креативных индустрий.

Вместе с тем 67% респондентов выразили готовность рассматривать поступление в профильный вуз культуры, но и не исключают параллельно поступать и в другие вузы, при этом 22% планируют исключительно в профильный вуз, реализующий направления подготовки в сфере креативных индустрий, в качестве предпочтительной образовательной траектории. Данное соотношение ответов свидетельствует о том, что следует повысить высокую мотивационную значимость конкурсных и олимпиадных форм, но при этом выбор дальнейшего профессионального образования в сфере культуры носит дифференцированный характер и определяется совокупностью образовательных, карьерных и институциональных факторов.

Выявленный высокий интерес обучающихся к конкурсным формам подтверждает, что механизмы профессиональной ориентации в сфере креативных индустрий наиболее результативны в тех случаях, когда они соединяют мотивационный стимул с институционально значимым образовательным результатом. В этой логике олимпиадные формы могут рассматриваться как следующий этап развития системы преемственности. Полученные данные позволяют сделать вывод о целесообразности расширения системы преемственности за счет внедрения специализированной олимпиады для учащихся Школ креативных индустрий, ориентированной на раннее выявление творческого потенциала, профессиональную ориентацию и формирование устойчивой образовательной траектории «ШКИ → профильный вуз культуры».

Вместе с тем структура ответов по вопросу о выборе профильного вуза культуры показывает, что профессиональное самоопределение части выпускников ШКИ носит вариативный характер. Это свидетельствует о необходимости расширения механизмов преемственности, направленных на стимулирование поступления, а также и на закрепление образовательной траектории через системное сопровождение профессионального выбора обучающихся. В настоящее время система дополнительного поощрения выпускников Школ креативных индустрий в Московском государственном институте культуры выступает как педагогически обоснованный механизм

обеспечения преемственности между предпрофессиональным и высшим образованием в сфере креативных индустрий.

Введение в МГИК системы дополнительных баллов при поступлении для выпускников ШКИ институционализирует принцип преемственности образовательных уровней. С управленческой точки зрения внедрение механизма дополнительного поощрения позволяет оптимизировать структуру приема в вуз культуры. Абитуриенты – выпускники ШКИ – уже обладают базовыми компетенциями в области цифровых и художественно-творческих технологий, навыками проектной деятельности и командной работы, что подтверждается программами обучения ШКИ.

Одним из ключевых результатов внедрения системы дополнительных баллов является преемственность между предпрофессиональным и высшим образованием, реализуемая в форме устойчивой вертикальной связи, характеризующейся согласованностью образовательных целей, ответственностью за результат подготовки и снижением рисков фрагментации образовательных траекторий.

Проведённые теоретические и эмпирические результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Система дополнительных баллов для выпускников Школ креативных индустрий при поступлении в профильный вуз культуры подтверждает потенциал использования как педагогического механизма укрепления преемственности между предпрофессиональным и высшим образованием в сфере креативных индустрий.
2. Институциональная модель вертикальной связи является перспективной формой подготовки кадрового потенциала креативных индустрий, однако результаты опроса показывают, что профессиональный выбор выпускников ШКИ носит вариативный характер. Механизм дополнительных баллов способствует укреплению преемственности, но не устраняет полностью проблему конкуренции вузов и незавершенности профессионального самоопределения.
3. Высокая заинтересованность учащихся Школ креативных индустрий в участии в олимпиадах и конкурсах в сфере креативных индустрий обосновывает необходимость внедрения специализированной олимпиады для учащихся ШКИ как дополнительного педагогического и управленческого инструмента формирования кадрового потенциала отрасли.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что одной из ключевых проблем подготовки кадров для креативных индустрий в современных условиях является разрыв между системой предпрофессионального выявления и развития творческого потенциала обучающихся и последующим этапом высшего образования.

Авторская позиция заключается в том, что устранение данной проблемы возможно не только за счёт расширения сетевых форм взаимодействия,

а посредством выстраивания устойчивых вертикальных механизмов преемственности, закреплённых в нормативной и организационной структуре образовательных организаций. Результаты проведённого опроса подтверждают наличие выраженного мотивационного эффекта механизма, однако его действие следует интерпретировать как один из элементов формируемой системы сопровождения образовательных траекторий, а не как исчерпывающее решение проблемы кадрового воспроизводства отрасли.

В дальнейшем система дополнительного поощрения выпускников ШКИ может быть расширена за счёт

- дифференциации баллов в зависимости от профиля подготовки;
- внедрения индивидуальных образовательных маршрутов для выпускников ШКИ в бакалавриате;
- создания целевых проектных групп «ШКИ–вуз–индустрия»;
- интеграции цифровых портфолио достижений выпускников ШКИ в систему конкурсного отбора.

Предложенный в исследовании комплекс институциональных решений – система дополнительных баллов и специализированная олимпиада для учащихся ШКИ – может рассматриваться как один из перспективных механизмов укрепления преемственности между предпрофессиональным и высшим образованием в сфере креативных индустрий. Реализация указанных мер позволит сформировать систему подготовки кадров для креативной экономики на основе непрерывных образовательных маршрутов.

Предложенный в МГИК механизм дополнительного поощрения выпускников ШКИ обладает потенциалом масштабирования в системе высшего образования сферы культуры.

Перспективными направлениями развития являются следующие:

- распространение практики дополнительных баллов в профильных вузах культуры и искусств Российской Федерации;
- формирование межрегиональных вертикальных образовательных кластеров «ШКИ → вуз культуры → индустриальный партнер»;
- внедрение цифровых систем отслеживания образовательных траекторий выпускников ШКИ;
- разработка федеральных методических рекомендаций по обеспечению преемственности предпрофессионального и высшего образования в креативных индустриях.

Полученные результаты позволяют рассматривать систему дополнительных баллов не как завершённый инструмент решения проблемы кадровой преемственности, а как начальный этап формирования устойчивой модели образовательного сопровождения выпускников Школ креативных индустрий. Дальнейшее развитие данной модели связано с расширением конкурсных, проектных и организационных механизмов, обеспечивающих более устойчивый переход обучающихся в профильное высшее образование.

Список литературы

1. В МГИК стартовал девятый сезон олимпиады «Я – профессионал» в направлении «Креативные индустрии». URL: <https://www.mgik.org/news/v-mgik-startoval-devyatyy-sezon-olimpiady-ya-professional-v-napravlenii-kreativnye-industrii.aspx>
2. В РФ выделили порядка 5,4 млрд рублей на создание школ креативных индустрий. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24866627>
3. *Васильева Е. В.* Креативные индустрии: возможности системы образования для подготовки квалифицированных кадров // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 2. С. 94–113.
4. *Вербицкая Н. О., Учайкина С. Н., Вакарь Л. В.* Кадры для креативных индустрий в культурном пространстве Свердловской области // Управление культурой. 2022. № 2 (2). С. 16–20.
5. Вклад креативной экономики в ВВП в 2024 году составил 7,5 трлн рублей. Министерство экономического развития Российской Федерации URL: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rublej.html?utm_source=chatgpt.com
6. *Кислов А. Г., Феоктистов А. В., Шапков Я. С., Якушева В. А.* Ориентиры подготовки кадров для креативных индустрий // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6. С. 42–49.
7. *Коменский Я. А.* Учитель учителей. Москва: Издательский дом «КАРАПУЗ», 2008. 288 с.
8. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjlAtAya8FAVDUfP.pdf>
9. *Кудрина Е. Л., Юдина А. И., Стрельцова Е. Ю.* Креативный консорциум вузов культуры в контексте развития профессионального образования: от идеи к проекту // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4 (120). С. 96–102.
10. Любимова назвала поддержку талантов ключевым элементом модернизации экономики России. ТАСС. URL: <https://tass.ru/kultura/19972491>
11. *Мурзина И. Я., Кырчикова Д. А.* Креативные индустрии в культурной политике России: образовательный вектор. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2025, с. 143–154.
12. *Полова И. П.* Творческая профессиональная карьера: как возможен профессиональный контроль? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 91–102.

13. *Путин В. В.* Выступление на форуме «Россия – страна возможностей». Москва, 2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/65227
14. *Суминова Т. Н.* Креативные индустрии в контексте вызовов современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 2. С. 69–78.
15. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2024/08/16/330-fz-kreativnye-industrii.html>
16. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
17. *Хриптулов И. В., Гнездова Ю. В.* Трансформация системы образования в сфере культуры и искусства в современных условиях развития креативных индустрий // Гуманизация образования. 2019. № 6. С. 43–48.
18. *Ярошенко Н. Н.* Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЕЙ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ ШКОЛЬНИКОВ

УДК 373.1

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-161-171>

Ирина Владимировна УСКОВА,

кандидат педагогических наук,
начальник отдела научных исследований
и опытно-конструкторских работ,
Издательство «Просвещение»,
Москва, Российская Федерация;
доцент кафедры педагогической теории и практики
социально-культурной деятельности,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: Irina.uskova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема учебной перегрузки школьников и роль домашней учебной работы в ее возникновении. Показано, что домашняя учебная работа сохраняет статус неотъемлемого компонента обучения, который подтверждают педагоги и родители школьников, однако организовываться она должна исключительно в русле здоровьесберегающего подхода. В статье выделяются факторы перегрузки и направления реализации здоровьесберегающего подхода: сохранение физического здоровья, психоэмоционального благополучия и формирование ценностного отношения к здоровью. На их основе сформулированы принципы организации домашней учебной работы и описана система их реализации на уровнях учителя, классного руководителя, администрации школы, родителей и региона. Делается вывод, что отказ от домашней учебной работы не решает проблему перегрузки; необходимо системное применение здоровьесберегающего подхода, в рамках которого домашняя учебная работа становится инструментом воспитания у школьников ответственного отношения к собственным ресурсам и гигиене умственного труда.

Ключевые слова: здоровьесберегающий подход, домашняя учебная работа, обучающиеся, педагоги, общеобразовательная школа.

Для цитирования: Ускова И. В. Здоровьесберегающий аспект организации домашней учебной работы школьников // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 161–171. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-161-171>

THE HEALTH-SAVING ASPECT OF ORGANIZING SCHOOL HOMEWORK FOR SCHOOLCHILDREN

Irina V. Uskova,

CSc in Pedagogy, Head of the Research and Development Department, Prosveshchenie Publishing House, Moscow, Russian Federation;
Associate Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: Irina.uskova@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of educational overload of schoolchildren and the role of homework in its occurrence. It is shown that homework retains the status of an integral component of learning, which is confirmed by teachers and parents of schoolchildren, but it can be organized exclusively in line with a health-saving approach that helps reduce the overload of schoolchildren. The article highlights the factors of overload and the directions of the health-saving approach: the preservation of physical health, psycho-emotional well-being and the formation of a value attitude to health. Based on them, the principles of organizing homework are formulated and the system of their implementation is described at the levels of the teacher, class teacher, school administration, parents and the region. The conclusion is drawn that the rejection of homework does not solve the problem of overload; a systematic application of a health-saving approach is necessary, in which homework becomes a tool for educating schoolchildren in a responsible attitude to their own resources and mental hygiene.

Keywords: health-saving approach, homework, students, teachers, secondary school.

For citation: Uskova I. V. The Health-Saving Aspect of Organizing School Homework for Schoolchildren. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 161–171. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-161-171>

При организации процесса обучения в современной школе приоритетной задачей признается сохранение здоровья обучающихся. Данные государственной статистики и научных исследований на протяжении последних десятилетий фиксируют устойчивую отрицательную динамику показателей здоровья детей и подростков в России [4; 5]. Ключевыми проблемами, усугубляющими эту ситуацию, являются гиподинамия, дефицит прогулок, нарушение режима дня и питания, психоэмоциональная перегруженность и стремительная цифровизация всех сфер жизни. В образовательном процессе «к наиболее значимым детерминантам, определяющим состояние здоровья школьников, относятся повышенная напряженность и монотонность учебного труда, интеллектуальных нагрузок, сокращение длительности перемен и индекса дефицита восстановления» [5, с. 51]. В этом контексте домашняя учебная работа, которая является традиционным компонентом обучения, давно вошедшим в педагогическую практику, рассматривается родителями школьников и представителями общественности как ключевой фактор перегрузки, что дает основания для постоянных обсуждений ее отмены.

Для представления здоровьесберегающего подхода к организации домашней учебной работы необходимо рассмотреть понятия «учебная нагрузка» и «перегрузка» школьников в учебной деятельности.

Учебная нагрузка – суммарное количество часов урочной, внеурочной деятельности и часов на выполнение домашней учебной работы. Количество часов учебной нагрузки зафиксировано в учебном плане, включающем обязательную часть и часть, формируемую участниками образовательных отношений. Часы внеурочной деятельности также зафиксированы в плане внеурочной деятельности. Таким образом, часы внеурочной и урочной деятельности, можно посчитать как в день, так и в неделю. Часы на выполнение домашней учебной работы посчитать с такой точностью невозможно.

Под *перегрузкой* можно понимать превышение санитарных нормативов и объема учебной нагрузки, когда требуемые затраты внутренних ресурсов ученика больше, чем его возможности. Несмотря на то, что, как уже было показано, в расчете учебной нагрузки учитываются не менее трех компонентов, а иногда и больше (например, часы обучения в системе дополнительного образования, часы занятий с репетитором, зачастую после которых также задается домашняя учебная работа), в обществе принято перегрузку связывать именно с домашней учебной работой.

Представим на примере расчет учебной работы школьника в часах: при урочной и внеурочной деятельности – в академических (45 минут); при домашней учебной работе – в астрономических. Однако к академическим часам прибавляется 10–20 минут перемен, что позволяет сделать вывод о том, что расчет нагрузки можно выполнять в астрономических часах, прибавляя их к астрономическим часам домашней учебной работы. Такой способ расчета подтверждается результатами исследования организации домашней учебной работы, опубликованными в Докладе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека [6].

Нормативы выполнения домашней учебной работы закреплены в СанПиН 1.2.3685–21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» [8] в предельно допустимых часах на ее выполнение. Так, в первом классе выполнение школьниками домашней учебной работы допустимо не более 1 часа, во 2–3 классах – не более 1,5 часов; в 4–5 классах – не более 2,5 часов; в 6–8 классах – не более 3 часов; в 9–11 классах – не более 3,5 часов. СанПиН не регламентирует количество и сложность заданий, способы организации и предлагает усредненные нормативы, касающиеся всех школьников. При этом становится понятно, что посчитать точное время выполнения каждым школьником заданий невозможно, так как у каждого свой темп, уровень предметной и организационной подготовки.

Таким образом, в среднем семиклассник может провести шесть часов в школе на урочной деятельности, один час на внеурочной, а после них выпол-

нять, например, два часа домашнюю учебную работу, что составит примерно девять часов его учебной нагрузки в день. Это достаточно серьезная нагрузка на здоровье школьника. Поэтому сегодня возникает необходимость в организации такой учебной деятельности обучающихся, которая будет направлена на сохранение их здоровья, формирование навыков культуры рациональной организации труда, осознанному соблюдению здорового образа жизни.

Прежде чем предложить некоторые решения данной проблемы, необходимо было изучить научно-педагогическую литературу по проблеме и нормативно-правовые документы, провести анкетирования и беседы с участниками образовательных отношений, изучить электронные журналы школьников.

Анализ научно-педагогической литературы по проблеме перегрузки показал, что эта проблема поднимается в школьном обучении еще в 19 веке.

В прениях на 25-м учительском съезде в Бремене в 1883 году возникла дискуссия о перегрузке обучающихся. Уже тогда учителя стали говорить, что «время, назначенное для отдыха, не должно браться для каких-либо занятий, как бы полезны они нам не казались» [3, с. 203], и уже тогда педагоги понимают, что проблема перегрузки связана не только с домашней учебной работой. Еще одним фактором перегрузки они называют педагогический стиль учителей, когда «любя свой предмет, (они) склонны вводить в него кое-что сверх установленной программы. Трудно удержаться в пределах благоразумия, когда одно – чрезвычайно интересно, другое – крайне важно» [3, с. 204]. К. Д. Ушинский рассматривал возможность задавать домашнюю работу только после предварительного обучения навыкам самостоятельной работы школьников.

В XX веке проблеме учебной перегрузки уделялось огромное внимание в трудах Б. П. Есипова, М. А. Данилова, Н. К. Крупской, Л. Н. Скаткина, М. Н. Скаткина, Н. Н. Поспелова, В. А. Сухомлинского, была сделана попытка отменить домашние задания, но они быстро вернулись в процесс обучения из-за резкого снижения его качества. Поэтому домашнюю учебную работу было принято регулировать и всесторонне изучать.

В связи с этим, во-первых, была сделана попытка регулирования домашней учебной работы на уровне государства. В 1951 году издан Приказ Минпроса РСФСР «Об устранении перегрузки учащихся домашними заданиями» [9]. В нем были предложены следующие меры: «обеспечить по каждому предмету прочное усвоение всеми учащимися учебного материала, установленного государственной программой», «повысить качество каждого урока», «не перегружать школьников домашними заданиями, для чего: строго следить за дозировкой каждого задания, даваемого учащимся на дом; разъяснять ученикам на уроке содержание, порядок и приемы выполнения полученных ими домашних заданий» [9]. Уже в то время перегрузка тесно связывалась с качеством проведенного урока.

Во-вторых, была организована специальная работа с педагогами по обучению их организации домашней учебной работы школьников. Например, с 1950-го

по 1957-й год ежегодно выпускались методические письма «Домашние задания в начальной школе» [1], где утверждается, что «домашние задания способствуют закреплению и углублению знаний, развитию и совершенствованию умений и навыков, получаемых детьми на уроках. Серьезная подготовка домашних заданий может существенно способствовать повышению качества знаний учащихся» [1, с. 3], а также – методические письма и рекомендации по организации домашней учебной работы по разным предметам в основной школе.

В-третьих, велась постоянная работа с родителями. Для них выпускались книги, создавались памятки и рекомендации о том, как организовать помощь в выполнении домашних заданий школьниками без непосредственного вмешательства в учебный процесс. Приведем пример названия раздела в памятке для родителей: «Совместная работа семьи и школы над правильной организацией домашней учебной работы детей». Л. Н. Скаткин указывает на то, что ответственность родителей не снижается после поступления детей в школу, а, наоборот, возрастает [10]. Именно на них лежат обязанности по оборудованию рабочего места, проверке выполнения домашней работы, созданию благоприятного для учебы эмоционального фона в семье.

В XXI веке проблема перегрузки школьников существенно обострилась, однако – при росте публикаций на эту тему в сети Интернет – можно констатировать недостаточность научных исследования проблемы организации домашней учебной работы в современных условиях, в том числе в цифровой среде. Так, проблемой домашней учебной работы в аспекте здоровьесбережения занимались Е. Н. Дзятковская, И. Ш. Мухаметзянов, В. М. Монахов, Л. В. Скокова.

Можно отметить, что в начале XXI века обозначенные и теоретически разработанные в XX веке проблемы не были решены. К ним прибавились проблемы организации домашней учебной работы в цифровой среде: применение цифровых домашних заданий, электронного дневника школьника, электронных средств обучения.

Таким образом, можно констатировать, что проблемой перегрузки школьников занимались ученые-дидакты, практикующие педагоги, физиологи, гигиенисты, начиная с XIX века. Однако рассматривали они ее преимущественно изолированно от других компонентов учебного процесса, констатируя только непосредственную связь с уроком. Предлагались способы снижения объема домашней работы, а не ее перестройки в соответствии с целями образования соответствующего исторического периода.

Проведенные в 2020 [11] и 2023 [12] годах исследования организации домашней учебной работы школьников позволили сделать следующие выводы о современном состоянии ее реализации в аспекте здоровьесберегающего подхода и предложить некоторые решения.

В соответствии с результатами исследований домашняя учебная работа является неотъемлемым компонентом процесса обучения. 96% педагогов считают, что без домашней учебной работы современный процесс обучения

невозможен. При этом родители школьников заявляют о перегруженности домашними заданиями: почти 20% родителей начальной школы заявили, что их дети делают домашнюю работу от 3 до 4 часов ежедневно [11, с. 43]; 25% говорят, что младшеклассники не могут выполнить работу без помощи родителей [11, с. 45], называя при этом основными видами помощи объяснение непонятого на уроке, подготовку домашних заданий на основе электронных ресурсов и поиск информации в интернете. Однако только 30% родителей высказались, что их дети могут обойтись без домашней работы, остальные считают ее важной не только для повышения качества обучения, но и для полезной организации свободного времени школьников. Показателен вопрос о том, чем бы хотели родители занять время ребенка, если бы домашняя учебная работа не была задана. Большинство родителей предпочли бы, чтобы их дети совершили прогулку на свежем воздухе.

Наибольшие вопросы вызывает у родителей выполнение школьниками домашней учебной работы в выходные дни – об этом говорят 66,4% опрошенных. Недостаточность полноценного отдыха приводит к переутомлению. М. М. Безруких называет ведущим негативным фактором «стрессовую педагогическую тактику», усугубляемую интенсификацией учебного процесса [2, с. 12]. Физиологически доказано, что сильнейшим стрессором для ребенка является постоянное ограничение времени в процессе деятельности, или «цейтнот», в котором школьник пребывает все годы обучения.

Также к факторам перегрузки при выполнении домашней учебной работы относится ее ежедневный характер, однообразие заданий, недостаточное обучение школьников методике их выполнения и низкое качество предшествующего урока [11; 12]. Однако современные программы учебных предметов построены так, что предполагают повторение материала в домашних условиях, поэтому изъятие домашней учебной работы из системы обучения без коррекции учебного плана и программ может привести к снижению качества знаний, так как нарушит целостность процесса усвоения материала. Более того, заполнение освободившегося времени станет дополнительной задачей для родителей, не решая проблему перегрузки.

В связи с этим сегодня назрела необходимость не в отмене домашней учебной работы, а в ее обоснованном изменении на основе применения здоровьесберегающего подхода к ее организации и разработке направлений его применения в школьной практике обучения.

Исследование позволило сформулировать три основных направления реализации здоровьесберегающего подхода в домашней учебной работе: сохранение физического здоровья (нормализация нагрузки, профилактика утомления); сохранение психоземotionalного здоровья (развитие стрессоустойчивости и эмоционального интеллекта); развитие мотивационно-ценностного отношения к здоровью. В рамках этих направлений разработаны следующие принципы организации домашней учебной работы.

1. *Принцип оптимальной дозировки* предполагает не только соблюдение гигиенических нормативов, но контроль на уровне учителя, классного руководителя, администрации школы.

Оптимальная дозировка связана не только с требованиями СанПиН ко времени выполнения школьниками домашних заданий, но и с работой в цифровой среде с электронными устройствами. По данным исследования Mediascore «Kids&Teens» [7] о том, как современные дети используют цифровые образовательные ресурсы, делается вывод, что чем старше ребенок, тем больше он использует цифровые учебники и сервисы. Уже в 8 лет 9% школьников проверяют правильность выполнения домашних заданий или узнают ответы в сети Интернет, а в 14–17 лет эта цифра возрастает до 54%. Также 52% старшеклассников и 31% обучающихся основной школы используют цифровые ресурсы для того, чтобы разобраться в теме, не понятой на уроке. 68% обучающихся в 10–11 классах планируют готовиться к экзаменам хотя бы по одному предмету в онлайн-школах. В этих условиях контроль суммарного времени работы с цифровыми ресурсами наряду с контролем времени выполнения домашней учебной работы становится приоритетным в вопросах сохранения здоровья школьников.

2. *Принцип дифференциации* по уровню сложности, интересам и темпу работы учеников, что в настоящее время практически не используется.

В современной дидактике обосновывается необходимость дифференцированного и индивидуального подхода в обучении (И. М. Осмоловская), однако на практике принцип дифференциации по уровню сложности, познавательным интересам и, что особенно важно, по темпу усвоения материала пока не вошел в широкую практику. В классе из 25–30 человек учитель физически не может предложить три-четыре варианта заданий разной сложности с одновременным регулированием индивидуального темпа выполнения, не нарушая логики урока. Следствием этого становится рассогласование: сильные ученики быстро делают задания и скучают или отвлекают других, а слабые испытывают давление и тревожность из-за постоянного несоответствия требованиям. Оба состояния напрямую противоречат здоровьесберегающей парадигме, так как ведут к стрессу, потере учебной мотивации и психосоматическим расстройствам.

Однако это не означает, что дифференциация как принцип здоровьесбережения недостижима. Каналом ее реализации может стать домашняя учебная работа. В отличие от урока, жестко ограниченного временными рамками и единым для всех темпом, домашняя учебная работа имеет больше возможностей. Она позволяет учитывать интересы ребенка, выбирать уровень сложности заданий, обеспечивающий выполнение в зоне ближайшего развития (Л. С. Выготский), регулировать темп и объем работы, согласовывать его с дальнейшими планами на продолжение образования.

3. *Принцип позитивной психологической атмосферы* ориентирован на создание ситуации успеха, применение формирующего оценивания и отказ от наказания за ошибки. По мнению Л. Н. Занкова, ошибка – это находка для учителя.

На ее основе корректируется процесс обучения, от этого еще более возрастает значимость полученных учителем достоверных результатов выполнения домашних заданий. Школьники придают особое значение оцениванию своей работы: несправедливая запоздалая отметка может повлиять на отношение к учителю и предмету, который он преподает. Оценка должна быть объективной с понятными для всех учащихся критериями оценивания. Поэтому не всегда необходимо выставлять отметку, можно воспользоваться формирующим оцениванием, поддержав работу школьников и скорректировав ее.

4. *Принцип включения здоровьесозидающего содержания* в состав домашней учебной работы является для сегодняшнего дня практически не разработанным. Здоровьесберегающий подход к ее организации, действительно, заявлен, но практически не реализован на практике. В то же время домашняя учебная работа имеет возможности для включения информации о здоровье, культуре учебного труда, примеров жизни людей, демонстрирующих силу духа и ответственность за свое здоровье в канву учебных заданий по разным предметам. Принцип включения здоровьесозидающего содержания означает создание такой дидактической среды, где здоровье становится сквозной смысловой линией, естественной для любого учебного предмета. Школьники в рамках домашней учебной работы могут знакомиться с данной информацией через решение предметных задач – математических, лингвистических, исторических, естественнонаучных. Кроме того, систематическое включение таких примеров создает позитивную эмоциональную атмосферу, снижает тревожность и формирует долгосрочные поведенческие установки. Важно подчеркнуть, что включение такого содержания не увеличивает учебную нагрузку, а изменяет ее.

5. *Принцип двигательной активности* предполагает, что гимнастике для глаз и тела необходимо обучать.

В теории здоровьесберегающей педагогики двигательная активность признается одним из ключевых факторов профилактики переутомления, нарушения осанки, ухудшения зрения и психоэмоционального перенапряжения. Однако на практике реализация этого принципа часто сводится к редким, формальным физкультминуткам. Причем даже в этих случаях гимнастика для глаз и тела выполняется без систематического обучения: ученикам показывают 2–3 стандартных упражнения, но не объясняют, почему и как именно их нужно выполнять правильно. В итоге к старшим классам большинство школьников не владеют элементарными приемами зрительной гимнастики, не умеют снимать напряжение с шеи и поясницы после длительного сидения, а главное – не осознают ценность двигательных пауз как обязательного элемента учебного труда [13, с. 95–145].

К 5–6 классу большинство учеников воспринимают статичную позу как единственно возможную форму учебной работы, а любые движения на уроке начинают расцениваться как нарушение. Эту установку школьники автоматически переносят на выполнение домашней учебной работы.

Одна из самых распространенных ошибок в организации учебного труда (и в школе, и дома) – отождествление отдыха с переключением на цифровые устройства. В этом случае происходит перенапряжение глаз, позвоночник остается в статическом согнутом положении, а нервная система получает новый поток информации. Такой отдых не снижает утомление, а усугубляет его, приводя к перегрузке.

Практическая реализация здоровьесберегающего подхода требует системной работы на разных уровнях.

На уровне учителя приоритетом становится сохранение собственного здоровья и здоровья школьника. Педагог обязан контролировать объем заданий по предмету и процесс их выполнения в части устранения перегрузки. При этом выполнению домашней учебной работы важно обучать детей целенаправленно. Такое обучение не связано только с учебными достижениями по предмету: на первый план выходит обучение метапредметным умениям и навыкам, которые связаны как с организацией собственной учебной деятельности (выбор времени на выполнение домашней учебной работы, организация рабочего места, устранение отвлекающих факторов, чередование периодов работы и отдыха и прочее), так и с развитием универсальных учебных действий (умение работать с учебно-научным текстом, искать информацию в справочной литературе и сети Интернет, составлять схему, алгоритм, таблицу).

Также важен уровень классного руководителя, на которого, прежде всего, ложится контроль учебной нагрузки школьников его класса в день. Как правило, учителя-предметники, работающие в одном классе, редко согласовывают объем домашней работы со своими коллегами, поэтому в проанализированных электронных дневниках часто встречается в качестве домашних заданий на один день изучение достаточного большого материала (например, чтение трех параграфов, выполнение задач по разным предметам, написание текста по русскому языку, чтение художественного произведения). Классному руководителю важно оценить весь объем заданного по количеству затраченного времени на его выполнение, а также – возможности качественного выполнения всех домашних заданий школьниками. При необходимости классным руководителем проводится корректирующая работа с учителями, работающими в данном классе.

В то же время классный руководитель организует классные часы по применению здоровьесберегающих технологий при выполнении домашней учебной работы, включая обучение планированию и основам тайм-менеджмента. Он ведет системную работу с родителями по выявлению трудностей у детей в процессе выполнения заданного, ищет пути помощи.

На уровне администрации школы обеспечивается общешкольный контроль объема домашней работы обучающихся, проводится методическая работа с учителями по планированию уроков, не требующих объемных домашних заданий, организуются встречи со специалистами в области охраны здоровья и курсы повышения квалификации для педагогов, а также инициируется проект-

ная деятельность и мероприятия, направленные на приобщение школьников к здоровому образу жизни.

На уровне родителей проводится работа (зачастую при помощи школы) по созданию благоприятных психоэмоциональных условий для выполнения домашней учебной работы, по организации рабочего места ребенка в соответствии с гигиеническими нормами, ведется контроль нагрузки в течение дня – без перегрузки дополнительными занятиями.

На уровне региона проводятся просветительские мероприятия для педагогов, школьников и родителей по вопросам нормализации самостоятельной учебной деятельности и основам здорового образа жизни в процессе школьного обучения.

Проведенное исследование подтверждает, что домашняя учебная работа остается неотъемлемым компонентом современного процесса обучения: абсолютное большинство педагогов видят в ней необходимое звено полноценного усвоения знаний и средство освоения учебной программы. Вместе с тем данные опросов и анализ учебной нагрузки свидетельствуют о существующей перегрузке обучающихся.

Однако отказ от домашней учебной работы не решит проблему перегрузки, а лишь перенесет ее в плоскость неорганизованного досуга и снижения качества обучения, а родители станут самостоятельно «задавать» своим детям задания, не имея на то должной подготовки и не понимая логики учебного процесса. Это может привести не только к усугублению перегрузки школьников, но и изменению социальных ролей, когда родитель уходит от роли поддерживающего наблюдателя к организации и интенсификации учебного процесса.

Проблема перегрузки – комплексная проблема, затрагивающая нагрузку в урочной и внеурочной деятельности, нагрузку при выполнении домашней учебной работы и нагрузку в системе дополнительного образования и репетиторства (при наличии).

Если рассматривать домашнюю учебную работу как одну из составляющих нагрузки школьников, то сегодня назрела необходимость не констатации, а реализации здоровьесберегающего подхода при организации домашней учебной работы школьников. Ее потенциал как инструмента сохранения здоровья и формирования культуры здорового образа жизни на сегодняшний день используется не в полной мере. Между тем именно системное применение здоровьесберегающего подхода позволяет превратить ее из фактора переутомления в средство воспитания у школьников ответственного отношения к собственным ресурсам и гигиене учебного труда.

Список литературы

1. *Адамович Е. А. Пчелко А. С., Закожурникова М. Л. и др. Домашние задания в начальной школе: методическое письмо.* РСФСР: Управление школ Министерства просвещения. Москва: Учпедгиз, 1957. 68 с.

2. *Безруких М. М.* Здоровьесберегающая образовательная среда и факторы, препятствующие ее созданию // *Человек и образование*. 2012. № 2. С. 10–16.
3. Вопрос об обременении учащихся учебными работами: Прения на 25 учительском съезде в Бремене // *Педагогический сборник, издаваемый при главном управлении военных заведений*. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича. Февраль. 1884. С. 200–214.
4. *Зайцев Г. К., Белолюбская Е. И., Бродик Г. М.* и др. Школе требуется здоровая личность // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 2. С. 65–74.
5. *Милушкина О. Ю., Дубровина Е. А., Григорьева З. А.* и др. Влияние современной образовательной среды на нервно-психическое здоровье детей школьного возраста // *Российский вестник гигиены*. 2023. № 4. С. 47–56.
6. Нагрузка на школьников: проблемы и решения: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2025. 23 с. URL: <file:///C:/Users/student/Downloads/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B0%20%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2.pdf>
7. *Пикулева М.* KIDS&TEENS: Большим о маленьких. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/242/i3nhbuashdcelk6afr2h4cz8p77jwf23/KidsnTeens_CSTB.PRO.MEDIA_290224.pdf
8. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28.01.2021 № 2 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685–21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102030022>
9. Приказ Минпроса РСФСР от 12.12.1951 г. № 1093 «Об устранении перегрузки учащихся домашними заданиями». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23582#mpvUXzUk11AJesuG>
10. *Скаткин Л. Н.* Учение детей и обязанности родителей. 2-е изд., перераб. Москва: Учпедгиз, 1954. 88 с.
11. *Ускова И. В.* Результаты исследования домашней учебной работы в общеобразовательных организациях Российской Федерации. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», 2020. 81 с.
12. *Ускова И. В.* Результаты исследования практики организации самостоятельной деятельности обучающихся основной школы: научный отчет. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. 63 с.
13. *Ускова И. В., Сериков В. В., Дзятковская Е. Н.* и др. Самостоятельная учебная деятельность школьника: методическое пособие. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. 180 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ» СТУДЕНТАМИ ФАКУЛЬТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И ФАКУЛЬТЕТА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МГИК

УДК 378.096

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-172-185>

Мария Александровна МАЗУРИЦКАЯ,

кандидат культурологии,
доцент кафедры библиотечно-информационных наук;
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: Mazuritskaya@yandex.ru

Аннотация. В данной статье сравниваются результаты анкетирования студентов двух факультетов Московского государственного института культуры: факультета музыкального искусства (ФМИ) и факультета государственной культурной политики (ФГКП). Анкетирование проводилось в 2024 и 2025 годах с целью выявления отношения учащихся к курсу «Информационная культура личности» (ИКЛ). Анализ анкетирования показал, что в восприятии указанной учебной дисциплины студентами ФГКП и ФМИ существует ряд общих черт, таких как положительная динамика отношения к курсу (запрос на усиление профессиональной ориентации заданий, интерес к работе с текстом при одновременных трудностях с анализом больших объемов информации). Установлены также отличительные черты, обусловленные профессиональной идентичностью слушателей курса: студенты ФМИ ориентированы на такие аспекты информационной культуры, как цифровая безопасность, поиск медиаконтента (ноты, аудио), авторское право, студенты ФГКП – на академическую грамотность, работу с научными источниками, искусственный интеллект, презентационные инструменты. Отмечено, что запрос на интеграцию тем по искусственному интеллекту и промптингу в программу учебной дисциплины Информационная культура личности находится в стадии методической разработки; планируется поэтапное обновление дисциплины в соответствии с технологическими трендами.

Ключевые слова: информационная культура личности, сравнительный анализ, анкетирование, респонденты, профессиональная идентичность, факультет музыкального искусства, факультет государственной культурной политики, искусственный интеллект в образовании.

Для цитирования: Мазурицкая М. А. Сравнительный анализ восприятия учебной дисциплины «Информационная культура личности» студентами факультета государственной культурной политики и факультета музыкального искусства МГИК // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 172–185. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-172-185>

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTION OF THE ACADEMIC DISCIPLINE «PERSONAL INFORMATION CULTURE» BY STUDENTS OF THE FACULTY OF STATE CULTURAL POLICY AND THE FACULTY OF MUSICAL ART OF MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE

Maria A. Mazuritskaya,

CSc in Cultural Studies, Associate Professor
at the Department of Library and Information Sciences;
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: Mazuritskaya@yandex.ru

Abstract. This article compares the results of a survey of students from two faculties of the Moscow State Institute of Culture: the Faculty of Musical Art (FMA) and the Faculty of State Cultural Policy (FSCP). The survey was conducted in 2024 and 2025 to identify students' attitudes towards the course "Personal Information Culture" (PIC). The analysis of the survey revealed a number of common features in the perception of this course by FSCP and FMA students, such as a positive dynamic in attitudes towards the course, a demand for stronger professional orientation of assignments, interest in working with texts combined with difficulties in analyzing large volumes of information. Distinctive features determined by the professional identity of the course participants were also identified: FMA students are oriented towards aspects of information culture such as digital security, media content search (sheet music, audio), and copyright, while FSCP students focus on academic literacy, working with scientific sources, artificial intelligence, and presentation tools. It is noted that the demand for the integration of topics on artificial intelligence and prompt engineering is at the stage of methodological development; a phased update of the discipline in line with technological trends is planned.

Keywords: personal information culture, comparative analysis, survey, respondents, professional identity, Faculty of Musical Art, Faculty of State Cultural Policy, artificial intelligence in education.

For citation: Mazuritskaya M. A. Comparative Analysis of the Perception of the Academic Discipline «Personal Information Culture» by Students of the Faculty of State Cultural Policy and the Faculty of Musical Art of Moscow State Institute of Culture. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 172–185. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-172-185>

В настоящее время отечественные вузы сталкиваются со множеством трудностей, обусловленных как общей социально-политической ситуацией, так и рядом других факторов. К их числу относятся выход России из Болонской системы, цифровизация образования, а также ценностная трансформация студенческого сообщества, которая «требует пересмотра сложившейся модели академического взаимодействия» [9, с. 10]. В этих непростых условиях перед российской высшей школой стоит сложная задача. С одной стороны, необходимо сохранить традиции национального образования, ориентированного на «снабжение студентов солидным запасом теоретических сведений, которые и должны выступать в качестве основы практических умений и навыков» [3, с. 248]. С другой, важно обеспечить выпускникам высокий уровень профессиональной подготовки, соответствующий требованиям динамичного рынка труда и цифровой экономики. При этом следует учитывать психологические особенности современных студентов и их «стремление к немедленному применению полученных знаний и развитию компетенций, необходимых для профессиональной деятельности» [1, с. 143]. Такая прагматическая установка приводит к тому, что общегуманитарные и общенаучные курсы нередко воспринимаются учащимися высшей школы как бесполезные и отнимающие у них время, которое можно было бы потратить на изучение профильных дисциплин. С подобным скептическим отношением пришлось столкнуться педагогам, проводившим лекционные и практические занятия по учебной дисциплине «Информационная культура личности» (ИКЛ) в Московском государственном институте культуры. Данный курс преподается во МГИК на пяти факультетах: библиотечно-информационном, (БИФ) хореографическом (ХФ), факультете социально-культурной политики (ФГКП), факультете музыкального искусства (ФМИ) и театрално-режиссерском факультете (ТРФ) и призван не конкурировать с профильными курсами, а создать для них общую методологическую основу. В связи с этим главной задачей указанной учебной дисциплины, по мнению доктора педагогических наук, профессора Н. И. Гендиной, является «формирование метазнаний и метаумений <...>, направленное на развитие профессионального мастерства и возможность быстрой адаптации в условиях динамично меняющегося мира, частой смены производственных и социальных технологий» [2, с. 161). Другими словами, ИКЛ напрямую отвечает на запрос самих студентов о практическом применении полученных знаний, но не на узкопрофессиональном, а на более глубинном уровне. Эту мысль преподаватели активно стремились донести до слушателей курса, однако о том, насколько уда-

лось им поменять отношение студентов к новой учебной дисциплине, можно судить только зная позицию самих учащихся. Поскольку «одним из распространенных способов получения обратной связи от студентов по итогам изучения курса является анкетирование» [7, с. 10], изначально предполагалось провести анонимный анкетный опрос сразу же после завершения обучения, что и было сделано в 2023/2024 учебном году. Наиболее активное участие в данном опросе приняли студенты библиотечно-информационного факультета [5]. Результаты анкетирования показали, что у большинства студентов обозначенного факультета остались положительные впечатления от курса, однако нельзя исключать и такой фактор, как «особенности студенческого контингента БИФ и того, что студенты этого факультета, как правило, осознают, что учебная дисциплина «Информационная культура личности» самым тесным образом связана с их будущей профессией» [5, с. 148]. На других факультетах студенты менее активно участвовали в анкетировании, в связи с чем материал, собранный по результатам анализа анкет, был недостаточен для проведения полноценного исследования. Причиной слабой заинтересованности студентов стало то, что при проведении анкетного опроса не была учтена специфика учебного процесса на творческих факультетах. В отличие от студентов БИФ, чья подготовка, как правило, заключается в работе с теоретическим материалом, для учащихся творческих специальностей этот период связан с интенсивной практикой – репетициями, показами и сдачей творческих работ, что ограничивает их доступность для опросов. Таким образом, автор данной статьи разделяет вывод исследователей Лапшиной С. Н. и Рытовой Т. А. о том, что практика, когда анкетирование студентов после пройденных курсов является не «подходящим временем для опросов, так как во время сессии студенты заняты и находятся в стрессовом состоянии, что главным образом влияет на качество ответов» [4, с. 62–63]. Для преодоления проблемы низкого охвата респондентов в дальнейшем был внедрен и апробирован альтернативный метод сбора данных. Вопросы анкеты были интегрированы в итоговое портфолио курса, где студенты должны были продемонстрировать приобретенные практические навыки. Ответы на вопросы анкеты были обозначены как необязательные. Интеграция анкетирования в учебный процесс позволила значительно повысить охват аудитории.

Целью анкетирования стало комплексное изучение и сравнительный анализ восприятия учебной дисциплины «Информационная культура личности» (ИКЛ) студентами факультета музыкального искусства (ФМИ) и факультета государственной культурной политики (ФГКП) для выявления специфики их образовательных потребностей и оценки эффективности курса для студентов указанных факультетов.

Задачи исследования

1. Выявить исходные ожидания студентов от курса «Информационная культура личности» (ИКЛ).
2. Определить, какие темы, изученные в рамках курса, вызвали у студентов наибольший и наименьший интерес.
3. Оценить степень сложности для студентов конкретных практических заданий.
4. Проследить динамику изменения отношения к дисциплине ИКЛ в процессе обучения.
5. Обобщить предложения студентов по изменению курса с учетом их профиля подготовки.
6. Провести сравнительный анализ ответов учащихся ФМИ и ФГКП по параметрам, указанным в задачах 1–5, и выявить сходство и различия студентов обоих факультетов в восприятии курса ИКЛ.

Основной метод сбора данных: анкетирование. Участники анкетирования – студенты факультета государственной культурной политики (ФГКП) в количестве 46 человек и студенты факультета музыкального искусства (ФМИ) в количестве 43 человек.

Обработка и анализ эмпирических данных осуществлялись с применением методов количественного и качественного анализа. Также важной составляющей данного исследования стал сравнительный анализ. Его значимость обусловлена существенным различием между студентами факультета ФМИ и ФГКП. Студенты факультета социально-культурной политики ориентированы на будущую управленческую деятельность, поэтому их мышление более аналитично и направлено на выявление структур и закономерностей. Молодые люди, обучающиеся на факультете музыкального искусства, нацелены на творческое самовыражение, и их восприятие информации более образно. Кроме того, именно студенты ФМИ в процессе знакомства с курсом ИКЛ наиболее активно и открыто проявляли недовольство включением данной учебной дисциплины в образовательную программу, в связи с чем необходимо было понять, изменилось ли их отношение после завершения обучения.

Анкетирование состояло из 6 пунктов, первым из которых стал вопрос «Какое было Ваше изначальное ожидание от курса «информационная культура личности?» Как и предполагалось, студенты ФМИ отнеслись к появлению новой для них учебной дисциплины достаточно настороженно, так как среди студентов, ориентированных на различные аспекты музыкального творчества, существует устойчивое мнение «о бесполезности и ненужности изучения непрофильных дисциплин на уровне высшего образования» [10, с. 168]. Так, 38,% респондентов изначальное предполагали, что ИКЛ – это «*информатика как в школе*», «*скучный и нудный предмет*» или «*повторение известных вещей*». Еще 12% не понимали смысл указанной дисциплины.

Другая часть студентов восприняла включение курса ИКЛ в программу своего обучения достаточно спокойно; из них 30% ожидали от новой учебной дисциплины приобретения навыков эффективного поиска, анализа и систематизации информации, 15% – знаний в области цифровой безопасности и грамотного поведения в сети. Это указывает на то, что потенциальная ценность курса рассматривалась данной аудиторией исключительно в инструментальном ключе, непосредственно решающем конкретные учебные задачи. Лишь незначительная часть положительно настроенных к учебной дисциплине студентов ожидала от курса более глубокого, мировоззренческого влияния, связанного с формированием личности в цифровой среде. Таких оказалось всего 5%. Полученные данные показывают, что изначальное восприятие дисциплины «Информационная культура личности» студентами-музыкантами характеризуется преобладанием скептицизма, коренящегося в убеждённости о второстепенности непрофильных дисциплин, а также – четким запросом на практикоориентированность и отказом от абстрактно-теоретической подачи материала.

Среди студентов ФГКП также присутствовали молодые люди, признавшиеся изначально в негативном отношении к курсу ИКЛ, однако таких было на 11% меньше, то есть 27% против 38% студентов ФМИ.

Однако, как и в случае с последними, свой негативный настрой учащиеся объясняли тем, что предполагали, что ИКЛ – *«это поверхностный курс, нужный только для школьников», который «будет похож на школьную информатику»*. У 20% респондентов не было чётких ожиданий, но без выраженного негативного фона. Больше половины студентов (53%) считали, что учебная дисциплина будет им полезна и ждали, что благодаря ей они научатся практическим навыкам работы с информацией (34%), в частности смогут *«научиться правильно пользоваться онлайн-библиотеками»*, искать информацию и работать с текстом. Меньший процент респондентов (13%) были уверены, что новый курс научит их критическому восприятию информации и верификации данных. Наименьшее число респондентов (6%) полагали, дисциплина ИКЛ будет носить лишь теоретический характер.

Таким образом, у студентов ФГКП, несмотря на наличие некоторого скептического отношения к дисциплине «Информационная культура личности», общий фон ожиданий от курса был смещен в сторону получения конкретных компетенций, необходимых для будущей деятельности в сфере управления культурой и креативными индустриями.

О том, насколько успешно преподавателям удалось, с одной стороны, преодолеть негативный настрой части студенческой аудитории, а с другой – не разочаровать тех учащихся, которые были нацелены на получение новых и полезных знаний, можно судить по ответам респондентов на следующий вопрос: «Оправдались ли эти ожидания»? Было установлено, что преподаватели достаточно успешно справились с поставленными задачами, о чём

свидетельствует то, что 85% студентов ФМИ изменили свое негативное отношение к курсу. Для изначальных скептиков это выражалось в ломке стереотипов: *«Не совсем оправдалось, но это даже хорошо. Я лично рада, что в курсе раскрыты полезные темы, связанные с написанием и анализом научных работ»*, *«Оказалось, что это интересный предмет, где мозг начинает работать...»*. Небольшая группа респондентов, чье негативное мнение о курсе не изменилось, состояла преимущественно из двух категорий студентов с уже сформированными компетенциями (выпускники музыкальных колледжей), для которых часть материала являлась повторением, и молодых людей, чей запрос на получение сугубо технических и узкоспециализированных знаний не был удовлетворён в рамках курса.

Среди студентов факультета государственной культурной политики также была выявлена положительная динамика: 82% респондентов отметили, что курс ИКЛ оказался намного интересней и полезней, чем они ожидали вначале. Однако если для молодых людей, обучающихся на ФМИ, ключевым был эффект «приятной неожиданности», то для будущих управленцев и продюсеров главным критерием явилось соответствие профессиональному запросу. Тем не менее 18% учащихся ФГКП признались, что учебная дисциплина информационная культура личности оказалась для них недостаточно «продвинутой», так как они хотели бы *«больше практических занятий, фокусирующихся на эффективном формулировании запросов (промптинге) и ИИ»*

В третьем вопросе анкеты респондентам было предложено указать, какие темы, изученные в рамках курса, показались им наиболее, а какие наименее интересными. Сравнительная статистика ответов представлена в таблице 1.

Согласно представленным в таблице данным, лидирующую позицию среди наиболее интересных тем у студентов обоих факультетов заняли темы, связанные с работой с текстом. Респондентам, обучающимся на ФМИ, работа с текстовой информацией, а не с нотами, помогает реализовать их потребность в структурировании мысли, что не всегда доступно в рамках музыкально-исполнительской практики. Для студентов ФГКП работа с текстом является хотя и важным, но скорее ожидаемым инструментальным навыком, необходимым в их будущей специальности. В целом же именно при ответе на анализируемый вопрос анкеты наиболее четко проявились различия в восприятии тематики курса студентами разных факультетов. Если студентам ФМИ более интересны темы, связанные с творческим самовыражением (*«построение текста по принципу перевернутой пирамиды»*), то молодых людей, обучающихся на ФГКП, привлекает тематика, направленная на поиск информации. Для управленческих специальностей навыки эффективного поиска информации являются базовой компетенцией, напрямую проецируемой на будущую профессиональную деятельность.

Еще одним существенным различием в ответах респондентов стал достаточно высокий интерес студентов ФГКП к теме «Анализ курсовой работы»,

№ п/п	Тематика курса	ФМИ, %	ФГКП, %
1.	Наиболее интересные темы		
1.1.	Работа с текстом (анализ текста построение текста по принципу «перевернутой пирамиды.», интеллектуальные приемы работы с текстом)	32,5	22,0
1.2.	Поиск информации (поисковые операторы системы Яндекс, электронные библиотечные системы, поиск информации на справочных сайтах)	27,5	40,0
1.3.	Критический анализ определений	15,0	31,0
1.4.	Технология подготовки и критический анализ курсовой работы	10,0	24,0
1.5.	Все темы понравились	12,5	11,0
2.	Наименее интересные темы		
2.1.	Формализованный анализ научного текста	35,0	33,0
2.2.	Классификация информационных ресурсов	25,0	29,0
2.3.	Работа с электронными библиотечными системами	20,0	20,0
2.4.	Поисковые операторы системы Яндекс	20,0	18,0

Таблица 1. Наиболее и наименее интересные темы по учебной дисциплине «Информационная культура личности» по мнению студентов ФГКП и ФМИ

(24,0%), при том что для студентов ФМИ этот интерес был минимальным (10%). Это связано с тем, что для студентов ФГКП курсовая работа выступает прообразом будущего проекта, бизнес-плана или грантовой заявки, поэтому навыки ее структурирования и анализа воспринимаются как профессионально значимые. Для большинства респондентов, обучающихся на факультете музыкального искусства, написание курсовых работ остается вынужденной академической обязанностью, не имеющей очевидной связи с их будущей профессией.

Относительно самых неинтересных тем студенты проявили единодушие, указав в качестве лидера тему «Формализованный анализу научного текста» (35% на ФМИ и 33% на ФГКП). Причиной такого единодушия является то, что работа по жестким шаблонам, требующая скрупулезного внимания к формальным деталям, воспринимается современными молодыми людьми как скучная и механическая. Низкий интерес к теме «Классификация информационных ресурсов» также свидетельствует о неприятии теоретизированного материала, который сложно применить на практике, в то время как

темы «Работа с электронными библиотечными системами» и «Поисковые операторы системы Яндекс», вошедшие одновременно и в список наиболее, и в список наименее интересных тем, демонстрируют эффект «поляризации восприятия». Для части студентов, особенно тех, кто ранее не владел этими навыками, они стали ценным открытием; для других, более опытных пользователей, оказались уже известными и не представляющими новизны.

Если предыдущий вопрос анкеты был направлен на выявление содержательных предпочтений студентов, то следующий – «Какие практические работы показались Вам наиболее сложными, а какие наиболее простыми?» – на оценку субъективной сложности выполнения конкретных практических заданий. Полученные данные обобщены в таблице 2.

Полученные результаты показали, что лидирующую позицию по уровню сложности у студентов обоих факультетов заняла практическая работа «Технология подготовки и критический анализ курсовой работы». Данная практическая работа являлась наиболее объемной и требовала от студентов существенных временных затрат. Второе место по уровню сложности заняла работа «Формализованный анализ научного текста», поскольку студентам

№ п/п	Тематика практической работы	ФМИ, %	ФГКП, %
1.	Наиболее сложные практические работы		
1.1.	Технология подготовки и критический анализ курсовой работы	62,5%	51%
1.2.	Формализованный анализ научного текста	22, 5%	24,5%
1.3.	Интеллектуальные приемы работы с текстом	17, 5%	15, 6%
1.4.	Электронные библиотечные системы: назначение и алгоритм поиска	10%	9,5%
2.	Наиболее простые практические работы		
2.1.	Поисковые операторы системы Яндекс	35%	31%:
2.2.	Введение в учебную дисциплину «Информационная культура личности»	27,5%	24,4%
2.3.	Поиск информации на справочных сайтах и электронных научных библиотеках	25%	22,2%
2.4.	Критический анализ определений и построение дефиниций	14%	12, 3%

Таблица 2. Сравнительная характеристика восприятия практических работ по уровню сложности студентами ФМИ и ФГКП

Примечание: респонденты могли указывать несколько работ, поэтому сумма процентов превышает 100%

необходимо было прочитать и проанализировать более объёмный текст, чем при выполнении других заданий. Таким образом, наибольшие затруднения у слушателей курса вызвали задания, направленные на анализ большого объема информации, поскольку «клиповое мышление», свойственное современному молодому поколению, «приводит к возникновению трудностей в восприятии сложного учебного материала в больших объемах» [8, с. 214].

В отличие от работ, вызывавших у студентов наибольшие затруднения, задания, направленные не на обработку, а на поиск информации, зачастую были отнесены ими к категории наиболее простых. Например, самой лёгкой студенты обоих факультетов посчитали работу «Поисковые операторы системы Яндекс», поскольку, будучи «цифровыми аборигенами», уже обладали сформированными, хотя и не всегда систематизированными, навыками поиска информации. Освоение дополнительных операторов воспринималось ими как полезное расширение уже знакомого инструментария, а не как принципиально новая когнитивная задача. Показательно, что эта же работа для части студентов (около 20%) оказалась наименее интересной именно из-за отсутствия новизны. В целом расхождения в восприятии студентов ФМИ и ФГКП уровня сложности работ являлись незначительными, что позволяет сделать общий вывод о том, что для студентов «лёгкость» практического задания определяется не столько его объективной простотой, сколько субъективной близостью к уже имеющемуся опыту и психологической комфортностью формата. Сложность, напротив, возникает там, где задание требует выхода за пределы привычных алгоритмов.

Пятый вопрос анкеты – «Изменилось ли Ваше отношение к учебной дисциплине «Информационная культура личности» по итогам обучения?» – был направлен на выявление качественных изменений в восприятии дисциплины студентами. Анализ ответов показал, что у студентов ФМИ доля респондентов, отметивших, что их отношение изменилось в лучшую сторону, составила 77,5%; у студентов ФГКП – 71,1%. При этом у 15% студентов ФМИ и 20% студентов ФГКП отношение не изменилось, но в подавляющем большинстве случаев оно было изначально положительным или нейтральным. Лишь незначительная часть респондентов (5% на ФМИ и 4,4% на ФГКП) сохранила скептический настрой. За схожими количественными показателями скрываются качественные различия, обусловленные профессиональной идентичностью студентов. У студентов ФМИ положительная динамика была связана с преодолением стереотипа о «бесполезности непрофильных дисциплин». Респонденты отмечали, что курс оказался глубже, интереснее и полезнее, чем они предполагали: *«Моё отношение к учебной дисциплине изменилось в положительную сторону. Раньше я воспринимал её как формальность, но теперь понимаю, насколько важны навыки работы с информацией в современном мире»*. У студентов ФГКП положительная динамика была связана с подтверждением и углублением профессионального интереса.

«Моё отношение изменилось позитивно. Эти знания полезны не только в учёбе, но и в работе». Студенты (около 5–7% в каждой группе), чье отношение не изменилось в лучшую сторону, в качестве главной причины указывали недостаточную профессиональную фокусировку и слишком большой, по их мнению, объём заданий.

Анкета завершилась вопросом «Какие изменения/предложения Вы бы хотели внести в данный курс с учетом профиля Вашего обучения?» Наиболее часто встречающиеся предложения представлены в таблице 3.

Как показано в таблице 3, одним из наиболее популярных запросов у студентов обоих факультетов стал запрос на дифференциацию практи-

Место	ФМИ (n=40)	%	ФГКП (n=45)	%
1	Всё устраивает / нет предложений	40,0	Усиление профессиональной ориентации	40,0
2	Усиление профессиональной ориентации	35,0	Всё устраивает / нет предложений	31,1
3	Больше практики, меньше теории	15,0	Введение тем по работе с ИИ, нейросетями, промптингу	24,4
4	Введение тем по работе с ИИ, нейросетями, промптингу	12,5	Больше практики, меньше теории	13,3
5	Работа с аудио/видео форматами	10,0	Углубленное изучение авторского права	11,1
6	Изменение формата (отмена лекций, больше свободы)	7,5	Изменение формата / Работа с аудио/видео	4

Таблица 3. Предложения студентов по совершенствованию учебной дисциплины «Информационная культура личности»

ческих заданий по ИКП с учетом профиля подготовки учащихся. В настоящее время в практической части курса такая дифференциация уже есть (при анализе курсовых работ, работе с электронной научной библиотекой, составлении определений и так далее), однако, как показало анкетирование, студентам хотелось бы еще большей профилизации. В частности, студенты ФМИ предлагали включить в курс такие узкоспециализированные темы как «нотные архивы, нейросети для создания музыки, авторское право, создание аудио/видеоконтента, монтаж». Учащиеся факультета государственной культурной политики высказывали пожелания по работе с «кейсами из реального сектора (медиа, туризм, event-менеджмент)», «с нейросетями и digital-инструментами, создание презентаций, рабо-

та с таблицами». При этом студенты ФМИ чаще, чем их коллеги с ФГКП, высказывались за сокращение теоретического лекционного материала в пользу практики, что подтверждает исходную прагматическую установку студентов факультета музыкального искусства и их меньшую терпимость к абстрактным материалам. Анализ ответов респондентов также показал, что у студентов обоих факультетов (особенно у студентов ФГКП) есть запрос на включение в курс ИКЛ тем по искусственному интеллекту и промптингу, что отражает общую тенденцию цифровизации и потребность студентов в компетенциях, связанных с современными технологиями генерации и обработки информации.

Таким образом, анализ проведенного анкетирования показал, что включение дисциплины «Информационная культура личности» в учебную программу обучение студентов факультета государственной культурной политики и факультета музыкального искусства оказалось весьма успешной. Во многом этому содействовала практикоориентированная направленность курса, способствующая «более качественному усвоению знаний студентами» [6, с. 207].

При проведении сравнительного анализа восприятия отмеченной учебной дисциплины студентами ФМИ и ФГКП были выявлены как общие, так и отличительные черты. К общим чертам следует отнести положительную динамику в восприятии курса, запрос на усиление профессиональной ориентации практических заданий, интерес к работе с текстом при признании некоторых затруднений, связанных с анализом большого объема информации. Отличительные черты обусловлены профессиональной идентичностью обучающихся и проявляются по нескольким ключевым параметрам. Так, исходные ожидания студентов ФМИ были сфокусированы на цифровой безопасности, грамотном поведении в сети и поиске специализированного медиаконтента (нотных записей, аудиоматериалов), тогда как студенты ФГКП ожидали от курса прежде всего академической грамотности – навыков работы с научными источниками, электронными библиотечными системами и оформления курсовых работ. Указанное различие сохраняется и при оценке наиболее интересных тем и ярче всего проявляется в предложениях по совершенствованию курса: студенты ФМИ хотели бы включить в рассматриваемую учебную дисциплину задания, связанные с работой с нотными изданиями, аудио- и видеоконтентом, авторским правом, в то время как студенты ФГКП приоритетным считают внедрение модулей по работе с искусственным интеллектом и нейросетями, освоение презентационных инструментов (PowerPoint, Excel) и так далее. Следует отметить, что выявленный у студентов (особенно учащихся на ФГКП) запрос на включение в курс тем, связанных с искусственным интеллектом и промптингом находится в зоне ближайшего методического развития дисциплины, однако его полноценная интеграция требует не только содержательной проработки, но и организаци-

онных и временных ресурсов. Предполагается поэтапное обновление курса с внедрением модулей по работе с нейросетевыми сервисами, верификации сгенерированного контента и формированию навыков эффективного промптинга, которая в настоящее время уже началась. Таким образом, учебная дисциплина «Информационная культура личности», сохраняя свой динамичный характер, продолжит постоянное совершенствование в соответствии с запросами студентов и технологическими трендами цифровой среды.

Список литературы

1. *Бычкова Е. С.* Особенности современных педагогических стратегий и методов воспитания студентов поколения Z // Образование XXI века: преемственность поколений как сохранение духовно-нравственных ценностей и гражданской идентичности в образовательном процессе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году защитника Отечества. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 142–147
2. *Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Кудрина Е. Л.* Информационная культура цифрового поколения в контексте деятельности библиотек и образовательных учреждений в едином электронном информационном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4 (120). С. 157–171.
3. *Гребенкин А. Н., Фомина М. Г.* Система российского высшего образования между глобализацией и возрождением национальных традиций // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью: сборник материалов VI Международной научной конференции. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 247–253.
4. *Лапшина С. Н., Рытова Т. А.* Как получить более объективную обратную связь от студентов // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов со специальных мероприятий XII Международной конференции. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. С. 62–64.
5. *Мазурицкая М. А.* Отношение студентов библиотечно-информационного факультета к курсу «Информационная культура личности» (по материалам анкетирования) // Культура и образование. 2024. № 2 (53). С. 142–149.
6. *Мазурицкая М. А.* Применение практико-ориентированного подхода при проведении занятий по учебной дисциплине «Информационная культура личности» // Научные и технические библиотеки. 2025. № 1. С. 200–210.
7. *Медведева Л. С., Землякова Н. С., Ильязова М. Д.* Анкетирование студентов как инструмент совершенствования учебного процесса в высшем образовании // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2024. Т. 7, № 1. С. 9–18.

8. *Микова И. С., Павлюкевич Л. В.* Учет особенностей развития студентов поколения Z при организации учебного процесса в высшей школе // Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков в свете современных исследований: сборник научных статей XXXIII Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2022. С. 210–216.
9. *Осипова Н. Г.* Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30, № 2. С. 7–25.
10. *Сайнюк Е. С.* Ценностно-смысловое отношение к непрофильным дисциплинам в музыкальном вузе // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 166–169.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ, БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ И КНИГОВЕДЕНИЕ

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЗНАКИ БИБЛИОТЕКИ БУДУЩЕГО: ПОПЫТКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

УДК 004:02+347.78:004.8

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-186-194>

Павел Константинович ТАРАСОВ,

независимый исследователь, соискатель,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tarasovpavelkonstantinovich@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются ключевые аспекты трансформации библиотек в цифровую эпоху. Основное внимание уделяется систематизации и анализу характеристик библиотеки будущего. Методология исследования включает комплексный анализ библиотечной деятельности, изучение нормативных актов и современных тенденций в этой сфере. В статье описаны ключевые признаки библиотеки будущего: наличие гибридных фондов, легальная оцифровка ресурсов, онлайн-обслуживание, ориентация на устойчивое развитие, использование искусственного интеллекта и учет цифровых прав. Исследование показало, что библиотека будущего – это комплексный институт, интегрирующий традиционные и цифровые технологии. Особое значение придается вопросам правового регулирования и требованиям современного общества к библиотеке будущего. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов для разработки стратегий развития библиотеки будущего, а также для нормативных документов в сфере библиотечного дела.

Ключевые слова: библиотеки будущего, прогнозирование, гибридные фонды библиотек, электронные и традиционные носители, цифровая трансформация, искусственный интеллект, устойчивое развитие, цифровые права, библиотечное обслуживание.

Для цитирования: Тарасов П. К. Ключевые признаки библиотеки будущего: попытка прогнозирования // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 186–194. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-186-194>

KEY ATTRIBUTES OF THE LIBRARY OF THE FUTURE: A FORECASTING ATTEMPT

Pavel K. Tarasov,

independent researcher, applicant,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: tarasovpavelkonstantinovich@gmail.com

Abstract. The article explores the key aspects of the transformation of libraries in the digital era. The focus is on systematizing and analyzing the characteristics of the library of the future. The research methodology includes a comprehensive analysis of library activities, studying regulations and current trends in this field. The article describes the key features of the library of the future, including the presence of hybrid collections, legal digitization of resources, online services, a focus on sustainable development, the use of artificial intelligence, and the consideration of digital rights. The study reveals that the library of the future is a comprehensive institution that integrates traditional and digital technologies. Special attention is paid to the issues of legal regulation and the requirements of modern society for the library of the future. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results obtained for the development of strategies for the future library, as well as for regulatory documents in the field of library science.

Keywords: libraries of the future, forecasting, hybrid library collections, electronic and traditional digital media, digital transformation, artificial intelligence, sustainable development, digital rights, library service.

For citation: Tarasov P. K. Key Attributes of the Library of the Future: a Forecasting Attempt. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 186–194. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-186-194>

Сегодня цифровая трансформация библиотек рассматривается как ближайшая перспектива их развития. В публикациях и докладах ряда авторов рассматриваются разные подходы к формулировке основных трендов данной проблемы [1; 2; 6; 8–14]. Предлагаем нашу трактовку.

Представим ряд конкретных систематизированных признаков, которые, на наш взгляд, определяют облик перспективной библиотеки как библиотеки будущего. Рассмотрим эти системообразующие признаки, шесть из которых мы выделяем в данной статье.

1. Гибридные фонды в библиотеках будущего

Библиотечный фонд – главная компонента библиотек и его развитие имеет важное значение для оценки будущей библиотечной трансформации. В соответствии с действующим стандартом ГОСТ Р 7.0.93–20159 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиотечный фонд. Технология формирования» библиотечный фонд определяется как «упорядоченное собрание документов, формируемое библиотекой или иными учреждениями в соответствии с их задачами, типом, видом и предназначенные для хранения и общественного использования в рамках библиотечного обслу-

живания» [5]. В стандарте устанавливаются общие правила формирования библиотечного фонда и его основные процессы, прописаны характеристики важнейших терминов и определений:

- исключение документов из библиотечного фонда;
- комплектование библиотечного фонда;
- обработка библиотечного фонда;
- размещение библиотечного фонда;
- формирование библиотечных фондов.

При этом выделим важнейшую для нашего исследования функцию: формирование библиотечного фонда – это «деятельность, включающая совокупность последовательных и взаимосвязанных процессов по моделированию, комплектованию, обработке, размещению фонда для его последующего использования и хранения, поддержанию в актуальном состоянии» [5, с. 4].

Утверждаем, что библиотека будущего будет иметь фонды трех видов:

- цифровые (электронные) коллекции для локального и удаленного доступа;
- печатные фонды как классическая основа документной составляющей библиотеки;
- микрокопии – микрофильмы и микрофиши, главным образом, для сохранности фондов.

Гибридные фонды библиотек означают, что библиотека будет формировать свои коллекции и работать одновременно с вышеуказанными видами библиотечных фондов. Отметим, что цифровые или электронные фонды будут использоваться для удаленного или локального доступа, в том числе и для расширения пользовательского сервиса за счет того, что электронное издание, например, могут читать сразу несколько читателей, в отличие от печатного, поскольку если печатную книгу один читатель взял, другой должен ждать, пока он ее вернет. Несмотря на регулярные и временами усиливающиеся нападки на печатную книгу, подчеркнем нашу жесткую позицию относительно сохранения печатных фондов, отмечая, что сегодня продолжается тенденция превалирования печатной компоненты по сравнению с электронной. Печатные фонды – как классические – остаются основой современных и будущих библиотек, а также микрокопии – микрофильмы, микрофиши – главным компонентом документов для сохранности фондов.

Подчеркнем, что микроносители используются не только в крупных депозитарных библиотеках и архивах, как это принято считать, а вообще в любых библиотеках, у которых есть функции депозитарного хранения и которые решают проблему, как правильно сохранять информацию и какие носители использовать. Мировая статистика книжного рынка, как и отечественный рынок, устойчиво используют статистику 75% на 25% в пользу книг печатных и даже небольшие изменения этого соотношения в части литературы образовательного характера не меняют общей картины [6; 11].

В одной из своих статей наш великий информатик Руджеро Сергеевич Гиляревский писал: «Книга никогда не умрет» (о библиотеке завтрашнего дня) [3]. В учебнике для высших учебных заведений он подчеркивает, что электронная книга в ближайшие годы никогда не заменит бумажную, но будет ее дополнять. И с этим трудно не согласиться, тем более, что практика библиотечной работы это подтверждает.

Знаменитый американский библиотекосвед Джесс Хоук Шира (Jesse Hawk Shera) еще в 1913 году отмечал ряд основных признаков библиотеки будущего, которые сегодня не утратили своей значимости. Об этом в своей статье, посвященной 115-летию со дня рождения библиотекосведа, Т. Ф. Лиховид пишет, что «ученый занимает ведущее место в американской библиотечно-информационной науке как исследователь проблем взаимодействия библиотечного дела, библиографии, документации; сохранения и передачи документированного знания в человеческом обществе; использования информационных технологий в библиотечной практике. <...> Научное творчество Джесса Хоука Ширы характеризуется возвышенным отношением к библиотечной профессии, признанием библиотек важнейшим социальным институтом в системе сохранения и передачи знаний в человеческом обществе» [7].

Необходимо вновь подчеркнуть, что микрокопии – это не пережиток прошлого. В крупных депозитарных библиотеках и архивах они продолжают создаваться, потому что микрофильм, в частности, по-прежнему остается самой надежной и проверенной системой долговременного хранения данных.

Таким образом, библиотека будущего в части формирования и использования фондов – это не отказ от старого, а разумное сочетание традиционного и современного.

2. Упор на легальную оцифровку

Второй признак логично вытекает из первого – это активная оцифровка фондов. Но здесь ключевой момент – строгое соблюдение закона об авторском праве.

Оцифровка фондов, которые уже находятся в библиотеках выполняется для создания дополнительных электронных копий, то есть здесь абсолютно точно нужно согласовать с законом об авторском праве и, самое главное, понимать, для чего нужна эта оцифровка. Если оцифровываются ветхие, старые, издания, которые уже плохо сохраняются в своей традиционной печатной форме, это понятно: требуется создание их электронной копии в интересах сохранности и использования в обслуживании. Если оцифровываются издания для расширения пользовательского сервиса, то есть для обеспечения многопользовательского доступа, это тоже понятно. Но оцифровка ради оцифровки никому не нужна, ибо в любом случае оцифровка свя-

зана с соблюдением авторских прав и иных законодательных ограничений. Если 70 лет прошло после смерти автора или, если литература перешла в общественное достояние, то здесь нет вопросов. Оцифровывать можно спокойно и без нарушения законодательства. Во всех остальных случаях необходимо иметь согласование автора или иного правообладателя, ибо часто бывает так, что автор передал свои права, например, издательству или какой-то книгораспространительской организации и тогда необходимо согласие этих правообладателей.

Важно понимать: полная замена печатного фонда цифровым невозможна и не только из-за правовых рамок. Поэтому оцифровка – это не тотальный процесс, а сознательная и корректная работа по отражению фонда в цифре с использованием всех предусмотренных законом привилегий и в первую очередь – для расширения пользовательского сервиса или для участия в других проектах, например, в проекте Национальной электронной библиотеки (НЭБ).

3. Пользовательское обслуживание в онлайн-режиме

Третий признак – это режимы (технологии) обслуживания. В первую очередь, конечно, развитие онлайн-сервиса как одной из основных технологий современного обслуживания пользователей (читателей) библиотек, то есть: либо использование специально обученных роботов для расширения спектра обслуживания читателей, либо просто приравнять онлайн-читателей к читателям, приходящим физически в библиотеку.

Этот признак касается непосредственно будущего пользователя библиотеки. Сервис библиотеки перестает быть привязанным к ее физическому зданию. Становятся возможными:

- обслуживание через специально обученных роботов;
- полное переключение на онлайн-формат для удаленных пользователей;
- предоставление всех доступных через сайт библиотеки других электронных ресурсов, кроме своих, для удаленных пользователей.

Доступ к знаниям и услугам библиотеки становится повсеместным и гибким, не только для читателей библиотеки, но для удаленных пользователей. Библиотеки, как уже отмечено, могут предоставлять доступ не только к своим коллекциям или фондам, но и к другим ресурсам, имеющимся в данной библиотеке либо в других библиотеках (фондохранилищах), если лицензия на такое обслуживание у библиотеки имеется. Важно понять, при удаленном заказе литературы из фондов библиотеки, для читателя, требующего предоставлять электронную копию издания, необходимо учесть ограничения авторского права, либо воспользоваться определенными исключениями, если они есть.

4. Ориентация на цели устойчивого развития в повестке дня ООН

Отдельный (четвертый) признак – это то, что связано с повесткой ООН об устойчивом развитии. Это относительно новое понятие в системе приоритетов библиотеки будущего, но сегодня уже обойти его никак нельзя.

Четвертый признак выводит роль библиотеки на новый, социальный уровень. Библиотека будущего активно работает в свете позиций Повестки дня ООН об устойчивом развитии. Она должна доносить до своих читателей и удаленных пользователей принципы экологического равновесия и устойчивого развития общества.

Экологическая компонента становится обязательной для библиотеки будущего. Эти, как и ряд других принципов, должны не просто декларироваться, а учитываться при формировании ежегодных планов работы библиотеки [9].

5. Использование искусственного интеллекта (ИИ)

Пятый признак – это использование искусственного интеллекта. Пока библиотеки пробуют использование ИИ, в основном, в виде следующих моделей:

- чат-боты и библиографические мессенджеры;
- системы виртуальных справок;
- гиды-экскурсоводы по фондам библиотеки и системам обслуживания.

Искусственный интеллект – это одно из будущих направлений в деятельности библиотеки. Пока эти направления только пробуются. Создаются чат-боты, библиографические мессенджеры, виртуальные справки. Но сегодня возникают и новые возможности применения искусственного интеллекта. И это еще один, может быть, даже главный признак библиотеки будущего. Ну и, конечно, тесно с этим связаны цифровые права. Фактически они возникли сразу после того, когда библиотечные ресурсы стали доступны в интернете.

Но возникает и новая, очень серьезная задача для библиотекарей: научиться отделять работу искусственного интеллекта от работы человека. Уже сегодня ИИ пишет научные работы и книги. Как, например, в США, где такие книги помещают на отдельные полки. Нам предстоит выработать этические и профессиональные стандарты работы в этих новых условиях, тем более, модели ИИ в библиотеках продолжают сегодня активно разрабатываться.

6. Учет цифровых прав

Шестой, завершающий признак – это работа с цифровыми правами.

Сегодня цифровые права – настолько важная категория, что им посвящены отдельные разделы в Гражданском кодексе РФ и законодательстве других стран. Главная задача библиотеки будущего – неукоснительно учи-

тывать эти права, не позволяя ни пользователям, ни производителям их нарушать. Это основа работы библиотек в условиях цифровой экономики. Но взаимодействие ИИ и цифровых прав – весьма непростое, и прежде всего, потому, что ИИ пока нельзя наделить правосубъектностью [10].

В заключение можно сказать, что библиотека будущего – это сложный, многогранный институт. Она сочетает в себе гибридные фонды, легальную оцифровку и онлайн-сервисы с новыми обязанностями: продвижением устойчивого развития, интеграцией ИИ и защитой цифровых прав.

Именно эти шесть признаков сегодня определяют стратегию развития библиотеки будущего в XXI веке, но при этом никто не гарантирует, что уже скоро мы не будем говорить еще о ряде новых признаков в виду интенсивно наступающей цифровизации и развития цифровой экономики в обществе, что подчеркивается в монографии Я. Л. Шрайберга «Современные тенденции развития цифровизации общества: научно-образовательная и библиотечно-информационная среда» [11]. В ней изложены основные компоненты и тенденции развития цифровизации общества (блокчейн, искусственный интеллект, облачные вычисления, робототехника, интернет вещей, цифровые двойники, мобильные коммуникации, виртуальная и дополненная реальность и целый ряд других), рассмотрены соответствующие изменения и преобразования в библиотечно-информационной среде, в частности, трансформация информационного рынка, преимущественно в части меняющегося законодательства о защите авторского права и интеллектуальной собственности, а также – состояние в области выпуска печатных и электронных книг; представлены основные технологии и сервисы интернета; описаны элементы социокультурной и досуговой деятельности библиотек в цифровой среде; представлены проблемы импортозамещения в аппаратно-программной области; отмечены усиление роли наукометрических и библиометрических исследований и изменения образовательной парадигмы в цифровой научно-образовательной среде.

Определенный интерес для определения векторов развития будущих библиотек представляет исследование И. П. Тикуновой [8], в котором автор представляет результаты проведенного «анализа нормативных документов, публикаций в профессиональной печати и на сайтах российских и зарубежных библиотек, научных журналов, других сетевых акторов, аккумулирующих и транслирующих научную информацию о цифровизации библиотечного дела; изучение доступа к дистанционным библиотечным услугам». Выявляя и характеризуя основные тенденции библиотечной цифровизации общедоступных библиотек, проводя сравнительный анализ международного и отечественного опыта внедрения цифровых технологий в библиотечную практику, автор указывает, что «цифровизация является одним из мощных трендов библиотечного развития, определяющих неизбежное изменение технологий и форм библиотечной работы» [8, с. 37].

Отметим, что библиотека будущего часто все еще рассматривается как интенсив в части внедрения сетевых цифровых технологий. Но нельзя при этом забывать о социокультурной и образовательной функциях таких библиотек и в обязательном порядке учитывать эти явления и процессы в разрабатываемых нормативных документах.

Список литературы

1. *Атаева Гулджан, Мухамметназарова Гурбансолтан, Керимова Эджебай, Башимова Огулпери.* Цифровая трансформация библиотек: современные тенденции, проблемы и перспективы // *Парадигма.* 2025. № 6. Ч. 2. С. 265–268.
2. *Бычкова Е. Ф.* Цифровая трансформация как фактор устойчивости развития научной библиотеки. (Часть 2. Результаты исследования) // *Научные и технические библиотеки.* 2026. № 1. С. 175–199.
3. *Гиляревский Р. С.* Книга никогда не умрет (О библиотеке завтрашнего дня) // *В мире книг.* 1963. № 5. С. 44–45.
4. *Гиляревский Р. С.* Основы информатики: Курс лекций. Москва: Экзамен, 2004. 319 с.
5. ГОСТ Р 7.0.93–2015 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиотечный фонд. Технология формирования: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: введен впервые: дата введения 2016-07-01/Разработан ФГБУ «Российская государственная библиотека». Москва: Стандартинформ, 2016. II, 8, [1] с. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200128316>
6. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад, год 2024. Москва: М-во цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2025. 97 с. URL: <https://www.unkniga.ru/media/uploads/docs/Bookmarket-2025-1.pdf>
7. *Лиховид Т. Ф.* Джесс Хоук Шира как разработчик теоретических проблем библиотечно-информационной науки (к 115-летию со дня рождения) // *Культура: теория и практика.* 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhess-houk-shira-kak-razrabotchik-teoreticheskikh-problem-bibliotechno-informatsionnoy-nauki-k-115-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/viewer>
8. *Тикунова И. П.* Цифровизация как тренд библиотечного развития // *Труды ГПНТБ СО РАН.* 2021. № 3. С. 31–38.
9. *Шира Дж. Х.* Библиотеки будущего // *Курьер ЮНЕСКО.* 1963. № 1. С. 10–13.
10. *Шрайберг Я. Л.* Научно-образовательное и библиотечно-информационное сообщество сегодня: уроки цифровизации, искусственный интеллект и цифровые права: ежегодный пленарный доклад председателя оргкомитета Двадцать девятой Международной конференции и выставки «LIBCOM-2025». Москва: Государственная публичная научно-техническая библиотека России, 2025. 39 с.

11. *Шрайберг Я. Л.* Современные тенденции развития цифровизации общества: научно-образовательная и библиотечно-информационная среда: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 663 с.
12. *Dorner D., Cambbell-Meier J., Seto I.* Making sense of the future of libraries // IFLA Journal. 2017. No 43(4). P. 321–334.
13. *Shera Jesse H.* Foundations of the public library: the origins of the public library movement in New England, 1629–1855. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
14. *Varnum K. J.* The top technologies every librarian needs to know: a LITA guide. Chicago: ALA TechSource, 2014. 144 p.

СТАНОВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ В МОСКОВСКОМ КОММЕРЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

УДК 027.7:378.6(470.311)"19"

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-195-207>

Виктория Александровна МАРЧУКОВА,

ассистент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: vika.marchukova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса становления и развития библиотечной системы Московского коммерческого института. В работе подробно рассматриваются ключевые достижения библиотеки, такие как создание эффективной системы управления фондом, значительный приток книжного собрания, формирование разнообразной читательской аудитории и обеспечение финансовой устойчивости. Особый акцент делается на методах формирования фондов, включая использование систем пожертвований и поддержание баланса между различными научными дисциплинами. Несмотря на отдельные трудности, такие как снижение активности некоторых отделов и неравномерность спроса, библиотека продемонстрировала высокую степень адаптации и эффективности в управлении ресурсами. Благодаря сочетанию регулярных закупок, крупных пожертвований и активного сотрудничества с культурными учреждениями, библиотека соответствует увеличивающимся образовательным требованиям. В статье также отмечается важность роста иностранных изданий, расширения специализированных коллекций и создания структурированных подразделений по научным направлениям.

Ключевые слова: вузовская библиотека, история вузовской библиотеки, Московский коммерческий институт.

Для цитирования: Марчукова В. А. Становление библиотечной системы в Московском коммерческом институте // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2026. №2 (61). С. 195–207. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-195-207>

THE DEVELOPMENT OF THE LIBRARY SYSTEM AT THE MOSCOW COMMERCIAL INSTITUTE

Victoria A. Marchukova,

Assistant Professor at the Department
of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: vika.marchukova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the formation and development of the library system of the Moscow Commercial Institute. The paper examines in detail the key achievements of the library, such as the creation of an effective fund management

system, a significant increase in the book collection, the formation of a diverse readership and ensuring financial stability. Special emphasis is placed on the methods of fund formation, including the use of donation systems and maintaining a balance between different scientific disciplines. Despite some difficulties, such as a decrease in the activity of some departments and uneven demand, the library has demonstrated a high degree of adaptation and efficiency in resource management. Through a combination of regular purchases, large donations, and active collaboration with cultural institutions, the library has successfully met the increasing educational demands. The article also notes the importance of the growth of foreign publications, the expansion of specialized collections and the creation of structured divisions in scientific fields.

Keywords: university library, history of the university library, Moscow Commercial Institute.

For citation: Marchukova V. A. The Development of the Library System at the Moscow Commercial Institute. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2026, no. 2 (61), pp. 195–207. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2026-261-195-207>

На рубеже XIX и XX веков Россия переживала бурный экономический подъем. Форсированная индустриализация, рост промышленности и расширение торговли создали невиданные ранее возможности, но вместе с ними пришли и новые вызовы. Страна остро нуждалась в специалистах, обладающих глубокими знаниями экономики, инженерии, бухгалтерского дела и права – тех, кто мог бы эффективно управлять сложными процессами модернизации. Однако ни одно коммерческое учебное заведение тогда не могло предложить подготовки, соответствующей этим требованиям.

Осознавая серьезность проблемы, министр финансов Сергей Юльевич Витте взял инициативу в свои руки. Он разработал и провел через Государственный совет новое Положение о коммерческом образовании, утвержденное императором Николаем II в апреле 1896 года. Этот документ открыл двери для создания коммерческих учебных заведений на частные средства, что стало важным шагом на пути решения кадрового дефицита.

Именно благодаря этому Положению в крупнейших городах России начали появляться общества распространения коммерческого образования. В 1897 году в Москве было открыто Московское общество распространения коммерческого образования (М. О. Р. К. О., Общество), председателем которого стал Алексей Семенович Вишняков – известный финансист и общественный деятель. Его идея объединить усилия лучших умов и капиталы города нашла отклик среди выдающихся представителей делового мира. Среди них были такие имена, как «король сладостей» Алексей Иванович Абрикосов, «меховой король» Павел Павлович Сорокоумовский, фармацевт Владимир Карлович Феррейн, промышленники Коноваловы, предприниматели Рябушинские, «коньячные короли» Шустовы и многие другие.

Войдя в состав попечительского совета Общества и объединив свои силы, эти видные деятели создали сеть учебных заведений. Открыв в 1898 году Торговые классы, Общество продолжило свою деятельность, основав Муж-

ское коммерческое училище имени Цесаревича Алексея, Женское коммерческое училище, Коммерческие курсы и, наконец, Московский коммерческий институт (М. К. И., Институт, Коммерческий институт) – первое высшее экономическое учебное заведение Российской империи.

Все эти учреждения существовали исключительно благодаря энтузиазму и поддержке попечителей, чьи вклады позволили построить корпуса училищ и Института, ставшие символом нового этапа в истории российского образования.

Московский коммерческий институт (ныне РЭУ им. Г. В. Плеханова) действительно имеет богатейшую историю. Созданный в 1907 году, он стал уникальным учебным заведением, работающим исключительно на частные средства. Институт отличался своей демократичностью: здесь впервые было разрешено совместное обучение юношей и девушек, а при приеме практически не существовало никаких ограничений по сословным, национальным и религиозным признакам.

Как следовало ожидать, библиотека стала одним быстро развивающихся подразделений вуза. В Уставе М. К. И., выработанном на основании Высочайше утвержденного Положения о Московском коммерческом институте сказано: «При институте состоят <...> учебно-вспомогательные учреждения, [в т. ч.] библиотека общая и библиотека семинариев по отдельным предметам <...> подлежит [она] ведению Попечительного совета Института. Попечительный совет устанавливает правила пользования библиотекой и порядок пополнения ее фондов» [10].

Организация собственной библиотеки стала важной вехой в становлении Московского коммерческого института. До этого момента студенты Высших коммерческих курсов могли пользоваться фондами библиотеки Московского общества распространения коммерческого образования. После преобразования курсов в Коммерческий институт в феврале 1907 года руководство учебного заведения приняло решение о создании отдельной библиотеки. Это событие свидетельствует о стремлении руководства обеспечить студентов необходимыми ресурсами для качественного образования и проведения научной работы.

Для пополнения библиотеки новыми книгами была создана специальная библиотечная комиссия, которая поставила своей главной задачей обеспечение читального зала для студентов всеми необходимыми учебниками и пособиями. В 1907 году в читальном зале имелось по два экземпляра практически всех рекомендованных преподавателями учебников, за исключением тех изданий, которые уже распроданы или ещё не поступили из-за границы.

Вторая задача, которую поставила перед собой комиссия, заключалась в приобретении книг для выдачи слушателям на дом. Несмотря на то, что в библиотеке было некоторое количество книг, приобретенных для предыду-

щих курсов, их недостаточно, и на некоторые книги претендуют сразу пять – десять человек. Поэтому необходимо было приобрести дополнительные экземпляры самых популярных книг.

Книги, купленные за счет Высших коммерческих курсов, внесены в специальный каталог, чтобы библиотеку можно было легко отделить от остальных фондов в случае переезда курсов.

К 1 января 1907 года для Высших коммерческих курсов было приобретено 123 тома из 48 названий.

Библиотечная комиссия установила следующие правила пользования библиотекой для слушателей:

1. книги выдаются как действительным, так и вольным слушателям Высших коммерческих курсов; выдача книг вольным слушателям осуществляется под личным руководством одного из преподавателей;
2. более одной книги одному лицу не выдается (за исключением тех, кто пишет работы, для них это ограничение может быть снято);
3. книги выдаются на срок не более одного месяца, но библиотека имеет право продлить этот срок, если на книгу нет других претендентов.
4. для получения книги требуется предварительная запись;
5. если требуемая книга отсутствует в наличии, то желающий её получить становится кандидатом на получение этой книги; список кандидатов ведется в хронологическом порядке;
6. те, кто записался на книгу и не взял ее в течение двух ближайших сроков выдачи, считаются отказавшимися от неё;
7. на время летних каникул книги выдаются только при наличии специального заявления, одобренного одним из преподавателей;
8. в случае утраты или повреждения книги слушатель обязан приобрести новую или возместить её стоимость;
9. гарантией сохранности книг является документ слушателя, который выдаётся из канцелярии только после получения соответствующего разрешения от библиотекаря [4].

На 1 января 1908 года в библиотеке Коммерческого института насчитывалось 1 982 тома. В 1908 году библиотека стала больше на 2 035 тома. Всего библиотечный фонд к 1 января 1909 года составил 4 017 томов [4].

Увеличение фонда объясняется не только покупками за счет Института, но и щедрыми пожертвованиями. Самые крупные пожертвования сделали А. И. Волков (681 том) и Московское общество сельского хозяйства (315 томов), что составляет внушительную сумму в 996 томов. Остальные пожертвования составили 373 тома. Они распределились следующим образом: для библиотеки коммерческого института – 302 тома, для фундаментальной – 24 тома и для ученической – 47 томов. За последние три года рост библиотеки выглядит следующим образом: на 1 января 1908 года – 1 982 тома, в 1909 году – 4 017 томов, в 1910 году – 8 875 томов.

Таким образом, библиотека Института росла в геометрической прогрессии, увеличивая ежегодный количество томов более чем в два раза. Рост библиотеки обусловлен не только увеличением закупок новых книг, но и пожертвованиями частных лиц, а также поступлением изданий от казенных и общественных учреждений и передачей книг из фундаментальной библиотеки коммерческого училища.

В 1909 году был составлен карточный каталог, основанный на принципе десятичной системы классификации, принятой международным Брюссельским библиографическим институтом. Распределение книг по отделам выглядит следующим образом.

1. Философские науки: 161 том на русском языке и 64 тома на иностранном языке.
2. Педагогика: 213 томов на русском языке и 235 томов на иностранном языке.
3. Правосведение: 488 томов на русском языке и 82 тома на иностранном языке.
4. Общественно-экономические науки: 636 томов на русском языке и 98 томов на иностранном языке.
5. Статистика и местное самоуправление: 2909 томов на русском языке и 48 томов на иностранном языке.
6. История и география: 185 томов на русском языке и 174 тома на иностранном языке.
7. Математика и естествознание: 181 том на русском языке и 84 тома на иностранном языке.
8. Прикладные науки: 421 том на русском языке и 114 томов на иностранном языке.
9. Коммерческие науки: 131 том на русском языке и 73 тома на иностранном языке.
10. Справочная литература: 73 тома на русском языке и 54 тома на иностранном языке.
11. Периодические издания: 735 томов на русском языке и 191 том на иностранном языке [3].

В октябре были открыты семинарские библиотеки, в которых насчитывалось 1 017 томов на русском языке и 170 томов на иностранном языке. Эти библиотеки были посвящены следующим темам: государственное право, общественная экономика и финансы, педагогика (включая философию и коммерческую географию), коммерческие науки, товароведение, административное право и рабочее законодательство, а также иностранные языки.

Общий объем книг в фундаментальных и семинарских библиотеках Коммерческого института составлял 7 455 томов на русском языке и 1 320 томов на иностранном языке.

Осенью 1909 года был организован статистический учет выдачи книг и требований со стороны студентов Института. В течение осеннего семестра, с 18 сентября по 12 декабря, в фундаментальной библиотеке было произведено всего 1 918 выдач в количестве 2 499 томов. Количество выдач книг из фундаментальной библиотеки снижалось каждый месяц, что, по всей видимости, было связано с тем, что в начале осеннего семестра студенты задерживали возвращение книг и лишали своих товарищей доступа к чтению особенно популярных изданий, спрос на которые возрос. Таким образом, во время летних каникул было взято около 250 томов, а в период с сентября по октябрь количество взятых книг увеличилось до 1 438. Однако к 1 ноября было возвращено только 659 томов, или 39% от общего числа книг, находящихся в обращении. В результате библиотечная комиссия разработала новые правила и рекомендации для читателей.

1. Каждый студент может одновременно брать домой из фундаментальной библиотеки института не более двух книг. Книги должны быть прочитаны в течение одного месяца. Многотомные произведения и небольшие брошюры можно объединять в удвоенном количестве. Словари иностранных языков и справочные издания не выдаются на дом. Дорогие книги и статистические исследования (по официальной и земской статистике) выдаются только для специальных работ с письменного разрешения профессоров.
2. Задержка возврата книг более чем на установленный срок сопровождается направлением уведомлений в течение трех дней. Если книги не возвращаются, то на следующей неделе всем, кто пропустил срок возврата, направляется уведомление о том, что неустановленные книги будут считаться утерянными, и их стоимость будет взыскана через институтское правление. Поскольку пользователи библиотеки могут изменить свой адрес без уведомления, списки лиц, ответственных за возврат книг, должны быть обновлены одновременно с отправкой уведомлений. Продление срока возврата книги возможно только при отсутствии возражений со стороны других читателей.
3. Списки лиц, просрочивших время возврата, представляются в правление института через пять дней после второго уведомления.
4. Если слушатели нарушают правила дважды, они теряют право пользоваться книгами библиотеки в дальнейшем.

Правила эти имели свое действие, так как в ноябре было возвращено уже 480 томов, в декабре – 319, а всего – 1 159 томов, что вдвое больше, чем за предшествующую половину осеннего семестра. Дальнейшая рассылка требований о поездках была приостановлена из-за разъезда слушателей на рождественские каникулы и возобновилась уже в 1910 году.

Вторая причина снижения количества выдач из фундаментальной библиотеки связана с организацией семинарских библиотек, которые предостав-

ляют доступ к ресурсам, отсутствующим в основной библиотеке. Однако следует отметить, что основная библиотека всё ещё не полностью укомплектована для удовлетворения всех потребностей почти 3000 студентов Института, что обусловлено относительно молодым возрастом читателей и невозможностью собрать полный набор необходимых материалов за короткий период. Сравнение количества книг в отделах фундаментальной библиотеки с числом выданных экземпляров показывает, что количество требований (4 607) более чем в два раза превышает количество выдач (2 220). Это означает, что большая часть запросов осталась неудовлетворенной.

Далее, анализируя процентное соотношение требований и выдач наличных книг по отделам, мы видим, что некоторые отделы оснащены гораздо слабее по сравнению с запросами читателей. Например, в отделе философии требования слушателей превышают наличный состав отдела в четыре раза.

В области естествознания и математики на 12,1% требований приходится только 5,5% наличных книг, то есть вдвое меньше необходимого. В отделе права, общественных, экономических наук, статистики и истории, особенно русской истории, спрос также превышает наличие книг.

В связи с этим в 1910 году было решено увеличить финансирование библиотеки до 6000 рублей. Из них 3000 рублей предназначалось для приобретения книг для фундаментальной библиотеки, а 3000 рублей – для семинарских библиотек [2].

Наибольшей популярностью пользовались книги по общественным и экономическим наукам, а также по государственному праву. Выдача книг в семинарской библиотеке регулировалась определёнными правилами:

1. пользование книгами и посещение семинарских библиотек возможно только в специально отведенных помещениях;
2. книги выдаются только тем слушателям, которые записаны на определённые семинарские занятия и получили разрешение на чтение от заведующего;
3. книги выдавались только на время работы библиотеки, и должны быть возвращены до ее закрытия; если книги не будут возвращены вовремя, слушатель теряет право дальнейшего чтения в семинарии;
4. одному человеку одновременно выдается не более двух книг, и в течение всего времени работы библиотеки разрешается обменять их на новые;
5. студенты, записавшиеся на семинары, должны предъявить свой входной билет для получения книг; билеты отбираются у них до тех пор, пока они не вернут взятые книги;
6. выдача книг происходит в помещении библиотеки коммерческого института каждый день с 4 до 9 часов вечера, а в праздничные дни – с 10 до 3 часов дня.

В 1910 году количество книг в основной библиотеке увеличилось на 130%, а в семинарской библиотеке – на 146%. Число выдач книг в основной библиотеке возросло на 154%, а в семинарской библиотеке – на 23%. Таким образом, за этот год деятельность библиотеки увеличилась более чем вдвое.

В 1911 году библиотека Коммерческого института показала несколько более слабый рост по сравнению с предыдущим годом, однако всё равно значительно увеличилась и составила 8 480 томов [5].

Ослабление прироста библиотеки в 1911 году в основном связано с уменьшением пожертвований от сторонних источников.

В 1910 году пожертвования превысили 6 000 томов, и только три человека пожертвовали 3 500 томов. В отчетном году было много бесплатных поступлений от учреждений, но крупных единичных пожертвований не было. Пожертвования поступили от частных лиц, общественных организаций, земских учреждений и высших учебных заведений. Всего было пожертвовано 3 301 том.

Покупкой приобретено 4 197 томов, остальные 982 тома получены в виде присылаемых бесплатно редакционных периодических изданий, текущих изданий по статистике, журналов и отчетов разных учреждений, а также случайных поступлений. Общая стоимость библиотеки на 1 января 1912 года достигла 43 898 рублей, увеличившись за 1911 год на 14 103 рубля 5 копеек, по номинальной оценке [10].

Распределение книг по отделам и прирост отделов в течение 1911 года представлены следующим образом.

Отделы фундаментальной библиотеки: философских наук; педагогики; правоведения; общественно-экономических наук; статистики и местного самоуправления; истории и географии; математики и естествознания; прикладных наук; коммерческих наук; справочные материалы; библиографические материалы и периодические издания. Итог: всего в фундаментальной библиотеке на 1911 год было 20 641 том на русском языке и 4 119 томов на иностранных языках.

Семинарская библиотека состоит из отделов: государственное право, экономические науки и финансы, педагогика, коммерческие науки, математика и естествознание, товароведение, местное самоуправление, история, трудовое право, гражданское право, страховое право, экономические семинары М. М. Гольдштейна. Всего в семинарской библиотеке содержится 24 366 томов на русском языке и 4 736 томов на иностранных языках.

Общий фонд фундаментальной и семинарской библиотеки Коммерческого института состоял из 24 366 томов на русском языке и 4 736 томов на иностранных языках. По сравнению с 1900 годом количество книг увеличилось на 41,1% (основное отделение – на 39,7%, семинарское – на 50,1%). Количество книг на русском языке возросло на 43%, на иностранных языках – на 32%. Основные отделы библиотеки увеличились в процентном соотношении по количеству томов.

Фундаментальная библиотека значительно увеличила отделы коммерческих наук, прикладных знаний, статистики, экономики, математики и естествознания, а также – отдел правосведения. Семинарская библиотека расширила разделы товароведения, математики, естествознания, гражданского права и местного самоуправления. Это соответствует растущему спросу со стороны студентов.

На 1 января 1913 года библиотека насчитывала 40 104 тома. Увеличение количества книг в 1912 году было связано, в основном, с увеличением пожертвований. Наиболее значительным из них был дар покойного преподавателя Г. Ф. Шершеневича, который завещал всю свою научную библиотеку институту в количестве 1 636 книг, преимущественно по юридическим и философским наукам [8].

В качестве пожертвований поступили книги от частных лиц (всего 4 562 тома), а также от различных правительственных учреждений: Министерства торговли и промышленности (181 том), Главного управления землеустройства и земледелия (100 томов), Министерства путей сообщения (33 тома), Министерства внутренних дел (77 томов), Министерства народного просвещения (3 тома) и Государственной канцелярии (15 томов).

Местные учреждения пожертвовали 330 томов, иностранные организации – 818 томов, городские и земские учреждения – 1172 тома, а высшие учебные заведения – 351 том. В общей сложности было получено 6 903 тома.

Было куплено 3 624 тома, а остальные 475 были получены бесплатно от редакций периодических изданий, статистических сборников, журналов и отчетов различных учреждений, а также в результате случайных поступлений.

Общее количество книг в библиотеке увеличилось на 16 623,08 рублей в течение 1912 года. На 1 января 1913 года общая стоимость библиотеки составила 60 521,08 рублей.

С 1 октября 1912 года в новом здании Института были открыты две семинарские библиотеки для слушателей. В эти библиотеки поступили предыдущие семинарские библиотеки, некоторые отделы фундаментального образования, сборники и своды законов, страховые отделы, а также энциклопедические словари и справочные издания по земской статистике и местному самоуправлению.

После перемещения и распределения книг между фундаментальной и двумя семинарскими библиотеками, а также внутри отделов этих библиотек, возникли следующие результаты.

- Фундаментальная библиотека: на русском языке – 14 113 томов, на иностранном языке – 3 970 томов.
- Семинарская библиотека: на русском языке – 8 182 тома, на иностранном языке – 2 320 томов.

- Семинарская библиотека по статистике и местному самоуправлению: общий итог – 33 211 томов (на русском языке и на иностранном языке).

Состав библиотеки увеличился сравнительно с 1911 годом на 37,8%. На русском языке прирост составил 35,8%, на иностранных языках – 40,05%. В предыдущие годы прирост иностранных сочинений отставал от прироста русских сочинений. Однако в текущем году доля иностранных книг достигла 17,1% от общего количества литературы в библиотеке, что соответствует увеличению числа иностранных сочинений, замеченному в прошлом году.

В фундаментальной библиотеке небольшой прирост наблюдается в экономических науках, прикладных знаниях и математике. В семинарской библиотеке наибольший рост произошел в экономических отделах и юридических дисциплинах благодаря библиотеке Шершеневича. Комплект статистических знаний значительно пополнился. Фундаментальная библиотека увеличилась на 4 000 томов (28,4%), общая семинарская – на 4 742 тома (82%), а статистическая – на 2 260 томов (24,4%). Рост общей семинарской библиотеки связан с двумя значительными пожертвованиями: Шершеневич передал почти всю свою библиотеку (за исключением 80 дублетных экземпляров), а Гольдштейн добавил 1 139 томов к своей семинарии.

Общая книжная наличность библиотеки за восемь лет ее существования увеличилась с 123 томов в 1907 году до 51 892 томов на 1 января 1914 года (1907 год – 123 тома, 1908 год – 1 982 тома, 1909 год – 4 017 тома, 1910 год – 8 875 томов, 1911 год – 20 622 тома, 1912 год – 29 102 тома, 1913 год – 40 104 тома, 1 января 1914 год – 51 892 тома), на 1 января 1917 года – 82 000 томов.

В 1913 году было приобретено 4 032 книги, отдельными лицами – 3 404 тома, правительственными учреждениями – 549 томов, городскими земельными учреждениями – 1 331 том, общественными учреждениями и учебными заведениями – 2 000 томов и 472 тома соответственно. В итоге прирост в 1913 году составил 11 788 томов.

Общая стоимость библиотеки достигла 76 592,88 рублей на 1 января 1914 года, увеличившись на 16 071,80 рублей в течение 1913 года.

Даже события первого года Великой войны мало отразились на деятельности библиотеки М. К. И. «Конец 1914 года (сентябрь-декабрь) прошёл даже под знаком особенно усиленной деятельности библиотек», – указано в Отчёте М. К. И. по учебной части за 1914/15 учебный год. Фонд, составляющий уже около 60 000 томов, продолжал работать. Увеличился средний оборот каждой книги, его коэффициент в 1914 году составил 2,5. «В практике русских академических библиотек такая интенсивность оборота книг представляет редкое явление. Как показывают данные, собранные для состоявшейся <...> международной Лейпцигской выставки

по книжному делу, оборот крупных русских академических библиотек не превышает обычно 1/5» [6].

Общий наличный фонд библиотеки составлял 64 687 томов в период с 1 сентября 1914 года по 1 сентября 1915 года [7].

К 1918 году библиотека Коммерческого института насчитывала 82 000 томов [1]. К сожалению, из-за войны и революционных событий Московское общество распространения коммерческого образования выпустило свой отчет последний раз 1916 году, поэтому подробной информации о поступлениях не сохранилось.

Анализ деятельности библиотек за рассматриваемый период показывает успешное становление и развитие библиотечной системы. К ключевым достижениям можно отнести следующее: создана эффективная система управления библиотечным фондом с четкими правилами и процедурами; обеспечен существенный рост книжного фонда; сформирована разнообразная читательская аудитория; достигнута финансовая устойчивость (доходы превысили расходы).

Особенности функционирования библиотек заключались в том, что был выставлен приоритет образовательных направлений в комплектовании фондов, активно использовались системы пожертвований, сбалансированно распределялись книги по различным отраслям знаний, выстроена эффективная система учета и контроля за использованием книг.

Несмотря на некоторые трудности (снижение активности библиотеки торговых классов, неравномерность запросов по различным разделам), библиотечная система продемонстрировала способность адаптироваться к изменяющимся условиям, эффективное использование имеющихся ресурсов, потенциал для дальнейшего развития и устойчивость финансовой модели.

Таким образом, библиотечная система успешно выполнила свои образовательные и культурные задачи, создав прочную основу для дальнейшего развития и расширения своей деятельности.

1907 год стал переломным в развитии библиотеки, были достигнуты впечатляющие результаты. В связи с открытием Московского коммерческого института и поставленными образовательными целями библиотека продемонстрировала масштабный количественный рост: увеличение фонда в 15 раз, эффективное обновление за счет исключения устаревших изданий и сбалансированное распределение поступлений по всем отделениям.

Библиотека Института выстроила успешную модель развития. Смогла организовать успешную систему сочетания систематических покупок с масштабными пожертвованиями, наладить активное сотрудничество с крупными благотворителями, организовала эффективную систему взаимодействия с культурными учреждениями.

Главная задача библиотеки Института – ориентация на образовательные потребности. В этой связи осуществлялось систематическое пополнение фонда дубликатами, рост фонда соответствовал увеличению числа слушателей.

При организации библиотеки М. К. И. внедрена продуманная политика обновления фонда, применялся структурированный подход к распределению поступлений и организовано эффективное управление ресурсами, сформирована устойчивая система пополнения фонда через пожертвования и установлены продуктивные связи с крупными благотворителями и учреждениями.

Особенно важно отметить существенное увеличение доли иностранной литературы, значительный рост семинарской библиотеки, формирование структурированного фонда с четким разделением по направлениям и расширение коллекций по экономическим наукам, прикладной математике и юридическим дисциплинам

Стоимость библиотеки достигла внушительной суммы в 76 592,88 рублей, что свидетельствует о ее значительном развитии и ценности. Библиотека стала важным культурным и образовательным центром, способным удовлетворять разнообразные потребности читателей в научной и учебной литературе.

Устройство библиотеки Московского коммерческого института имело ряд особенностей, которые отличали её от библиотек других коммерческих учебных заведений.

Библиотека Московского коммерческого института была одной из крупнейших среди коммерческих учебных заведений своего времени. Фонд насчитывал десятки тысяч книг, включая редкие издания и специализированные труды по экономике, праву, бухгалтерии и другим дисциплинам, связанным с коммерцией.

В отличие от многих других библиотек, библиотека Московского коммерческого института активно сотрудничала с преподавательским составом и студентами. Она регулярно обновляла фонд новыми изданиями, чтобы поддерживать высокий уровень образования. Библиотекари помогали студентам находить необходимую литературу и консультировали их по вопросам выбора источников.

Благодаря успешному устройству библиотечной системы первое высшее экономическое учебное заведение стало таким успешным, ведь сформированные фонды полноценно обеспечили учебной литературой все направления учебной специализации. Это позволило учащимся углубиться в изучаемые предметы и получать актуальные знания. Сформированный библиотечный фонд показывал, что руководство Института заботится о качестве образования и стремится обеспечить своих студентов доступом к лучшим источникам знаний.

Список литературы

1. *Абрамов В. Ф.* Земские библиотеки в России // История библиотек: исследование, материалы, документы. Санкт-Петербург. 1999. Выпуск 2. С. 8–27.
2. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в России. В 2 ч. Ч. 2: учебно-методическое пособие для студентов, преподавателей и библиотечкарей-практиков: Московский государственный университет культуры и искусства. Москва: Либерея. 2001. 160 с.
3. *Высоцкая Е. К.* Библиотечная жизнь России: краткая информационная справка // Российская Национальная библиотека. 15-й выпуск. Санкт-Петербург. 1997. 44 с.
4. *Маркова Т. Б.* Библиотека как феномен культуры: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Санкт-Петербург. 1999. 22 с.
5. *Мотульский Р. С.* Библиотека как социальный институт. Москва: Московский государственный университет культуры и искусства. 2002. 374 с.
6. Отчёт Московского коммерческого института. 1914–1915 год (по учебной части). Московский коммерческий институт. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1917. 156 с.
7. Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1907 год: год десятый. Московское общество распространения коммерческого образования. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина. 1908. 515 с.
8. Отчет Московского общества распространения коммерческого образования за 1910 год: год тринадцатый. Московское общество распространения коммерческого образования. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина. 1911. 515 с.
9. *Столяров Ю. Н.* Что такое библиотека? (О её сущности и исходных функциях) // Библиотекосведение. 1999. № 7/12. С. 20–33.
10. Устав Московского коммерческого института. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина. 1912. 27 с.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи составляет от 25 000 до 40 000 знаков, включая пробелы и список литературы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 10 и не более 30. References не требуются.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);
 - б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес;
 - в) обязательным является указание на УДК, грант или госзадание. Обязательно указание на шифр и название специальности, по которой идет статья.
5. **Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru**
 - а) все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название

и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов;

- б) до рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75%. Цитаты занимают не более 20 процентов текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 процентов текста в форме пересказа со ссылкой на источник);
- в) автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящихся на рассмотрении в других изданиях;
- г) статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации рукописи.

При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been published before. The article should have scientific novelty, reflect the main results of the author's research, correspond to the general direction of the journal and be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article may contain (if necessary) a minimum of tables, formulas and graphic dependencies. The article must be completed with a conclusion (conclusions). All abbreviations and scientific terms should be disclosed. Do not abuse Internet sources. When using them, it is necessary to give references in accordance with the rules for designing the bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word editor, the font is Times New Roman, the point size is 14, the spacing is 1.5.
2. The length of the article is from 25,000 to 40,000 characters, including spaces.
3. The list of literature is located at the end of the article in alphabetical order, bibliographic descriptions in the list are drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article are given in square brackets. The number of sources in the bibliographic list is not less than 8 and not more than 30. References are not required.
4. Attached to the article:
 - a) abstract (100–250 words) in Russian and English, as well as key words to the article in Russian and English (8–12 words);
 - b) information about the author in the following order – the full name of the author (authors), academic degree, academic title, position, place of study or work (in the nominative case), city, country. All data are duplicated in English. Separately, a contact phone number is indicated, and an e-mail address is required;
 - c) mandatory is an indication of the UDC, grant or state task. It is obligatory to indicate the code and the name of the specialty in which the article goes.
5. **Articles are accepted in the electronic version on the e-mail of the editors: vestnik-mguki@mail.ru**
 - a) all articles are double-blind peer-reviewed and published free of charge. The editorial board reserves the right to select materials, as well as the ability to make changes to the title and text of the article in agreement with the author. The position of the editors may not coincide with the point of view of the authors;
 - b) prior to reviewing, the originality of the article is checked in the Anti-Plagiarism system. The journal accepts articles with a degree of orig-

inality of the text of at least 75%. Quotations take up no more than 20 percent of the text. Self-quoting is limited to the necessary minimum (no more than 10 percent of the text in the form of a paraphrase with a link to the source);

- c) The author is responsible for the accuracy of reproduction of names, quotations, formulas. The author must inform the editorial board of the journal about all his works and the works of his co-authors, which intersect in subject matter with the article submitted to the editorial office and are under consideration in other publications;
- d) An article, after its approval by the editorial board of the journal, can be prepared for publication up to six months. The contract form is sent to the author after the editorial board decides to publish the manuscript.

When presenting the main results of his research, the author must be in the legal field, its publication should not in any way violate the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124–1 (as amended on April 18, 2018) «On the Mass Media».

Scientific academic journal «Culture and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts» is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of major scientific results of dissertation research for the award of a scientific degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them:

- 5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical Sciences),
- 5.8.2. Theory and Methodology of Training and Education (by areas and levels of education) (Pedagogical Sciences),
- 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Training (Pedagogical Sciences),
- 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences),
- 5.9.2. Literature of the Peoples of the World (Philological Sciences), 5.9.3. Theory of Literature (Philological Sciences),
- 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Art History), 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Cultural Sciences),
- 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Philosophical Sciences),
- 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Cultural Sciences),
- 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Pedagogical Sciences),
- 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Philological Sciences).

It is published since 2008. It is issued 4 times a year

THE FOUNDER

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«**Moscow state institute of culture**»

CHIEF EDITOR

E. L. Kudrina, DSc in Pedagogy, Professor,
Director of the Scientific Center of the Russian Academy of Education based
at the Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR

L. N. Voevodina,
DSc in Philosophy, Professor

DEPUTY EDITOR

A. H. Dzirov,
DSc in Pedagogy, Professor

DEPUTY EDITOR

A. M. Mazuritsky,
DSc in Pedagogy, Professor

DEPUTY EDITOR, EXECUTIVE EDITOR

T. N. Suminova,
DSc in Philosophy, Professor

EDITOR

V. A. Sadikova

TECHNICAL EDITOR

D. A. Fomicheva

LAYOUT

R. M. Pavlovsky

Editorial office address (actual):

141400, Moscow region, Khimki-6,
Bibliotechnaya str., 7, building 2, room B-304, MSIC

Contact phone number

8 (495) 570-01-04

The official website of the magazine

<http://kio.mgik.org/>

E-mail to the editorial offices of the MSIC scientific journals:

vestnik-mguki@mail.ru

Signed to the press: 06/11/2026. Format 70x100¹/₁₆.
Conditional printed sheets 17,55. Circulation 500 copies. The price is free.
Printed from the finished original layout in the MSIC printing house.
Address: 7 Bibliotechnaya str., Khimki, Moscow region, 141406.

The journal «Culture and Education: scientific and informational journal of universities of culture and arts» is registered
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).
Certificate of registration of the mass media PI No.FS 77-61424 dated April 10, 2015.